ЧТЕНІЯ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ЗА ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

П. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1885.

ЧТЕНІЯ

ИЗЪ

ИСТОРІИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

ЗА ВРЕМЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА I

П. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1885.

Оттискъ изъ Православнаго Собесѣдника за 1885 г.

I.

Возшествіе на престолъ и характеръ Александра I. Отношеніе правительства къ церковнымъ дѣламъ. Сперанскій. Составъ высшей церковной администраціи. Первые оберъ-прокуроры Синода. Кн. Голицынъ. Новые члены Синода. Начало преобразованій въ духовенствѣ. Комитетъ 1808 г. Комиссія духовныхъ училищъ. Духовно-учебный капиталъ. Возвышеніе Θеофилакта Русанова. Филаретъ Дроздовъ. Его отношенія къ митрополиту и Θеофилакту. Ослабленіе силы послѣдняго.

Послѣ крутаго царствованія императора Павла I воспествіе на престолъ Александра I (12 марта 1801 г.) встрѣчено было съ живѣйшимъ восторгомъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Новый государь былъ воспитанникъ благороднаго республиканца Лагарпа, былъ любимый внукъ Екатерины Великой, царствованіе которой теперь рисовалось въ дали прошлаго одними только свѣтлыми чертами своего гуманнаго и либеральнаго характера; а слова перваго манифеста Александра прямо гласили, что онъ будетъ царствовать по законамъ и сердцу мудрой своей бабки, и слѣдовательно прямо обѣщали конецъ всѣмъ суровостямъ и возстановленіе правленія гуманнаго и либеральнаго.

О личности новаго государя записки современниковъ отзываются съ единодушнымъ и какимъ-то страстнымъ увлеченіемъ, какъ о личности въ высшей степени обаятельной, какомъ-то ангелѣ во плоти. Его ласковость, нѣжное состраданіе ко всякому несчаст-

ному, признаніе человѣческихъ правъ въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни былъ поставленъ, простота частной жизни, поэтическая любовь къ природѣ, глубокое отвращеніе отъ испорченныхъ нравовъ двора, искреннее стѣсненіе предъ своимъ собственнымъ величіемъ и положеніемъ неограниченнаго монарха страны — все это показывало друзьямъ свободы, что они дожили до полнаго осуществленія поэтическихъ благожеланій Державина, когда-то привѣтствовавшаго рожденіе порфиророднаго отрока словами: „Будь на тронѣ человѣкъ". Государственное направленіе Александра выработалось среди противоположныхъ и сильныхъ впечатлѣній его юныхъ лѣтъ, сначала впечатлѣній крайняго революціоннаго движенія въ Европѣ конца XVIII в., потомъ впечатлѣній такихъ же крайностей монархической реакціи прошлаго царствованія. Онъ вынесъ изъ этихъ впечатлѣній одинаковое отвращеніе отъ тѣхъ и другихъ крайностей, стремленіе къ ихъ взаимному примиренію и самоограниченію, многостороннія, примирительныя убѣжденія, осуществленіе которыхъ мечталъ найти въ конституціонномъ строѣ государства. Для большинства заурядныхъ людей такая многосторонность убѣжденій непонятна, понятнѣе направленія одностороннія, прямолинейныя; отъ того современники и считали его—одни опаснымъ для монархій либераломъ, другіе напротивъ врагомъ свободы, консерваторомъ, представителемъ абсолютизма власти, третьи—человѣкомъ двойственнымъ, колеблющимся на ту и другую сторону, или же слабымъ, поддающимся разнымъ вліяніямъ.

Въ религіозномъ направленіи его можно видѣть ту же черту своего рода примирительнаго характера. Сухая, до крайности отрицательная философія XVIII вѣка, подъ вліяніями которой онъ выросъ при дворѣ Екатерины, не могла удовлетворять его поэтической и женственно-сантиментальной натуры, но съ другой

стороны онъ не получилъ религіознаго воспитанія и въ православномъ духѣ. Воспитатель его Лагарпъ, полуфилософъ, полумасонъ, могъ сообщить ему развѣ только смутныя представленія о Богѣ, какъ о нѣкоей невѣдомой, таинственной Силѣ. Законоучитель его протоіерей А. Самборскій, человѣкъ самъ недальняго богословскаго образованія и кромѣ того либералъ, заботился только объ аккуратномъ выполненіи имъ обрядовой стороны православія. Александръ послѣ самъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что его воспитатели не были вѣрующими христіанами. Подобно многимъ своимъ современникамъ, которые были тоже лишены религіознаго воспитанія, а между тѣмъ по своему характеру и по обстоятельствамъ чувствовали въ себѣ непреодолимую потребность религіи, онъ выработалъ себѣ своеобразную собственную религію безъ опредѣленныхъ догматическихъ убѣжденій, универсальную религію сердца, одинаково мирившуюся со всѣми вѣроисповѣданіями и ни къ одному изъ нихъ непринадлежавшую, близкую болѣе къ протестантскому мистицизму, чѣмъ къ православію. Въ церковныхъ дѣлахъ онъ не имѣлъ никакихъ свѣденій, поэтому на первыхъ порахъ своего царствованія долго не обнаруживалъ къ нимъ надлежащаго вниманія, всецѣло предавшись выполненію однихъ своихъ завѣтныхъ юношескихъ мечтаній о новомъ устройствѣ государства, о водвореніи во всемъ его строѣ принциповъ законности и свободы и о просвѣщеніи своего народа чрезъ умноженіе всякаго рода школъ. Ближайшіе сотрудники его реформъ, Кочубей, Новосильцевъ, Строгоновъ, Чарторыжскій, менѣе всего способны были думать о нуждахъ православной церкви, послѣдній, какъ завзятый полякъ, первые трое, какъ люди антирелигіознаго направленія. Между всѣми государственными людьми, съ которыми любилъ работать юный государь, едва ли не единственнымъ знатокомъ церковныхъ дѣлъ былъ М. М. Сперанскій, самъ принадле-

жавшій по происхожденію къ духовному сословію (род. 1772 г.).

Онъ былъ сынъ сельскаго священника владимірской епархіи села Черкутина, образованіе получилъ сначала во владимірской, потомъ въ главной петербургской семинаріи; по окончаніи курса былъ въ последней учителемъ и дослужился до должности учителя философіи и префекта, выше которой свѣтское лице уже не могло возвышаться на духовно-учебной службѣ. Бѣдность семинарскихъ окладовъ заставила его искать добавочныхъ средствъ къ своему содержанію на частной службѣ домашняго секретаря у кн. Куракина. Въ 1796 г. Куракинъ сдѣлался генералъ-прокуроромъ и совсѣмъ перевелъ къ себѣ Сперанскаго на государственную службу. Съ этихъ поръ талантливый молодой человѣкъ быстро пошелъ въ гору и къ началу новаго царствованія составилъ себѣ уже очень громкое имя въ чиновномъ мірѣ. Кочубей перевелъ его къ себѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и черезъ 4 съ половиной года послѣ своего скромнаго учительства въ семинаріи онъ былъ уже статсъ-секретаремъ, любимымъ докладчикомъ и сотрудникомъ молодаго государя. Александру, страстно занятому преобразовательными планами, нуженъ былъ именно такой дѣлецъ, какъ Сперанскій, съ необыкновенно-яснымъ взглядомъ на вещи, съ могучимъ размахомъ систематическаго и организаторскаго ума, быстрый и неутомимый въ работѣ, умѣвшій на лету, съ полуслова угадывать мысль, зародившуюся въ головѣ царя, развивать ее въ подробностяхъ и съ изумительною легкостію придавать ей стройную и законченную законодательную форму. Въ 1803 г. Сперанскому поручено было составить планъ общаго преобразованія всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ мѣстъ имперіи; реформы, разработанныя имъ, шли одна за другой и держали все государство въ необычайномъ напряженіи до самаго 1812 г., когда виновникъ этихъ реформъ, слывшій за поклонника Наполеона и его законодательнаго кодекса, подвергся

тяжкой клеветѣ отъ своихъ многочисленныхъ враговъ въ государственной измѣнѣ и отправленъ въ ссылку. Во время своей силы при государѣ Сперанскій не пользовался особенною любовію и довѣріемъ среди духовенства, считавшаго его вольнодумцемъ и какимъ-то ренегатомъ своего роднаго сословія, но онъ не забывалъ интересовъ этого сословія и сдѣлалъ для него много добра, не смотря на то, что былъ заваленъ государственными работами. Въ 1802 г., едва ли не по его иниціативѣ, въ кружкѣ ближайшихъ сотрудниковъ Александра въ первый разъ заговорили о состояніи церкви и поднятъ былъ вопросъ о возвышеніи образованія и внѣшняго быта духовенства,—по крайней мѣрѣ въ послѣдующемъ рѣшеніи этого вопроса онъ явился главнымъ и усерднымъ дѣятелемъ.

Во главѣ церковной администраціи, въ качествѣ первенствующаго члена св. Синода, стоялъ тогда митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ, возведенный на петербургскую каѳедру еще при Павлѣ Петровичѣ на мѣсто уволеннаго на покой м. Гавріила. Старѣйшій изъ тогдашнихъ святителей, митрополитъ московскій Платонъ первенствовалъ при коронаціи Александра и привѣтствовалъ его извѣстною классическою рѣчью, которая была послѣдней блестящей вспышкой его ораторскаго таланта: „И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть царя нашего вѣнчанна и превознесенна“; но послѣ этого, какъ въ прежнее царствованіе, держался постоянно въ тѣни и не принималъ никакого участія въ общихъ и высшихъ дѣлахъ церковнаго управленія, хотя и числился членомъ Синода. М. Амвросій не отличался особенно высокими талантами, далеко не былъ ни Гавріиломъ, ни Платономъ, рѣшеніе высшихъ, сложныхъ вопросовъ церковной жизни превышало его личныя способности, которыхъ доставало только на веденіе текущихъ, отчасти синодальныхъ, а больше однихъ епархіальныхъ дѣлъ;—вопросы этого высшаго порядка и поднимались и рѣшались при немъ другими членами Синода. Но онъ за

то былъ аккуратенъ, исполнителенъ, очень дѣятеленъ и обладалъ дорогою въ его положеніи способностью примѣняться къ современному положенію дѣлъ, держать себя съ тактомъ, не только не мѣшать своимъ болѣе способнымъ сотрудникамъ, но и цѣнить ихъ работы и даже быть между ними виднымъ и полезнымъ президентомъ. Оберъ-прокуроромъ Синода въ первый годъ царствованія былъ извѣстный своей несчастной страстью къ стихоплетству графъ Хвостовъ, вовсе не вступавшійся въ дѣла. Весь этотъ годъ для Синода прошелъ въ полномъ затишьѣ.

Въ концѣ 1802 г., когда преобразовательная дѣятельность правительства дошла наконецъ и до духовнаго вѣдомства, во главѣ его понадобилось поставить болѣе способныхъ и энергичныхъ людей, начиная съ оберъ-прокурора. Графъ Хвостовъ очевидно не годился для той роли, какая предстояла оберъпрокурору впереди, и былъ замѣненъ Яковлевымъ,— человѣкомъ весьма дѣловитымъ, горячимъ поборникомъ законности и государственнаго интереса, въ родѣ извѣстнаго Елизаветинскаго оберъ-прокурора, кн. Шаховскаго. Но, какъ Шаховской же, онъ тотчасъ вошелъ въ Синодѣ въ разныя неугомонныя пререканія съ членами изъ-за господствовавшаго до него невнимательнаго веденія синодальныхъ дѣлъ, изъ-за разныхъ вопросовъ, касавшихся соблюденія въ дѣлахъ законныхъ формъ, изъ-за новаго изданія Д. Регламента, въ которомъ почему-то вдругъ явилась крайняя надобность, расходованія суммъ духовнаго вѣдомства — остаточныхъ, типографскихъ и отъ продажи книгъ, пререканія, которыя показывали въ немъ человѣка опытнаго и ревностнаго, но болѣе формальнаго, не могшаго стоять на надлежащей высотѣ своего призванія. Черезъ 9 мѣсяцевъ (въ окт. 1803 г.) онъ былъ смѣненъ, успѣвши впрочемъ сильно подорвать довѣріе государя къ м. Амвросію и даже совсѣмъ вытѣснить изъ Синода одного изъ наиболѣе непріятныхъ ему членовъ, Павла ярославскаго. По-

слѣ него оберъ-прокуроромъ назначенъ былъ князь А. Н. Голицынъ, другъ юности Александра и самое довѣренное его лице, съ которымъ никто не могъ соперничать въ силѣ и вліятельности.

Голицынъ былъ еще очень молодъ (30 лѣтъ), когда былъ облеченъ этой важной должностью, и вовсе къ ней не подготовленъ. Это былъ человѣкъ добраго, но легкаго и увлекающагося характера; религіознаго образованія не имѣлъ, отличался даже рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ церкви; тѣмъ не менѣе онъ на первыхъ же порахъ успѣлъ крѣпко захватить церковныя дѣла въ свои руки. По вступленіи въ должность оберъ-прокурора онъ впрочемъ значительно остепенился, сдѣлался солиднѣе, бросилъ дурную привычку кощунничать, занялся чтеніемъ религіозныхъ книгъ, сблизился съ людьми религіознаго направленія и сталъ подавать большія надежды на свое обращеніе къ вѣрѣ. Къ сожалѣнію, всѣ почти такіе люди тогдашняго высшаго общества, питомцы XVIII в., при обращеніи своемъ къ вѣрѣ имѣли обыкновеніе примыкать не къ православію, на которое смотрѣли свысока, какъ на вѣру исключительно простонародную, а къ аристократическому, блестящему католичеству, или еще чаще—къ бездогматному, мнимо-возвышенному и модному тогда по всей Европѣ мистицизму, который позволялъ имъ вѣрить во все и ни во что. Какъ человѣкъ живой, увлекающійся и въ то же время совершенный младенецъ относительно всего, что касалось религіи и церкви, кн. Голицынъ по своемъ обращеніи тоже сдѣлался сначала на нѣкоторое время игрушкой іезуитовъ, а потомъ адептомъ и покровителемъ всякаго рода мистическихъ сектъ, какія только попадали въ Россію. Впрочемъ дѣятельность его въ этомъ послѣднемъ направленіи обозначилась преимущественно во вторую половину царствованія Александра.

Съ началомъ церковныхъ реформъ измѣнился и составъ синодальныхъ членовъ. Изъ прежнихъ членовъ архіереевъ въ немъ остались м. Амвросій и

ученый Ириней Клементьевскій архіепископъ псковскій; вновь поступили: Меѳодій Смирновъ архіепископъ тверской, извѣстный тогда лингвистъ и экзегетъ, прославившійся хорошимъ устройствомъ духовно-учебныхъ заведеній по всѣмъ епархіямъ, которыми управлялъ, и знаменитый витія архіепископъ могилевскій Анастасій Братановскій,—потомъ послѣ перевода Анастасія въ Астрахань и кончины его (1807 г.) Ѳеофилактъ Русановъ епископъ калужскій, однокурсникъ по школѣ и другъ Сперанскаго, человѣкъ живой, свѣтски образованный, блестящій проповѣдникъ, успѣвшій обратить на себя вниманіе двора и высшаго общества еще въ предшествовавшее царствованіе, когда былъ при Синодѣ еще только въ санѣ архимандрита. Благодаря сильной поддержкѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и Сперанскаго и своимъ личнымъ талантамъ, онъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался вліятельнѣе всѣхъ членовъ св. Синода, не исключая самого митрополита, и выступилъ впередъ въ качествѣ главнаго дѣятеля по современнымъ вопросамъ, касавшимся церкви.

Самымъ первымъ и важнымъ вопросомъ этого рода былъ вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ, поднятый правительствомъ еще въ 1802 г. и стоявшій въ связи съ тогдашними заботами правительства о просвѣщеніи народа и умноженіи всякаго рода учебныхъ заведеній. Подъ рукой у м. Амвросія нашелся человѣкъ, весьма подходящій для работъ по этому вопросу, которому и поручено составить общій планъ училищной реформы. Это былъ и тогда уже славный своею многостороннею ученостію архимандритъ Евгеній Болховитиновъ. Онъ былъ воспитанникъ московской академіи и университета, потомъ служилъ учителемъ и префектомъ въ своей родной воронежской семинаріи, затѣмъ протоіереемъ въ г. Павловскѣ, откуда послѣ его вдовства Амвросій въ 1800 г. и вызвалъ его въ Петербургъ; здѣсь митрополитъ постригъ его въ монахи, сдѣлалъ префектомъ петербургской семи-

наріи и постоянно ему покровительствовалъ. Евгеній усердно принялся за исполненіе возложеннаго на него порученія, не смотря на то, что вскорѣ послѣ этого въ 1804 г. былъ посвященъ въ епископа старорусскаго (викарія митрополита) и долженъ былъ отправиться въ Новгородъ, гдѣ вниманіе его, какъ историка и археолога, сейчасъ увлекли тамошнія многочисленныя древности и историческіе памятники. Къ 1805 г. онъ успѣлъ составить полный планъ преобразованія дух. школъ за исключеніемъ экономической стороны дѣла и представилъ его въ Синодъ. Анастасій Братановскій пересмотрѣлъ его работу и дополнилъ ее весьма плодотворнымъ послѣ на практикѣ проектомъ о назначеніи содержанія для дух. школъ изъ свѣчнаго дохода церквей. Послѣ этихъ предварительныхъ работъ въ концѣ 1807 г., по высочайше утвержденному докладу кн. Голицына, составленъ былъ особый комитетъ изъ духовныхъ (м. Амвросій, Ѳеофилактъ, протопресвитеръ С. Краснопѣвковъ и оберъ-священникъ І. Державинъ) и свѣтскихъ (кн. Голицынъ и Сперанскій) лицъ уже съ болѣе сложнымъ и труднымъ назначеніемъ—составить планъ и изыскать способы не только къ усовершенствованію духовныхъ училищъ, но и къ улучшенію быта всего духовенства. Комитетъ исполнилъ это назначеніе менѣе, чѣмъ въ полгода, и въ іюнѣ 1808 г. представилъ на утвержденіе государя докладъ, написанный Сперанскимъ, въ которомъ разработанъ былъ полный планъ преобразованія дух. училищъ по всѣмъ частямъ и обезпеченія какъ ихъ, такъ и церковныхъ причтовъ въ матеріальномъ отношеніи. По утвержденіи этого доклада м. Амвросій въ благодарственной рѣчи государю отъ Синода и духовенства выразилъ утѣшительную надежду, что отселѣ духовенство будетъ наконецъ проходить свое служеніе съ радостію, а не воздыхающе.

На первый разъ преобразованіе положено начать съ однихъ дух. училищъ. Для этого на мѣсто временнаго комитета 1808 года учреждена была постоян-

ная комиссія духовныхъ училищъ, изъ тѣхъ же впрочемъ лицъ, которыя засѣдали и въ комитетѣ, съ назначеніемъ приводить предначертанія комитета въ исполненіе и прежде всего составить самые уставы дух. училищъ. Начертаніе этихъ уставовъ началъ Сперанскій, но будучи обремененъ государственными дѣлами, не кончилъ своей работы и въ 1809 г. даже совсѣмъ вышелъ изъ членовъ комиссіи; послѣ него эту работу довершалъ Ѳеофилактъ. Высочайшее утвержденіе новыхъ уставовъ послѣдовало уже въ 1814 г. Не касаясь пока учебной стороны духовно-училищной реформы, очертимъ ея значеніе только со стороны, касавшейся церковной администраціи и новыхъ матеріальныхъ средствъ, которыми послѣ нея стала располагать русская церковь.

Комиссія дух. училищъ заняла очень важное мѣсто въ средѣ высшей церковной администраціи. Послѣдняя имѣла у себя доселѣ только одно спеціальное отдѣленіе, хозяйственное, и не имѣла ни одного спеціальнаго и центрально-административнаго органа, которому были бы подвѣдомы духовныя школы. Не смотря на всю важность духовнаго образованія въ общей жизни церкви, оно доселѣ имѣло одну исключительно - епархіальную постановку, подлежа административному вѣденію однихъ епархіальныхъ архіереевъ и даже ихъ консисторій. Поэтому комиссія явилась первымъ центральнымъ учрежденіемъ, которое въ первый разъ придало дух. школамъ общецерковную постановку и обще-церковное значеніе. Вмѣстѣ съ этимъ новымъ административнымъ учрежденіемъ, по мысли комитета, возникла цѣлая система духовно-учебнаго управленія, тоже совершенно новая, имѣвшая самостоятельную организацію, основанную на раздѣленіи школъ по степенямъ и на подчиненіи нисшихъ изъ нихъ высшимъ: нисшія, — приходскія и уѣздныя училища, подчинены семинаріямъ, эти — окружнымъ академіямъ, а академіи — самой комиссіи. Для управленія дѣлами учебныхъ округовъ при ака-

деміяхъ учреждены были особыя ученыя конференціи, составленныя, какъ и сама комиссія, изъ нѣсколькихъ ученыхъ особъ, частію изъ членовъ самихъ академическихъ корпорацій, частію изъ посторонних мѣстныхъ ученыхъ духовнаго и свѣтскаго званія; конференціямъ этимъ предоставлены по ихъ округамъ цензура духовныхъ сочиненій, производства въ ученыя степени и ревизіи духовныхъ училищъ. Ближайшее начальственное попеченіе о духовныхъ училищахъ ввѣрено попрежнему епархіальнымъ архіереямъ, но только самимъ лично, съ устраненіемъ отъ участія въ училищныхъ дѣлахъ мѣстныхъ консисторій, какъ спеціальныхъ органовъ собственно епархіальнаго управленія и учрежденій не ученаго, а канцелярскаго характера.

Не менѣе удачно комитетъ 1808 г. рѣшилъ и другую свою задачу—изыскать способы къ матеріальному обезпеченію училищъ и церковныхъ причтовъ, создавъ для этого, такъ сказать, творчески, изъ ничего громадный капиталъ и притомъ безъ всякаго отягощенія государства и народа. Къ прежнимъ способамъ содержанія духовенства (отъ сборовъ за требы и церковныхъ земель) онъ отнесся отрицательно и положилъ обезпечить причты опредѣленнымъ жалованьемъ въ размѣрѣ по 300 р. ассигн. въ годъ на причты низшаго IV класса, 500—III, 700—II и 1000 — высшаго классовъ, оставивъ впрочемъ за ними и доходы отъ ихъ церковныхъ земель и снабдивъ ихъ кромѣ того церковными домами. По исчисленію, произведенному имъ, вся сумма на эти оклады вмѣстѣ съ окладами на духовныя училища должна была простираться до 8,431,986 р. ассигн. (изъ нея на одни причты 7,101,400 р.) ежегодно. Для составленія ея комитетъ обратился: а) къ экономическимъ суммамъ церквей, простиравшимся по его счету до 5,600,000 р., — отобравъ эти деньги отъ церквей, онъ предположилъ пятую часть ихъ (1,120,000) положить въ банкъ на содержаніе изъ ея процентовъ духовныхъ школъ, а остальную сумму назначить на устройство разныхъ

зданій церковнаго вѣдомства, въ томъ числѣ и домовъ для причтовъ, въ качествѣ капитала церковностроительнаго; б) къ ежегодному свѣчному доходу церквей, для усиленія котораго розничная продажа церковныхъ свѣчъ объявлена была монополіею церкви,—по предположительному разсчету ежегодная сумма этого дохода должна была простираться до 3,000,000 р.; наконецъ уже в) къ пособію отъ казны, котораго испрошено по 1,353,000 р. на годъ въ теченіи 6 лѣтъ. Въ эти 6 лѣтъ всѣ означенныя суммы, за исключеніемъ 352,000 р., назначенныхъ къ ежегодному расходованію на преобразованіе и содержаніе училищъ пока одного на первый разъ петербургскаго округа, должны были храниться въ банкѣ для приращенія. Къ 1814 г. изъ нихъ долженъ былъ, по разсчету 5% ежегоднаго приращенія, образоваться капиталъ въ 24,949,000 р. съ ежегоднымъ доходомъ въ 1,247,450 р.; такимъ образомъ вмѣстѣ съ 3000000 р. свѣчнаго дохода комиссія съ этого времени должна была располагать 4,247,450 р. ежегоднаго дохода. Къ этой суммѣ съ 1814 г. казна, по предварительному ходатайству комитета, обязывалась выдавать пособіе въ усиленномъ противъ прежняго размѣрѣ, по 2,000,000 р. въ годъ до тѣхъ поръ, пока церковный капиталъ не возрастетъ до размѣровъ, при которыхъ это пособіе окажется болѣе ненужнымъ. Такъ изысканъ былъ ежегодный доходъ церкви въ 6,247,450 р., въ размѣрѣ уже близкомъ къ требовавшейся цифрѣ.

При осуществленіи этого грандіознаго проекта на практикѣ противъ разсчетовъ комитета оказались большіе недочеты а) вслѣдствіе крайняго замедленія въ доставкѣ церковныхъ экономическихъ суммъ и въ устройствѣ свѣчной монополіи, потомъ б) вслѣдствіе огромныхъ утаекъ и недоимокъ въ сборахъ со стороны приходовъ, в) освобожденія отъ свѣчныхъ сборовъ множества привиллегированныхъ церквей — крестовыхъ архіерейскихъ, монастырскихъ, полковыхъ, многихъ соборныхъ и домовыхъ, наконецъ г) вслѣдствіе

неизбѣжной контрабанды, сопровождавшей свѣчную монополію церкви, какъ и всякую другую (вмѣсто 3000000 руб. свѣчной доходъ до конца царствованія давалъ всего около 1,000,000—1,200,000 р.). Но при разныхъ сбереженіяхъ, какія ожидались отъ постепеннаго введенія преобразованій по округамъ, и при внимательной экономіи новый капиталъ все таки могъ бы достигнуть значительныхъ размѣровъ, если бы развитію всей этой операціи не помѣшали страшныя бѣдствія Россіи въ 1812 г.

По учености и энергіи самымъ виднымъ членомъ и въ Синодѣ и во вновь учрежденной комиссіи духовныхъ училищъ былъ Ѳеофилактъ, возведенный въ 1809 г. въ санъ архіепископа рязанскаго. Въ новооткрытой петербургской академіи, гдѣ онъ взялъ на себя устройство словеснаго класса и даже должность профессора словесности, онъ былъ полнымъ хозяиномъ и совсѣмъ вытѣснилъ изъ нея вліяніе митрополита. Высшее петербургское общество восхищалось его блестящими проповѣдями, его свѣтскостію, его бойкимъ французскимъ разговоромъ и много объ немъ толковало, сравнивая его съ митрополитомъ, разумѣется не въ пользу послѣдняго. Ходили слухи, что правительство намѣревается посадить нѣсколько архіереевъ въ государственный совѣтъ; понятно, что Ѳеофилактъ выставлялся при этомъ первымъ кандидатомъ на такой постъ, вслѣдствіе чего въ кружкахъ недовольныхъ имъ духовныхъ лицъ, стоявшихъ на сторонѣ митрополита, его прозвали Бріэнномъ,—именемъ извѣстнаго французскаго епископа — участника во французской революціи. М. Амвросій, какъ прежде него Гавріилъ, увидѣлъ себя покинутымъ всѣми членами Синода, которые поспѣшили стать на сторону усилившагося Ѳеофилакта. Самый нужный ему человѣкъ, на котораго онъ могъ бы теперь опереться въ своей старости, Евгеній Болховитиновъ въ 1808 г. былъ отправленъ на епархію въ Вологду. Друзья его совѣтовали ему даже добровольно уступить свою каѳедру

сильному сопернику, явно добивавшемуся бѣлаго клобука, и заранѣе удалиться изъ Петербурга въ Новгородъ по стопамъ своего предшественника, но онъ отвѣчалъ на это рѣшительно: „не самъ я себя поставилъ, не могу самъ себя и снять съ своего поста“, и остался на мѣстѣ.

Къ счастію для него, Ѳеофилактъ самъ не способенъ былъ удержаться на своей высотѣ: по горячности характера и страсти вмѣшиваться во всѣ дѣла онъ постоянно входилъ въ столкновенія съ людьми, которыхъ ему вовсе не слѣдъ было раздражать. Въ 1810 году онъ столкнулся съ самимъ Голицынымъ и Сперанскимъ. Столкновеніе это возникло изъ-за ученаго Фесслера, который по рекомендаціи Сперанскаго былъ вызванъ изъ Берлина для занятія въ академіи каѳедры еврейскаго языка и философіи и скоро по своей учености и вліянію на студентовъ сдѣлался здѣсь опаснымъ соперникомъ Ѳеофилакта, очень гордившагося знаніемъ философіи. Получивъ въ свои руки программу его философскихъ лекцій, Ѳеофилактъ жестоко ее раскритиковалъ, завинилъ автора въ крайнемъ идеализмѣ, разрушающемъ и философію и религію, въ мистицизмѣ и иллюминатствѣ и успѣлъ вытѣснить его изъ академіи, не смотря на усердную защиту его Сперанскимъ. Послѣ этого Сперанскій опредѣлилъ Фесслера къ себѣ въ комиссію составленія законовъ и видимо охладѣлъ къ Ѳеофилакту. Голицыну, который увлекался тогда уже мистицизмомъ, тоже не понравилась критика Ѳеофилакта на Фесслера.

Между тѣмъ въ 1809 г. въ Петербургѣ возсіяло новое свѣтило, которому суждено было затмить не одного только Ѳеофилакта: это былъ вызванный изъ Москвы на службу при академіи іеродіаконъ Филаретъ Дроздовъ. Онъ былъ сынъ одного небогатаго коломенскаго священника (родился въ концѣ 1782 г. и названъ Василіемъ), учился сначала въ коломенской, потомъ въ троицкой лаврской семинаріи и по окончаніи курса оставленъ былъ въ послѣдней въ

должности учителя. М. Платонъ на закатѣ дней своихъ замѣтилъ будущаго преемника своей ораторской славы и благословилъ его на проповѣдь. Въ 1806 г. онъ писалъ своему викарію Августину: „А у меня явился отличный проповѣдникъ—учитель Дроздовъ; я сообщу вамъ его проповѣдь, и вы удивитесь“. Послѣ этого онъ по своему обыкновенію началъ склонять молодаго витію къ монашеству и осенью 1808 года постригъ его. Переводъ Филарета въ Петербургъ чрезвычайно огорчилъ Платона и онъ нѣсколько разъ принимался хлопотать черезъ митр. Амвросія объ удержаніи полюбившагося ему учителя у себя въ Москвѣ, но совершенно напрасно. По пріѣздѣ въ Петербургъ Филаретъ съ самаго же начала встрѣтилъ себѣ неожиданнаго и опаснаго недоброжелателя въ Ѳеофилактѣ, который имѣлъ уже своего собственнаго кандидата на академическую службу, префекта калужской семинаріи іеромонаха Леонида Зарѣцкаго, и встрѣтилъ новаго кандидата, вызваннаго вѣроятно по желанію Амвросія, съ уничтожающимъ величіемъ. По его вѣроятно милости Филаретъ цѣлый годъ не могъ попасть въ академію и долженъ былъ служить при петербургской семинаріи, тогда какъ Леонидъ немедленно былъ назначенъ въ академію баккалавромъ словеснаго класса, т. е. помощникомъ Ѳеофилакта. М. Амвросій оказалъ ему напротивъ всякое съ своей стороны вниманіе, посвятилъ его въ іеромонахи, приблизилъ къ себѣ, представилъ оберъ-прокурору кн. Голицыну, и не ошибся въ немъ: Филаретъ считалъ его вторымъ послѣ м. Платона благодѣтелемъ себѣ и сталъ его правою рукою и дорогою опорою въ дѣлахъ. Въ непродолжительномъ времени покровителемъ Филарета сдѣлался самъ кн. Голицынъ. Но молодой іеремонахъ обладалъ могущественными средствами выдвигаться впередъ и безъ покровителей; этими средствами были его сильный умъ и высокій талантъ проповѣдничества, такъ поразившій м. Платона.

Въ Петербургѣ онъ впрочемъ довольно долго не выступалъ на церковную каѳедру. Но первая же проповѣдь, назначенная ему въ 1810 г. на праздникъ Благовѣщенія въ лаврѣ, обратила на него общее вниманіе. Послѣ этого митрополитъ началъ чаще назначать его для проповѣданія и преимущественно на большіе праздники, когда въ лавру стекалось больше народа. Ѳеофилактъ замѣтилъ, что ранняя слава новаго витіи можетъ затмить его собственную славу. Кто-то изъ людей его партіи о первой же проповѣди Филарета пустилъ слухъ, что проповѣдникъ обокралъ въ ней славнаго французскаго проповѣдника Массильона. О другой проповѣди на день св. Пасхи въ 1811 г. Леонидъ Зарѣцкій отозвался, что это не проповѣдь, а ода. Еще новая проповѣдь, произнесенная имъ въ томъ же году въ лаврѣ на лаврскій праздникъ св. Троицы о дарахъ св. Духа и произведшая особенно сильное впечатлѣніе на многочисленную публику, возбудила противъ себя открытое нападеніе уже со стороны самого Ѳеофилакта. За трапезою у митрополита, въ присутствіи множества знатныхъ гостей и духовенства, когда всѣ хвалили проповѣдника, Ѳеофилактъ заявилъ, что въ проповѣди проповѣдуется пантеизмъ, и вступилъ даже въ споръ съ тѣми, кто вздумалъ защищать ея православіе. Филаретъ на этотъ разъ вступился за себя и вскорѣ настоялъ на пересмотрѣ проповѣди, за которую его такъ компрометировали. Ее пересматривали внимательно самъ митрополитъ, потомъ Меѳодій тверской, извѣстный тогда по своей твердости въ догматахъ, кн. Голицынъ, Сперанскій и порѣшили немедленно ее напечатать. Она представлена была даже государю, послѣ чего въ концѣ іюня государь пожаловалъ Филарету драгоцѣнный наперстный крестъ „за отличіе въ проповѣданіи слова Божія“. Черезъ недѣлю послѣ этого пожалованія Филаретъ, будучи всего 28 лѣтъ отъ роду, посвященъ былъ въ архимандрита. Съ тѣхъ поръ его проповѣдническая каѳедра была постоянно

окружена множествомъ публики изъ петербургской знати. Ему поручали произносить проповѣди въ особенно важныхъ случаяхъ въ присутствіи самого государя, напримѣръ при освященіи Казанскаго собора (15 сент.). Каждая проповѣдь его являлась событіемъ, о которомъ толковали, шумѣли. Кн. Голицынъ сдѣлался ревностнѣйшимъ его почитателемъ, просилъ его даже быть своимъ духовнымъ отцомъ, отъ чего впрочемъ осторожный Филаретъ уклонился. Между тѣмъ Ѳеофилактъ въ томъ же 1811 г. вовсе пересталъ говорить проповѣди въ Петербургѣ и, какъ разсказываютъ, не по доброй своей волѣ, а по требованію митрополита, котораго осмѣлился грубо задѣть въ одной своей проповѣди подъ образомъ нѣкоего преклоннаго старца, за котораго всѣми дѣлами ворочаетъ одинъ молодой человѣкъ (т. е. Филаретъ), успѣвшій совершенно имъ овладѣть.

Въ мартѣ 1812 г. по представленію Амвросія Филаретъ былъ опредѣленъ на должность ректора академіи, не смотря на то, что Ѳеофилактъ прочилъ на эту должность своего любимца Леонида, бывшаго притомъ же старше Филарета по службѣ. Послѣ этого явилась возможность вытѣснить вліяніе Ѳеофилакта и изъ академіи. Какъ разъ къ этому времени студентами академіи, по желанію Ѳеофилакта, съ французскаго языка переведена была очень понравившаяся ему книга: Эстетическія разсужденія Ансильона, назначавшаяся въ число руководствъ по классу словесности, и была уже проведена для печатанія, но чрезъ свѣтскую цензуру, безъ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ, съ которою Ѳеофилактъ, какъ самый сильный ея членъ, вѣроятно не почелъ особенно нужнымъ церемониться. При этомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы въ печати на книгѣ непремѣнно было обозначено, что студенты переводили ее подъ его руководствомъ. Новый ректоръ возсталъ противъ этого изданія и вмѣшательства въ него академіи, и въ комиссіи возникло длинное дѣло, затянувшее выпускъ

книги до 1813 г., не кончившееся даже и послѣ ея выпуска. По порученію митрополита Филаретъ написалъ противъ нея сильныя примѣчанія, въ которыхъ выступилъ противъ легонькой, пикантной французской болтовни ея автора во всеоружіи своей тяжеловѣсной учености и діалектики, разбилъ ее въ пухъ и прахъ и завинилъ въ неправославіи, натурализмѣ и пантеизмѣ. Раздраженный Θеофилактъ написалъ съ своей стороны задорную антикритику на эти примѣчанія. Но книга все-таки была изъята изъ употребленія и, что всего было обиднѣе для него, антикритику его не допустили до печати, тогда какъ примѣчанія Филарета были напечатаны.

За свои заслуги и таланты Θеофилактъ держался все еще высоко, получалъ милости и награды, но близкій упадокъ его значенія легко было предвидѣть еще раньше этой исторіи съ изданіемъ Ансильона. Времена перемѣнились; среди все усиливавшагося противофранцузскаго направленія въ обществѣ и административныхъ сферахъ поклонникъ французскаго образованія, переводчикъ Ансильона, Бріэннъ Θеофилактъ становился такъ же неумѣстенъ въ Синодѣ, какъ государственный секретарь Сперанскій, съ именемъ котораго соединялось понятіе о преобразованіи Россіи на французскій ладъ, былъ неумѣстенъ въ государственномъ совѣтѣ. Почти въ одно время съ возведеніемъ Филарета на академическую ректуру произошло паденіе Сперанскаго, отправленнаго въ томъ же мартѣ 1812 года въ ссылку. Кромѣ того, что Θеофилактъ лишился чрезъ это паденіе своей главной, хотя уже и расшатанной имъ, поддержки, оно было яснымъ для современниковъ предвѣстіемъ его собственнаго паденія. Предшественникъ Филарета по ректурѣ Сергій, отправляясь по назначенію епископомъ въ костромскую епархію, на прощаньи шепнулъ новому ректору: „Слѣдомъ за Сперанскимъ поѣдетъ и Бріэннъ: ты его сбудешь“.

II.

Бѣдствія 1812 г. Заслуги духовенства въ отечественную войну. Кончина Платона. Пожертвованія на пособія духовенству. Сокращеніе преобразованій по духовному вѣдомству. Ревизія западныхъ епархій. Варлаамъ Шишацкій. Судьба Ѳеофилакта. Религіозное настроеніе государя. Его сношенія съ мистиками. Баронесса Криднеръ. Св. Союзъ и его реакціонная политика. Греческое возстаніе и отношеніе къ нему Александра. Вліяніе реакціонной политики внутри имперіи.

1812-й годъ поразилъ Россію тяжкими бѣдствіями Наполеоновскаго нашествія. Но эти же бѣдствія стали для нея горниломъ очищенія отъ противонаціональной и противорелигіозной порчи прежнихъ галломанскихъ увлеченій, благотворнымъ толчкомъ къ такому величественному подъему народнаго и религіознаго духа, какого русская исторія не видала съ 1612 г., со времени московскаго раззоренья отъ поляковъ.

Еще за долго до нашествія Наполеона въ русскомъ обществѣ только и слышно было, какъ повсюду бранили французовъ. Люди религіозные примѣняли къ современности пророчества Апокалипсиса о послѣднихъ временахъ, сравнивали Наполеона съ апокалипсическимъ Аполліономъ и высчитывали въ буквахъ его имени таинственное число звѣря—666. Когда же врагъ съ полчищами двунадесяти языкъ перешелъ русскую границу, гордо заявляя, что „Россія увлекается своимъ рокомъ“, когда раздались по церквамъ слова государева манифеста, призывавшаго русскихъ людей на спасеніе отечества, и народъ услышалъ величественный обѣтъ своего царя—не полагать оружія, доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ русской землѣ, патріотическій энтузіазмъ достигъ высшихъ предѣловъ и вся Русь, какъ одинъ человѣкъ, поднялась противъ врага, уже маршировавшаго въ ея собственныхъ предѣлахъ и направлявшагося прямо къ сердцу ея—Москвѣ. Не менѣе патріотическаго былъ энтузіазмъ религіозный; записки со-

временниковъ переносятъ читателя какъ будто въ древнее время нашей исторіи, когда вѣра и церковь стояли на стражѣ православной Руси и выручали ее изъ всякихъ бѣдъ, выпадавшихъ на ея долю. Государя, заѣхавшаго по дорогѣ къ арміи въ Москву, встрѣтили въ Успенскомъ соборѣ пѣніемъ: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его". М. Платонъ прислалъ ему изъ лавры ободрительное посланіе и икону преп. Сергія. Викарій Августинъ, благословляя на брань московское ополченіе, вручилъ ему вмѣсто знаменъ двѣ церковныя хоругви. Архіереи и монастыри, какъ въ старину, жертвовали на спасеніе отечества свои многолѣтнія сбереженія: св. Синодъ пожертвовалъ 1½ милліона рублей; м. Амвросій внесъ отъ себя и отъ Невской лавры 20,000 р.; м. Платонъ — 342 имперіала отъ себя, а отъ Троицкой лавры 70,000 р. ассигн., 2500 р. серебромъ и до 6 пудовъ серебра въ посудѣ и слиткахъ; Тихвинскій монастырь 3000 р. и т. д.

Въ день Бородинской битвы старецъ святитель самъ пріѣхалъ изъ лавры въ Москву, желая пострадать вмѣстѣ съ своею паствою и умереть на своемъ первосвященническомъ постѣ. Августинъ почти уже силой долженъ былъ увезти его изъ столицы передъ самымъ вступленіемъ въ нее непріятеля. Наканунѣ сдачи Москвы 1 сентября въ Успенскомъ соборѣ отслужена была послѣдняя воскресная литургія среди общаго рыданія предстоявшихъ. „Скоро ли сподобитъ насъ Богъ опять служить въ семъ храмѣ?" замѣтилъ Августинъ, складывая послѣ служенія священный антиминсъ. Онъ едва успѣлъ вывезти изъ Москвы ея вѣковыя святыни—иконы Владимірскую, Смоленскую и Иверскую, также нѣкоторыя сокровища соборовъ и монастырей, дѣла консисторіи и синодальной конторы, какъ непріятельская армія начала уже свое вступленіе въ городъ и настало новое московское раззоренье, такое же, какъ 200 лѣтъ тому назадъ при полякахъ.

Храмы Божіи и монастыри сдѣлались добычей пожара или подверглись опустошенію и поруганію безрелигіозныхъ сыновъ французской революціи. Многіе изъ нихъ были обращены въ казармы, конюшни и бойни для скота; ихъ золотыя и серебряныя вещи сливались въ слитки; оклады иконъ и драгоцѣнные камни съ облаченій сдирались и расхищались; св. мощи выкидывались изъ ихъ ракъ и валялись въ кучахъ разнаго хлама. Не смотря впрочемъ на всѣ ужасы раззоренья, многія духовныя лица не покидали своихъ церквей, старались по возможности спасать церковныя сокровища, укрывая ихъ подъ церковными крышами, подъ помостами, въ печахъ и въ землѣ, совершали по нѣкоторымъ церквамъ обычныя службы, заручившись на то дозволеніемъ французскихъ начальниковъ, напутствовали св. тайнами не успѣвшихъ выѣхать горожанъ и терпѣливо выносили отъ грубыхъ и жестокихъ непріятельскихъ солдатъ всякія поруганія и страданія.

Предъ выходомъ изъ Москвы Наполеонъ въ безсильной ярости велѣлъ взорвать весь московскій кремль съ его религіозными и историческими святынями. Повелѣніе было исполнено. Отъ 5 ужасныхъ взрывовъ кремлевскихъ стѣнъ потряслась вся Москва; бревна и камни летали по улицамъ; людей кидало изъ стороны въ сторону. Но сильный дождь скоро прекратилъ дѣйствіе пороха; большая часть стѣнъ, всѣ соборы и дворецъ съ грановитой палатой уцѣлѣли; Иванъ Великій заколебался, далъ большую трещину, но устоялъ; къ общему удивленію невредимъ остался чудотворный образъ святителя Николая на стѣнѣ полуразрушенной Никольской башни,—не лопнуло даже стекло его кіота. По выходѣ непріятеля изъ Москвы оказалось, что изъ 237 московскихъ церквей 12 сгорѣли вовсе, 115 были сильно повреждены, остальныя всѣ разграблены; не менѣе пострадали 17 московскихъ монастырей. Успенскій соборъ былъ весь разграбленъ и ободранъ: на мѣстѣ серебрянаго пани-

кадила въ немъ висѣли вѣсы для взвѣшиванія награбленнаго золота и серебра, подъ ними стоялъ плавильный горнъ, а на ободранномъ иконостасѣ виднѣлась запись самаго счета металла, — 325 пуд. серебра и 18 пуд. золота; на полу валялись обрывки ризъ, мундировъ, испорченное оружіе и всякій ломъ; раки св. мощей, кромѣ раки св. Іоны, обнажены отъ металла; мощи св. Филиппа найдены повергнутыми на полъ; рака св. Петра, прежде бывшая запечатанною, открыта, — съ тѣхъ поръ мощи этого святителя, съ разрѣшенія св. Синода, такъ и оставлены открытыми. Другіе кремлевскіе соборы подверглись такому же поруганію. Въ Чудовомъ монастырѣ въ соборномъ алтарѣ былъ устроенъ кабинетъ маршала Даву; мощи св. Алексія, выброшенныя изъ собора, найдены потомъ въ кучѣ разнаго мусора въ темномъ углу паперти. Прошло много времени, пока всѣ московскія святыни были очищены отъ поруганія и возстановлены въ прежнемъ видѣ. Вслѣдъ за выходомъ непріятеля 12 октября Москва служила въ Страстномъ монастырѣ первый благодарственный молебенъ за свое спасеніе. 25 декабря вышелъ манифестъ объ общемъ благодарственномъ молебствіи по случаю окончательнаго изгнанія враговъ изъ предѣловъ Россіи. Въ 1814 г. молебствіе это установлено совершать каждогодно и Филаретомъ составлена самая служба, въ которой среди радостныхъ благодарныхъ чувствованій выражено и горькое сознаніе вреда прежнихъ галломанскихъ увлеченій: „о ихже ревновахомъ наставленіихъ, сихъ имѣяхомъ враговъ буіихъ и звѣронравныхъ“.

М. Платонъ успѣлъ дожить до радостной вѣсти о выходѣ непріятеля изъ Москвы и сказалъ, что теперь можетъ умереть спокойно,—видѣли очи его спасеніе Господне. Смерть какъ будто нарочно помедлила, чтобы дать ему эту послѣднюю радость на землѣ: 11 ноября онъ скончался, оставивъ каѳедру свою Августину, который на самомъ дѣлѣ давно уже ею управлялъ. Августинъ впрочемъ долго и послѣ этого

числился только управляющимъ московскою епархіею; въ должности настоящаго московскаго архіепископа онъ былъ утвержденъ уже въ 1818 году, всего за годъ до своей смерти.

Св. Синодъ торжественно засвидѣтельствовалъ заслуги духовенства во время нашествія непріятеля окружною грамотою духовенству 1813 г. Въ слѣдующемъ году высочайшимъ манифестомъ священникамъ и архіереямъ дано было право носить учрежденные въ память 1812 г. кресты. Но самою важною заботой духовной и свѣтской администраціи было помочь духовенству раззоренныхъ мѣстностей въ его полномъ обнищаніи и возстановить разрушенныя церкви и другія зданія духовнаго вѣдомства. Кромѣ Москвы, гдѣ насчитывалось до 675 совершенно раззоренныхъ духовныхъ лицъ, раззоренію подверглась длинная и широкая полоса земель на западъ по пути слѣдованія непріятельской арміи до самой границы. На воспособленіе духовенству и возстановленіе церквей, монастырей, дух. школъ и архіерейскихъ домовъ св. Синодъ отпустилъ изъ своихъ суммъ 3,500,000 руб. Не смотря на эту жертву и на другія пожертвованія правительства и частныхъ лицъ, слѣды бѣдствій 1812 г. еще долго оставались повсюду и въ самой Москвѣ. Множество церковныхъ сокровищъ и памятниковъ древности погибло навсегда.

Всего хуже было то, что вслѣдствіе множества чрезвычайныхъ расходовъ военнаго времени св. Синодъ долженъ былъ остановиться въ выполненіи реформъ, предположенныхъ въ 1808 г. Полтора милліона, пожертвованныхъ имъ до начала войны, и 3,500,000 р. послѣ нея, взяты были изъ того самаго новообразованнаго капитала, который назначался на оклады дух. училищъ и духовенства. Потомъ были еще и другія, хотя и менѣе крупныя, пожертвованія изъ тѣхъ же синодальныхъ суммъ: въ 1814 г. 10,000 р. на женское патріотическое общество, въ 1815 году 197,000 р. на пособіе казанскому духовенству послѣ

пожара Казани; еще позднѣе въ 1821 г. 50,000 р. на пособіе грекамъ, въ 1823—300,000 р. на выкупъ плѣнныхъ грековъ, въ 1824 — 700,000 р. въ пособіе жителямъ Петербурга и духовенству послѣ наводненія. Вслѣдствіе подобныхъ пожертвованій и упомянутыхъ недоборовъ въ суммахъ прихода духовно-учебный капиталъ къ 1815 г., когда онъ долженъ былъ возрасти до 24,000,000 р. слишкомъ, дошелъ едва только до 15,000,000 р., до такой суммы, на проценты которой можно было содержать однѣ только духовныя школы. Послѣ этого отъ выполненія другой части комитетскаго проекта 1808 г., отъ назначенія окладовъ церковнымъ причтамъ, пришлось отказаться. Выдача этихъ окладовъ въ 1814 г. ограничена была только такими духовными лицами, которыя имѣли ученыя степени кандидатовъ (по 250 р.), магистровъ (350 р.) и докторовъ (500 р.). Съузивъ свою задачу до такихъ размѣровъ, комиссія духовныхъ училищъ, во вниманіе къ затруднительному положенію государственнаго казначейства, сама наконецъ рѣшилась ограничиться въ расходахъ одними собственными средствами, и въ 1816 г. согласилась на прекращеніе обѣщанной ей ежегодной двухъ-милліонной выдачи изъ казны, испросивъ только разрѣшеніе обратиться къ монаршимъ щедротамъ въ случаѣ нужды.

Для ревизіи западныхъ раззоренныхъ епархій и раздачи въ нихъ пособій духовенству въ началѣ 1813 года былъ посланъ Ѳеофилактъ Русановъ. Въ могилевской епархіи ему предстояло еще при этомъ произвести судъ по небывалому въ Россіи дѣлу. Тамошній архіепископъ Варлаамъ Шишацкій, — человѣкъ ученый и заслуженный, бывшій нѣкогда сотрудникомъ извѣстнаго дѣятеля по обращенію уніатовъ при Екатеринѣ II епископа Виктора Садковскаго и архіереемъ трехъ преемственно епархій, за недостаткомъ мужества при нашествіи врага, сдѣлался измѣнникомъ, совершилъ въ своемъ соборѣ присягу Наполеону и увлекъ за собою значительную часть духовенства сво-

ей епархіи. По опредѣленію св. Синода онъ былъ лишенъ священнаго сана и отправленъ простымъ монахомъ въ новгородъ-сѣверскій монастырь. Ѳеофилактъ по своей страсти къ эффектамъ совершилъ надъ нимъ публичную церемонію лишенія сана съ такою грубою торжественностію, которая невольно расположила публику въ пользу несчастнаго преступника и не могла понравиться въ Петербургѣ. При ревизіи другой епархіи — смоленской своею заносчивостію и слишкомъ властными распоряженіями онъ до того обижалъ мѣстнаго епископа, ученаго Иринея Фальковскаго, что даже этотъ кроткій и незлобивый человѣкъ не вытерпѣлъ своего униженія и отпросился изъ Смоленска на свое старое мѣсто,— въ коадъюторы кіевской епархіи. По возвращеніи въ Петербургъ Ѳеофилактъ не могъ дать полнаго отчета во ввѣренныхъ ему для раздачи духовенству суммахъ. Къ этому присоединилось еще компрометировавшее его дѣло о переводѣ Ансильона, возбуждавшее слишкомъ много толковъ въ петербургскомъ обществѣ. Всѣ эти обстоятельства по всей вѣроятности и послужили поводомъ къ тому, что, едва воротившись изъ командировки въ западныя губерніи, онъ былъ внезапно высланъ изъ Петербурга въ свою рязанскую епархію. Въ 1817 г. его послали еще дальше—въ Грузію въ должности экзарха, гдѣ онъ и жилъ до самой смерти († 1821 г.). Почти въ одно время съ нимъ былъ удаленъ на епархію другой членъ св. Синода, Меѳодій, вскорѣ переведенный изъ Твери во Псковъ. Составъ членовъ св. Синода измѣнился; одинъ Амвросій неизмѣнно оставался первенствующимъ членомъ и долженъ былъ приспособляться къ новому настроенію правительства, наступившему послѣ отечественной войны. Настала вторая половина царствованія Александра, время реакціи прежнему либеральному направленію въ правительственныхъ сферахъ, время особеннаго возбужденія религіозныхъ чувствъ, время библейскихъ обществъ и развитія мистицизма.

Послѣ отечественной войны современники замѣтили большую перемѣну въ государѣ. Съ этого времени, по его собственному признанію, развилось въ немъ отличавшее его послѣ религіозное направленіе мистическаго характера. „Пожаръ Москвы, говорилъ онъ въ 1818 г. прусскому епископу Эйлерту, освѣтилъ мою душу и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я познаиъ Бога, какъ Его описываетъ св. Писаніе. Съ тѣхъ только поръ я понялъ Его волю и Его законъ и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ. Искупленію Европы отъ погибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ". Всѣ эти великія событія, въ которыхъ онъ былъ участникомъ, страшное бѣдствіе непріятельскаго нашествія, не менѣе страшное паденіе врага, затѣмъ изумительное общеевропейское значеніе Россіи, участіе въ спасеніи цѣлой Европы — подавляли впечатлительную душу Александра; главный дѣятель самъ поникъ предъ величіемъ этихъ событій и смиренно сознавъ себя лишь орудіемъ высшей воли: „Не намъ, не намъ, но имени Твоему даждь славу", чеканилось на крестахъ и медаляхъ 1812 г. Чувства смиреннаго уничиженія себя предъ путями Промысла сдѣлались господствующими въ душѣ Александра. „Я чувствовалъ себя ребенкомъ, говорилъ онъ однажды кн. Мещерской;— опытъ показалъ мнѣ мою несостоятельность; вѣра побудила меня отдаться Тому, Кто говорилъ мнѣ въ псалмѣ 91, и внушала мнѣ увѣренность, давала силы совершенно для меня новыя. При каждой трудности, при каждомъ вопросѣ я преклонялся къ ногамъ моего небеснаго Отца или, углубляясь на нѣсколько минутъ въ себя, взывалъ къ Нему изъ глубины сердца, и все чудеснымъ образомъ устраивалось; всѣ затрудненія изчезали предъ Господомъ, Который шелъ впереди меня". Въ другое время онъ говорилъ г-жѣ Криднеръ, что во время совѣщаній съ мини-

страми, въ случаѣ ихъ несогласія съ его мнѣніями, онъ, вмѣсто всякихъ споровъ съ ними, творилъ внутреннюю молитву и что они мало по малу соглашались съ его принципами человѣколюбія и справедливости. Онъ сталъ каждый день читать Библію и находилъ въ ней и утѣшеніе и рѣшеніе всѣхъ недоумѣній. Въ то время, какъ министры и дипломаты смотрѣли на событія съ человѣческой точки зрѣнія и старались все устроивать человѣческими силами, императоръ переносился религіозною мыслію въ тотъ высшій міръ, гдѣ видѣлъ средоточіе таинственныхъ судебъ, движущихъ и народами, и частными людьми, и гдѣ находилъ ключъ ко всѣмъ тайнамъ жизни. Въ 1813 г., среди первыхъ неудачъ въ борьбѣ съ Наполеономъ за спасеніе Европы, Александръ вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, королемъ прусскимъ, также мистически настроеннымъ, сознали, какъ онъ потомъ разсказывалъ епископу Эйлерту, что только рука Всевышняго могла спасти Германію, и рѣшились въ случаѣ благополучнаго конца войны предъ лицемъ всего свѣта сознаться, что одному Богу они обязаны успѣхомъ.

Долговременное пребываніе Александра за границей только способствовало къ развитію его въ этомъ направленіи. Потрясающіе перевороты, какіе испытала Европа, и здѣсь возбудили реакцію прежнему повальному либерализму и невѣрію. Болѣе всѣхъ проигрывавшіе среди революціонныхъ движеній высшіе классы и правительства ухватились за религію, какъ за самый консервативный элементъ жизни, какъ за единственный якорь спасенія отъ утомившей всѣхъ качки и бурныхъ тревогъ недавняго прошлаго, и для того, чтобы крѣпче соединиться между собою, стали выработывать для себя какую-то общую религію, въ которой могли бы одинаково сойтись между собою и католики, и протестанты, и философы, и масоны, какое-то отвлеченное христіанство безъ церкви и догматовъ, уповавшее на одно внутреннее озареніе каждаго отъ самаго св. Духа. Вся Европа кишма закипѣ-

ла мистиками, находившими самый радушный пріемъ у всѣхъ правительствъ и въ высшемъ обществѣ. Въ Пруссіи Александръ соединился въ религіозныхъ мечтаніяхъ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, однимъ изъ представителей тогдашней религіозно-мистической сантиментальности. Въ Силезіи его встрѣтила община моравскихъ братьевъ и до того поразила его мягкимъ и любящимъ характеромъ своей религіозности, что онъ ставилъ ее потомъ за образецъ истиннаго христіанства. Въ Баденѣ онъ видѣлся съ первымъ авторитетомъ мистицизма Юнгомъ Штиллингомъ, сочиненія котораго были любимымъ чтеніемъ нашихъ мистиковъ еще съ конца прошлаго столѣтія; Александръ долго разговаривалъ съ нимъ о томъ, что во всѣхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ есть доля истины, но что ни одно изъ нихъ не выражаетъ универсальнаго высокаго идеала христіанства, что болѣе другихъ, по его мнѣнію, приближается къ этому идеалу религіозность гернгутеровъ. Въ 1814 г. въ Лондонѣ онъ встрѣтился съ квакерами, бесѣдовалъ съ ними о богопротивности войнъ, о внутренней духовной молитвѣ, ненужности для христіанина внѣшнихъ религіозныхъ формъ, самъ молился съ ними духовною молитвою въ ихъ собраніи, съ чувствомъ цѣловалъ даже руку ихъ старѣйшины Аллена, увѣрялъ ихъ, что самъ соединился съ ними въ духовномъ поклоненіи Христу и въ заключеніе всего приглашалъ ихъ къ себѣ въ Россію для устройства ланкастерскихъ школъ, тюремъ и филантропическихъ заведеній, которыми квакеры пріобрѣли дѣйствительно справедливую и высокую славу.

Въ 1815 г. государь познакомился съ извѣстной религіозной авантюристкой, проповѣдницей скораго наступленія царства Божія на землѣ, русской нѣмкой баронессой Криднеръ, имѣвшей на него большое вліяніе своими мистическими бесѣдами и пророчествами. Во время пребыванія своего въ Парижѣ онъ каждый день посѣщалъ ея общество, состоявшее изъ разныхъ

экстатическихъ личностей, и удивлялъ всѣхъ своимъ глубокимъ смиреніемъ и почти аскетическою религіозностію. „Александръ посланникъ Божій, восторженно писала объ немъ Криднеръ въ одномъ письмѣ. Онъ идетъ по путямъ самоотрицанія. Я знаю каждую подробность его жизни. Онъ обязанъ бывать въ свѣтѣ, но не является ни на балы, ни на спектакли; онъ говорилъ мнѣ, что эти вещи производятъ на него впечатлѣніе похоронъ и что онъ не можетъ уже понимать свѣтскихъ людей съ ихъ удовольствіями". Въ обществѣ разныхъ мистиковъ ему приходилось встрѣчать не мало шарлатанства, обмановъ, приходилось дѣлать рѣзкія замѣчанія въ родѣ наприм. того, какое онъ сдѣлалъ однажды самой Криднеръ по поводу попрошайства одной покровительствуемой ею нѣмецкой пророчицы: „Я довольно видѣлъ свѣтъ, чтобы не дать себя обмануть благочестіемъ людей, которые такъ торопятся просить денегъ". Пришлось потомъ ему разочароваться и въ самой Криднеръ, когда за политическія пророчества и проповѣдь о скоромъ наступленіи на мѣсто земныхъ царствъ царства Божія полиція стала перегонять ее изъ одной страны Европы въ другую. Онъ самъ сознавался послѣ, что обманулся въ ней, принявъ ignis fatuus за истинный свѣтъ; но, приписывая подобныя обманчивыя явленія только вмѣшательству въ дѣла свѣта духа тьмы, нисколько не ослабѣвалъ, даже укрѣплялся въ своемъ мистическомъ направленіи.

Передъ отъѣздомъ изъ Франціи осенью 1815 г., достигши высшей степени доступнаго человѣку величія, онъ рѣшился выполнить свою завѣтную мысль, высказанную имъ въ 1813 году среди военныхъ невзгодъ въ разговорѣ съ королемъ прусскимъ. „Я оставляю Францію, говорилъ онъ г-жѣ Криднеръ, но до отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и св. Духу хвалу, которой мы обязаны Ему, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелія. Я желаю, чтобы императоръ австрійскій и

король прусскій соединились со мной въ этомъ актѣ богопочтенія, дабы люди видѣли, что мы, какъ восточные маги, признаемъ верховную власть Бога Спасителя". Такъ явился актъ пресловутаго священнаго союза трехъ государей—представителей трехъ главныхъ вѣроисповѣданій Европы, представляющій собою замѣчательное выраженіе тогдашняго отвлеченно-мистическаго христіанства. Содержаніе этого акта (составленнаго самимъ Александромъ) съ политической стороны было такъ же неуловимо и отвлеченно, какъ и та универсальная евангельская религія, которая была положена въ его основу. Тутъ говорилось, что государи, соединясь между собою узами братства съ обязательствами взаимной во всемъ поддержки, согласились „какъ въ управленіи своими подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ руководствоваться заповѣдями св. Евангелія, подданныхъ своихъ считать какъ бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира". Актъ этотъ подписали, примкнувъ къ св. союзу, и другіе государи Европы, кромѣ турецкаго, англійскаго и еще папы римскаго.

Императоръ Александръ былъ въ восторгѣ отъ св. союза, говорилъ, что „онъ есть дѣло Божіе", что мысли и чувства, объявленныя въ его актѣ, внушены самимъ Искупителемъ. Списки съ манифеста о союзѣ велѣно выставить на видныхъ мѣстахъ во всѣхъ церквахъ имперіи; духовенству указано заимствовать изъ него мысли въ свои проповѣди и учить прихожанъ къ прохожденію жизни, аки братіямъ. Но люди положительные, читавшіе актъ союза съ опредѣленными политическими вопросами, приходили въ тяжелое недоумѣніе, что значатъ въ немъ всѣ эти слишкомъ общія фразы, какого собственно направленія порѣшили держаться государи въ своемъ указанномъ здѣсь отеческомъ попеченіи о своихъ народахъ и въ какомъ именно изъ множества разнородныхъ смысловъ угодно имъ понимать евангельскій духъ своего союза, наконецъ

не скрываются ли подъ этими почти безсодержательными выраженіями столь важнаго и торжественнаго акта какія либо заднія, своекорыстныя мысли, которыхъ нельзя было формулировать ясно. Логика современныхъ отношеній и событій не замедлила оправдать эти опасенія, придавъ неопредѣленнымъ принципамъ св. союза совершенно ясный смыслъ на практикѣ.

Дѣло въ томъ, что по успокоеніи Европы отъ долговременныхъ потрясеній большая часть правительствъ, приставшихъ къ св. союзу, спеціально занялись возстановленіемъ у себя въ государствахъ старыхъ порядковъ, которые и были прежде главной причиной государственныхъ потрясеній. Забывъ свои заманчивыя обѣщанія, данныя народамъ во время борьбы съ Наполеономъ, многіе государи не только не давали подданнымъ обѣщанныхъ свободныхъ учрежденій, но въ упоеніи своимъ торжествомъ принялись ломать и тѣ учрежденія этого рода, какія успѣли сформироваться раньше. Народы, разумѣется, подняли ропотъ, потому что не даромъ же они такъ долго находились въ напряженномъ либеральномъ возбужденіи и дрались за свою свободу, — старина была для нихъ уже непригодна, какъ бы ни нравилась она классамъ правительственнымъ, которые ничего не забыли стараго и ничему не научились у исторіи вновь. Революціонное волненіе снова охватило Европу. Среди такихъ обстоятельствъ члены св. союза и поспѣшили осуществить его торжественныя обязательства касательно взаимной поддержки государей, направивъ всѣ его силы къ поддержанію своей реакціонной политики и навязавъ ему такимъ образомъ задачу, о какой менѣе всего думалъ его восторженно-религіозный и безкорыстно-либеральный основатель. Въ искусныхъ рукахъ главнаго вождя этой политики въ Европѣ, австрійскаго министра Меттерниха, св. союзъ послѣ этого сдѣлался какимъ-то спеціальнымъ орудіемъ къ подавленію въ Европѣ всего

живаго и свободнаго, какимъ-то своекорыстнымъ комплотомъ правителей противъ народовъ. Религіозная подкладка его принциповъ повела только къ тому, что религія, къ крайней для нея невыгодѣ, будучи припутана къ компрометировавшей ее политической системѣ, сдѣлалась ея служебнымъ орудіемъ и дала ей возможность простирать свой гнетъ не только на гражданскую жизнь народовъ, но и на свободу мыслей и убѣжденій.

Александръ очутился въ самомъ трагическомъ положеніи. Онъ былъ самъ приверженцемъ свободныхъ учрежденій, самъ предлагалъ ихъ и народамъ и государямъ, самъ у себя завелъ конституціонное устройство въ Польшѣ и упорно поддерживалъ его вопреки всѣмъ противнымъ внушеніямъ и отъ чужихъ, и отъ своихъ политиковъ; но въ то же время, какъ членъ, какъ глава св. союза, приносившаго такіе плачевные плоды, никакъ не могъ встать прямо на сторонѣ народныхъ требованій, тѣмъ болѣе что послѣднія выражались постоянно въ ненавистной для него революціонной формѣ, долженъ былъ стоять за государей, волей-неволей участвовать и въ тѣхъ репрессивныхъ мѣрахъ, какія они опредѣляли противъ народныхъ движеній на своихъ конгрессахъ. Въ глазахъ либеральныхъ партій Европы онъ сталъ терять всякое обаяніе, но въ то же время не пріобрѣлъ довѣрія и между представителями европейской реакціи, которые никакъ не могли примириться съ его почтенною многосторонностію, умѣньемъ говорить правду и въ ту и въ другую сторону, никакъ не могли понять его отвращенія отъ грубыхъ реакціонныхъ мѣръ и его постоянныхъ настояній касательно снисходительности къ народнымъ требованіямъ, взаимныхъ уступокъ съ обѣихъ сторонъ для спокойнаго и полюбовнаго примиренія крайностей, и потому считали его опаснымъ для себя либераломъ.

Съ 1821 г. положеніе его среди св. союза стало особенно тяжко. Въ Турціи вспыхнуло греческое воз-

станіе. Въ борьбѣ своей за независимость грекамъ всего естественнѣе было разсчитывать на сочувствіе единовѣрной Россіи и императора Александра, близъ трона котораго Греція имѣла сильнаго заступника, патріота грека графа Каподистрію. Можно было, по всѣмъ разсчетамъ, надѣяться и на содѣйствіе св. союза, который не даромъ же былъ основанъ на евангельскихъ принципахъ и о которомъ въ Турціи прямо думали, что онъ противъ нея именно и былъ направленъ. На дѣлѣ вышло не такъ; св. союзъ взглянулъ на возстаніе грековъ съ своей реакціонной точки зрѣнія, подведя его подъ одну категорію со всѣми другими европейскими революціями, съ которыми боролся, и всталъ за Турцію противъ грековъ; той же политики долженъ былъ держатся и русскій императоръ. Страшныя жестокости турокъ надъ греками, кровавыя сцены въ Константинополѣ и другихъ городахъ Турціи, звѣрское убіеніе патріарха Григорія въ самой день пасхи 1821 г. и нѣсколькихъ другихъ греческихъ іерарховъ взволновали все русское общество и вызвали на помощь грекамъ толпы волонтеровъ изъ всѣхъ странъ Европы. Самъ Александръ говорилъ про себя, что „изъ всѣхъ русскихъ онъ одинъ только противится войнѣ съ Турціею" и что „ничего не могло быть выгоднѣе для Россіи, какъ эта война",—и все-таки долженъ былъ предоставить грековъ ихъ собственнымъ силамъ. Это была самая дорогая съ его стороны жертва ради св. союза, вовсе ея не стоившаго. Онъ жертвовалъ здѣсь не только своимъ собственнымъ величіемъ, но и плодами подвиговъ, совершенныхъ имъ для величія Россіи, потому что, пока онъ стоялъ такимъ образомъ за принципы своего св. союза, Англія, не примыкавшая къ этому союзу, успѣла обольстить грековъ надеждами на свою помощь и захватила весь восточный вопросъ въ свои руки, надолго отбивъ у Россіи все ея прежнее значеніе на востокѣ. Въ Россіи всѣ осуждали политику государя. Страшное петербургское

наводненіе 1824 г. въ народѣ приписывали гнѣву Божію именно за отказъ грекамъ въ помощи противъ невѣрныхъ.

Вліяніе реакціонной политики св. союза не замедлило проникнуть и во внутреннюю жизнь Россіи. Александръ не оставилъ либеральныхъ убѣжденій своей молодости, до самой своей смерти называлъ себя даже республиканцемъ и тяготился полнотою своей самодержавной власти, но долгое пользованіе усиленною диктаторскою властію въ годину опасностей и бѣдствій государства и долгое стояніе во главѣ самихъ государей Европы все-таки не могли пройти безслѣдно для его впечатлительной натуры. Еще въ 1815 г. по возвращеніи его изъ-за границы всѣ замѣтили, что онъ перемѣнился, потерялъ свое прежнее благодушіе, сталъ строже, взыскательнѣе и подозрительнѣе. Близкое участіе въ реакціонной политикѣ св. союза измѣнило его еще болѣе. Представители этой политики конечно старались всячески втянуть его въ свои интересы и не опускали случаевъ убѣждать его, что революціонные элементы, съ которыми св. союзъ боролся въ Европѣ, не менѣе сильны и въ самой Россіи. Не замедлили явиться подобныя же внушенія и отъ своихъ ревнителей, старавшихся быть монархичнѣе самаго монарха. Подъ вліяніемъ современной политики явились преступными даже тѣ самыя политическія идеи, которыя въ первое время либеральныхъ начинаній Александра воспитывались въ русскихъ людяхъ самимъ правительствомъ, и должны были спрятаться среди появившихся теперь въ Россіи тайныхъ обществъ. Личное отвращеніе гуманнаго государя отъ всякихъ суровыхъ мѣропріятій повело только къ тому, что, отказавшись отъ всякаго въ нихъ участія, онъ передалъ ихъ въ руки людей наиболѣе къ нимъ способныхъ и склонныхъ и этимъ самымъ содѣйствовалъ еще большему развитію ихъ суровости, которую въ противномъ случаѣ могло бы значительно смягчать его доброе и нѣжное сердце.

Вмѣсто прежнихъ либеральныхъ сотрудниковъ первой половины его царствованія самымъ приближеннымъ лицемъ, правою рукою его видимъ теперь при немъ извѣстнаго графа Аракчеева.

Не менѣе сильное вліяніе на внутреннюю жизнь Россіи имѣла и религіозная сторона реакціонной политики св. союза. Религіозное настроеніе государя оказало могущественное дѣйствіе на настроеніе высшаго общества и административныхъ сферъ. „Вліяніе повелителя, писала о Россіи г-жа Сталь, здѣсь до того сильно, что съ перемѣной царствованія могутъ измѣняться понятія о всѣхъ предметахъ“. Прежняго вольнодумства, которое еще недавно было въ такой силѣ при дворѣ, точно не бывало. Кто и не былъ благочестивъ, теперь старался по крайней мѣрѣ казаться такимъ. Повсюду слышны были рѣчи объ обновленіи внутренняго человѣка, объ озареніи отъ св. Духа, о козняхъ князя тьмы, подъ которыми разумѣли все, что было несогласно съ идеями модной мистической религіи, въ томъ числѣ иногда и ученіе православной церкви. Дворъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, довѣрчиво склонявшей свой слухъ ко всему таинственному и загадочному, тоже наполнился экстатическими и мистически-настроенными дамами, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли большое вліяніе и на нее и на государя, наприм. княгиня Голицына, кн. Мещерская, гр. Толстая, Хвостова, фрейлина Стурдза. Такое же религіозное настроеніе стало господствовать между людьми, занимавшими разные начальственные посты; ряды новыхъ государственныхъ дѣятелей, старавшихся быть монархичнѣе монарха, пополнились еще такими дѣятелями, которые принялись за устройство царствія Божія на землѣ по евангельскимъ принципамъ св. союза и считали себя религіознѣе самой церкви. Кн. Голицынъ, обратившійся къ религіи нѣсколько раньше государя, со всѣхъ сторонъ окружилъ себя масонами и мистиками всякихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, покровительствовалъ все-

возможнымъ религіознымъ мечтателямъ и мистическимъ сектамъ и, отличаясь примѣрнымъ благочестіемъ и искреннимъ стремленіемъ къ водворенію царства Божія на землѣ, причинялъ церкви болѣе тревогъ, чѣмъ тѣ, которые не обращали на религію никакого вниманія и вовсе не мнили себя приносящими службу Богу.

Спеціальными органами всѣхъ подобныхъ ревнителей новаго христіанства и главнымъ орудіемъ для проведенія въ русскую жизнь принциповъ св. союза сдѣлались россійское Библейское общество, въ которомъ всѣ эти ревнители соединились въ одинъ дружный и крѣпкій союзъ, и открытое въ 1817 г. новое министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

III.

Россійское Библейское общество. Его заслуги и темныя стороны. Его отношеніе къ православной церкви. Его религіозный космополитизмъ и связь съ мистицизмомъ. Соединенное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Его задача по народному просвѣщенію и практика религіознаго образованія молодого поколѣнія. Нетерпимость его къ несогласнымъ съ нимъ противникамъ мистицизма. Отношеніе его къ православной церкви. Униженіе св. Синода.

Прототипомъ русскаго Библейскаго общества было Библейское общество Англіи, основанное тамъ методистами, квакерами и др. сектантами мистическаго пошиба въ 1804 г. съ цѣлію самаго широкаго и дешеваго распространенія св. Писанія на разныхъ языкахъ среди народовъ всякихъ вѣроисповѣданій. Первымъ подражаніемъ британскому обществу въ Россіи было Библейское общество, основанное въ 1811 г. въ Финляндіи. Потомъ въ концѣ 1812 г. англійскіе методисты явились въ Петербургъ и черезъ кн. Голицына стали хлопотать объ основаніи такого же общества въ самой Россіи, на первыхъ порахъ только для распространенія Библіи между

живущими въ Россіи иностранцами и инородцами и только на ихъ языкахъ. Государь отнесся къ этому предпріятію весьма сочувственно и самъ записался въ члены общества съ ежегоднымъ взносомъ въ 10,000 и единовременнымъ въ 25,000 р. Первое собраніе общества происходило 11 января 1813 г. въ домѣ Голицына въ присутствіи множества разныхъ сановниковъ, духовныхъ особъ разныхъ вѣроисповѣданій и агентовъ британскаго общества,—пасторовъ Патерсона и Пинкертона, сдѣлавшихся главными заправителями всего дѣла. Русское общество, по примѣру британскаго, приняло за правило печатать библейскія книги безъ всякихъ изъясненій и примѣчаній, чтобы устранить изъ своихъ изданій всякія вѣроисповѣдныя особенности, и вообще организовалось по самой послѣдней модѣ, какъ общество универсально-религіозное, не принадлежащее ни къ одной церкви вчастности. Въ комитетъ, завѣдовавшій его дѣлами, въ первый годъ его существованія духовныя лица — представители разныхъ церквей — даже вовсе не были допущены, и только въ слѣдующемъ 1814 г., когда общество получило отъ государя право издавать Библію и на славянскомъ языкѣ для самихъ русскихъ, въ члены комитета избраны были нѣсколько архіереевъ въ званіи вице-президентовъ, архимандритъ и протоіерей въ званіи директоровъ, но въ то же время въ тѣхъ же званіяхъ въ него допущены были и представители духовенства инославнаго, католическаго, уніатскаго и протестантскаго, такъ что онъ и послѣ этого не потерялъ своего внѣцерковнаго универсальнаго характера; предсѣдателемъ его и прежде и послѣ было лицо свѣтское, — кн. Голицынъ. Изданія общества выходили въ свѣтъ только съ одобрѣнія его духовныхъ членовъ безъ участія св. Синода.

Дѣла общества съ самаго начала пошли блестящимъ образомъ. Отдѣленія и товарищества его умножались съ каждымъ годомъ и сплошною сѣтью охватили всю имперію до самыхъ отдаленныхъ ея угловъ.

Его имущество (состоявшее въ деньгахъ, домахъ, книгахъ, типографскихъ принадлежностяхъ) къ концу царствованія простиралось до 2,000,000 р., не смотря на его громадные ежегодные расходы на изданіе книгъ и даровую раздачу значительнаго количества ихъ экземпляровъ бѣднымъ. Оно повсюду отыскивало способныхъ переводчиковъ на разные языки и каждый годъ печатало ихъ труды въ нѣсколькихъ типографіяхъ (въ Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Вильнѣ, Астрахани и проч.), такъ что къ 1826 г. общая цифра его изданій, болѣе чѣмъ на 40 языкахъ и нарѣчіяхъ, доходила до 876000 экземпляровъ Библіи и разныхъ ея частей; одной славянской Библіи по 1823 г. было выпущено въ свѣтъ 7 изданій въ 4 долю и 15 въ 8. Ежегодные отчеты и ежемѣсячныя извѣстія общества восторженно извѣщали объ изумительныхъ успѣхахъ библейскаго дѣла и о дѣйствіяхъ слова Божія на сердца его читателей. Государь тоже былъ въ восторгѣ отъ успѣховъ общества и въ 1815 г. по возвращеніи изъ за границы задалъ ему новую важную задачу: „доставить и россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ россійскомъ языкѣ".

Исполняя волю государя, св. Синодъ поручилъ комиссіи духовныхъ училищъ найти нужныхъ переводчиковъ для предпринимаемаго перевода и опредѣлилъ печатать ихъ труды по принятому порядку,— съ одобрѣнія духовныхъ членовъ комитета самого Библейскаго общества. Любопытно, что на этотъ разъ комитетъ самъ почувствовалъ неловкость постояннаго отстраненія отъ своихъ дѣлъ св. Синода и въ отчетѣ за 1815 г. прибавилъ въ опредѣленіи св. Синода къ словамъ: „духовныхъ членовъ комитета общества", слова: „въ числѣ коихъ суть и члены св. Синода", очевидно желая показать, что переводъ будетъ издаваться, хотя и не прямо отъ св. Синода, по крайней мѣрѣ не безъ участія лицъ, засѣдающихъ въ Синодѣ. Сначала трудами ректора петербургской акаде-

міи Филарета, преподавателей—священника Г. Павскаго и архим. Моисея и ректора семинаріи Поликарпа переведены Евангелія. Изданіе ихъ въ 1818 г. (въ два столбца съ русскимъ и славянскимъ текстомъ) возбудило всеобщій восторгъ, выразившійся въ письмахъ къ обществу отъ большей части архіереевъ и въ быстрой распродажѣ книгъ. Въ 1819 г. вышло еще два изданія и третье съ книгой Дѣяній. Въ 1821—1822 гг. явились два изданія уже полнаго Новаго Завѣта. Всѣхъ экземпляровъ выпущено до 111,000, а въ 1823 — еще 25,000 на одномъ русскомъ языкѣ. Въ 1820 г. московской и кіевской академіямъ порученъ переводъ Ветхаго Завѣта. Изъ этого перевода въ 1822 г. напечатанъ особо русскій переводъ Псалтири, надъ которымъ особенно трудился Филаретъ, и по 1823 г. разошелся въ числѣ 12 изданій и 100,000 экземпляровъ. Переводъ остальныхъ книгъ В. Завѣта затянулся; въ 1825 г. былъ конченъ печатаніемъ первый томъ русской Библіи до книги Руѳь включительно, но по высочайшему повелѣнію отъ 7 ноября не былъ выпущенъ въ свѣтъ „впредь до разрѣшенія", котораго такъ и не послѣдовало за кончиной государя и закрытіемъ самого общества.

Кромѣ своей главной задачи—распространенія св. Писанія, русское Библейское общество по примѣру и подъ руководствомъ британскаго старалось выполнять еще разныя другія просвѣтительныя и филантропическія задачи. Члены его принимали живѣйшее участіе въ распространеніи модныхъ тогда ланкастерскихъ школъ взаимнаго обученія и введеніи ихъ метода въ существовавшія школы и занимались изданіемъ религіозныхъ книгъ и дешевыхъ брошюръ для народнаго чтенія. Въ 1813—1826 гг. кн. С. Мещерская, оказавшая обществу большія услуги, издала въ свѣтъ болѣе 90 такого рода брошюръ въ 400,000 экземплярахъ слишкомъ, издержавъ на этотъ предметъ до 10,000 р. своихъ и 12000 р., пожертвованныхъ государемъ. Филантропическая дѣятельность

общества много напоминала такую же дѣятельность масонства во дни Новикова и Шварца. Члены его были дѣятельнѣйшими участниками во всѣхъ благотворительныхъ подпискахъ и обществахъ, наприм. въ обществахъ патріотическомъ для помощи раззореннымъ войною 1812 г., императорскомъ человѣколюбивомъ и женскомъ благотворительномъ (съ 1816 г.), въ попечительствѣ о тюрьмахъ и т. д.

Заслуги Библейскаго общества были неоспоримы, но оно имѣло и темныя стороны, которыя отвращали отъ него многихъ лучшихъ людей времени и послужили послѣ поводомъ къ его паденію. Не смотря на высокую святость своей задачи, оно по самому происхожденію своему было „дѣломъ отъ человѣкъ", и притомъ не продуктомъ даже общественной жизни, какъ Библейское общество Англіи, а искусственнымъ произведеніемъ разныхъ представителей административной власти съ ихъ современными предубѣжденіями, стремленіями и даже страстями.... Воззванія комитета общества, покровителемъ котораго состоялъ самъ государь, членами котораго были министры, сенаторы, вельможныя административныя лица, подписывавшія свои имена обыкновенно со всѣми титулами, повсюду сразу получали значеніе какихъ-то административныхъ циркуляровъ. Въ губерніяхъ во главѣ отдѣленій общества становились лица тоже административныя, губернаторы, архіереи, начальники мѣстныхъ войскъ, предводители дворянства, начальники учебныхъ заведеній, прокуроры, почтмейстеры и т. д. Отъ нихъ приглашенія къ участію въ дѣлахъ общества шли къ уѣзднымъ городничимъ и протоіереямъ, а отъ этихъ въ волости и приходы чрезъ помѣщиковъ, капитанъ-исправниковъ и благочинныхъ. Очень естественно, что отзывы на всѣ подобныя воззванія и приглашенія повсюду получали характеръ подначальной исполнительности, и дѣло Библейскаго общества изъ общественно-религіознаго превращалось въ служебное и казенное. Корреспонденціи въ коми-

тетъ общества нерѣдко имѣли самую откровенную форму исполнительныхъ донесеній по начальству. Разныя пожертвованія на библейское дѣло тоже иногда выразительно обнаруживали свой мало добровольный характеръ, наприм. пожертвованія по 100—300 р. отъ крестьянскихъ обществъ, по безграмотности едва ли и понимавшихъ важность этого дѣла, пожертвованія отъ полковъ, равнявшіяся чуть не цѣлому годовому окладу солдатскаго жалованья, и отъ дѣтскихъ библейскихъ товариществъ, которыя стали открываться по нѣкоторымъ школамъ съ тѣхъ поръ, какъ кн. Голицынъ сдѣлался министромъ просвѣщенія.

Неудивительно, что въ возбужденномъ такимъ образомъ по Россіи библейскомъ движеніи было не мало лицемѣрія и ханжества. Самъ государь имѣлъ случаи убѣждаться въ этомъ. Существуетъ наприм. такой разсказъ. Во время одной изъ поѣздокъ своихъ по Россіи онъ увидалъ на одной станціи развернутый Новый Завѣтъ и, получивъ по этому поводу самыя благочестивыя завѣренія отъ смотрителя станціи въ любви къ чтенію слова Божія, тайно вложилъ въ книгу за нѣсколько страницъ впередъ сторублевую ассигнацію; на возвратномъ пути, проѣжая черезъ туже станцію, онъ узналъ отъ смотрителя, что чтеніе его уже далеко перешло за ассигнацію, но, открывъ книгу, нашелъ деньги на прежнемъ мѣстѣ; послѣ этого онъ взялъ ихъ назадъ, сказавъ уличенному лицемѣру: „ищите прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ". Конечно, много было людей искренно преданныхъ слову Божію, но еще больше разводилось такихъ, которые искали не царствія Божія, а именно того, что приложится. разныхъ благостынь отъ заботившихся о царствѣ Божіемъ начальствъ. Духъ ханжества сильно распространялся въ обществѣ, особенно въ служебныхъ сферахъ. Губернаторы, полковые командиры и др. начальства начали говорить своимъ подчиненнымъ проповѣди со множествомъ текстовъ и въ мистико-піэтистическомъ вкусѣ библейскихъ дѣятелей.

Корреспонденціи въ комитетъ Библейскаго общества старались всячески выставить на видъ благочестіе своихъ авторовъ, ихъ безмѣрную любовь къ слову Божію, необыкновенное благодатное дѣйствіе его на ихъ сердца, ихъ особенное стремленіе къ распространенію Библіи для утоленія духовнаго глада ближнихъ и т. п. Даже язычники и мухаммедане инородцы извѣщали, что они тоже жаждутъ слова Божія и что оно и на нихъ дѣйствуетъ, какъ слѣдуетъ, и просили присылки библейскихъ переводовъ. Комитетъ все это принималъ съ полнымъ довѣріемъ и съ восторгами печаталъ въ своихъ отчетахъ и извѣстіяхъ. Огромный расходъ библейскихъ книгъ, по мнѣнію враговъ общества, которое они высказывали, разумѣется, не теперь, а послѣ, вовсе не обозначалъ того, чтобы эти книги читались съ жаромъ, и повелъ лишь къ тому, что онѣ „теряли важность свою", валялись зря по шинкамъ, кабакамъ и подобнымъ мѣстамъ и употреблялись на обертки; мнѣніе это вѣроятно не лишено было фактическихъ основаній, потому что высказывалось оффиціально предъ лицемъ самого Государя.

Кромѣ этихъ темныхъ сторонъ, была еще одна такая же сторона въ дѣятельности Библейскаго общества, которая прямо касалась интересовъ православной церкви и очень скоро вооружила противъ него и духовныхъ и свѣтскихъ ревнителей православія. Православные люди ничего не имѣли серьезнаго ни противъ распространенія слова Божія, ни противъ его переводовъ на разные языки и на русскій языкъ вчастности; но они не могли быть довольны тѣмъ, что отъ такого важнаго церковнаго дѣла отстраненъ былъ св. Синодъ и что оно цѣликомъ попало въ руки общества, которое само выставляло себя не принадлежащимъ ни къ какой церкви. Противъ этого были даже нѣкоторые изъ членовъ самого же общества; такъ А. Стурдза, служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ, указываетъ въ своихъ мемуарахъ на одну свою статью въ газетахъ, очень не понравившуюся

библейскимъ дѣятелямъ, въ которой онъ провелъ мысль, что Библейское общество должно быть „арсеналомъ или оружейной палатой, гдѣ прилежные работники куютъ вещественный мечъ слова Божія, но владѣть симъ мечемъ предоставляютъ воинамъ Христовымъ“. Коноводы общества хотѣли вовсе не того: они, разсказываетъ тотъ же современникъ, „шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ Библейскаго общества — новое излiяніе св. Духа на всяку плоть, что съ помощію одной книги можно будетъ христіанству расторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ и истинѣ“. Духовныя лица православной церкви были допущены къ участію къ обществѣ на равныхъ правахъ съ духовенствомъ всякихъ другихъ вѣроисповѣданій. „Не странны ли, даже не смѣшны ли, писалъ другой современникъ адмиралъ А. Шишковъ, въ библейскихъ обществахъ наши митрополиты и архіереи, засѣдающіе вмѣстѣ съ лютеранами, католиками, кальвинами, квакерами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они, съ сѣдою головою, въ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мірянами всѣхъ націй, и имъ человѣкъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе!“ Разносоставность комитета общества и его главная задача издавать книги библейскія безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ примѣчаній прямо показывали, что общество считаетъ себя выше всѣхъ частныхъ церквей, считаетъ эти церкви, въ томъ числѣ и православную, только неполными, узкими и болѣе или менѣе искаженными формами одного универсальнаго, чистаго христіанства и хочетъ работать въ интересахъ только именно этого послѣдняго. Въ отчетѣ общества за 1818 г. даже прямо говорилось: „Небесный союзъ вѣры и любви, учрежденный посредствомъ Библейскихъ обществъ въ великомъ христіанскомъ семействѣ, открываетъ прекрасную зарю брачнаго дня христіанъ и то время, когда будетъ единъ Пастырь и едино стадо, т. е. когда будетъ одна божественная христіанская религія во всѣхъ

различнаго образованія христіанскихъ исповѣданіяхъ“. Забвеніе правъ господствующей церкви и того, что она есть часть церкви православно-каѳолической, не имѣющей выше себя никакого идеала, было полное. Для завзятыхъ библейскихъ дѣятелей выше нея стояло даже британское Библейское общество, съ котораго они брали примѣръ и которому покланялись до обожанія. Секретарь русскаго общества Поповъ, командированный Голицынымъ въ Англію для сближенія своего общества съ британскимъ, въ докладѣ о своемъ посольствѣ восторженно сравнивалъ выпавшій ему жребій съ жребіемъ боговидца Моисея, а библейскій комитетъ не только выслушалъ, но и допустилъ напечатать его рѣчь въ газетахъ.

Этого мало. Общество не удержалось и на этой религіозно-космополитической точкѣ зрѣнія, а подъ вліяніемъ англійскихъ учителей, отчасти и домашнихъ коноводовъ изъ мистиковъ, прямо наклонялось на сторону мистическаго протестантизма. Британскіе агенты играли въ немъ едва вѣроятную роль, особенно пасторъ Пинкертонъ, которому, по разсказу Стурдзы, „поручили объѣзжать почти всѣ епархіальные города, имѣть совѣщанія съ мѣстными архіереями, требовать у нихъ отчета въ распространеніи слова Божія и въ случаѣ надобности побуждать ихъ къ новой дѣятельности. Само собой разумѣется, что Пинкертона большею частію принимали съ подобострастіемъ; рѣдко гдѣ попадался ему самостоятельный христіанинъ съ твердымъ убѣжденіемъ. На библейскихъ засѣданіяхъ онъ предписывалъ законъ“. Англійскіе методисты на своихъ собственныхъ библейскихъ собраніяхъ въ Англіи выражали твердую надежду на то, что, благодаря дѣятельности русскаго Библейскаго общества, Россія скоро будетъ наслаждаться благами реформаціи, что „свободное проповѣданіе истины, открывая греческой церкви ея собственныя заблужденія, животворитъ вѣру“ и что будущая реформація въ Россіи, какъ солнце, озаритъ „равнымъ свѣтомъ какъ

хижину сибиряка, такъ и чертоги царей, гдѣ мудрѣйшій и могущественнѣйшій изъ государей земныхъ помышляетъ нынѣ о сей великой и святой реформѣ". Не мудрено, что къ обществу льнуло все, что только искало себѣ спасенія внѣ церкви и оно сдѣлалось средоточіемъ всевозможныхъ сектъ, расплождавшихся по имперіи и находившихъ въ немъ самый безопасный пріютъ для своего развитія въ ущербъ православію. Просвѣтительная дѣятельность библейцевъ, состоявшая въ изданіи религіозныхъ книгъ, обратилась въ настоящую пропаганду мистическихъ ученій и наполнила русскую литтературу цѣлой массой мистическихъ книгъ, разсылаемыхъ даже административнымъ путемъ по разнымъ учрежденіямъ и лицамъ и расходившихся чрезвычайно быстро. Замѣчательно, что и въ этомъ случаѣ, какъ въ изданіи библейскихъ переводовъ, общество старалось отстранить отъ себя всякій надзоръ со стороны церковной власти и печатало мистическія сочиненія съ разрѣшенія одной свѣтской цензуры помимо духовной.

Съ 1817 г. ревнители новаго христіанства усилились еще болѣе, пріобрѣтя для своей дѣятельности еще новый органъ и на этотъ разъ уже не общественнаго характера, какой имѣло, по крайней мѣрѣ по внѣшности, Библейское общество, а характера прямо государственнаго, съ административною властью: манифестомъ 24 октября этого года создано было обширное двойное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По своей задачѣ оно было вѣрнымъ отголоскомъ недавно заключеннаго св. союза,— должно было служить къ осуществленію самой завѣтной мысли благочестиваго императора устроить все народное просвѣщеніе на началахъ христіанскихъ. Цѣль эта была высокая и благая, способная искренно увлекать такихъ религіозныхъ идеалистовъ, какъ Александръ и кн. Голицынъ; но люди болѣе практическіе, имѣвшіе въ виду характеры и таланты современныхъ дѣятелей, которые должны были встать во главѣ

новаго учрежденія, тогда же предсказывали полное извращеніе ея на практикѣ. Министромъ соединеннаго министерства поставленъ былъ, разумѣется, тотъ же кн. Голицынъ, который въ глазахъ государя былъ такимъ незамѣнимымъ спеціалистомъ по части всякаго рода религіозныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ этимъ министерство сейчасъ же стало отождествляться съ Библейскимъ обществомъ. По двумъ разнымъ предметамъ своего вѣдомства оно было раздѣлено на два департамента,—духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія. Первый былъ ввѣренъ одному изъ видныхъ представителей мистицизма, секретарю библейскаго комитета въ Петербургѣ А. Тургеневу, котораго Пушкинъ прозвалъ кардиналомъ-племянникомъ, другой— другому секретарю того же комитета, малограмотному В. Попову, настоящему хлысту Татариновской секты. Попечители округовъ по министерству просвѣщенія, графъ Ливенъ дерптскій, Руничъ петербургскій, кн. Оболенскій московскій, Магницкій казанскій, Карнѣевъ харьковскій, были вицепрезидентами или же директорами комитета; другіе чиновники министерства по главному управленію училищъ и ученому комитету,—Кавелинъ, Фусъ, Адеркасъ, Стурдза, Мартыновъ и проч., состояли при Библейскомъ обществѣ въ качествѣ болѣе или менѣе дѣятельныхъ его членовъ. Новое министерство очевидно должно было дѣйствовать совершенно въ томъ же направленіи, какъ и Библейское общество, только еще съ большею властію, и потому ничего не обѣщало впереди добраго ни для просвѣщенія, ни для церкви.

Библейское общество особенно возставало противъ унаслѣдованнаго отъ XVIII в. религіознаго вольнодумства; отъ того въ засѣданіяхъ его постоянно раздавались горячіе возгласы противъ лжеименнаго разума, бывшіе вѣрнымъ продолженіемъ такихъ же возгласовъ масоновъ и мистиковъ XVIII в. и вслѣдствіе слабаго знакомства ораторовъ съ наукою нерѣдко такіе же легкомысленные, какъ тѣ. Возгласы эти теперь цѣликомъ переносились въ министерство

народнаго просвѣщенія, гдѣ они могли имѣть не одно уже только ораторское значеніе, и понятно, что изъ этого должно было выйти. А тутъ, какъ разъ къ этому времени, въ Германіи поднялись политическія волненія университетовъ, обратившія на себя безпокойное вниманіе всѣхъ членовъ св. союза и вызвавшія цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ. Доказательство пагубности лжеименнаго разума было на лицѣ, врагъ стоялъ при дверяхъ, и обезпокоенное русское министерство поспѣшило принять такія же репрессивныя мѣры и въ отношеніи къ русскимъ университетамъ, гдѣ только лишь начинался полуграмотный младенческій лепетъ науки и гдѣ не было еще не только какихъ нибудь движеній, но и мыслей политическихъ. За недостаткомъ науки и политики оно спеціально занялось истребленіемъ въ наличномъ русскомъ просвѣщеніи антирелигіозныхъ началъ и преобразованіемъ его на началахъ св. союза. Ученый комитетъ при управленіи училищъ получилъ инструкцію строжайшимъ образомъ слѣдить за согласіемъ преподаванія съ вѣрою и устранять въ учебныхъ курсахъ всякія мысли несогласныя съ св. Писаніемъ, какъ наприм. мысли о превращеніяхъ земнаго шара (изъ Геологіи) или о вращеніи земли вокругъ солнца (изъ математической Географіи). Изъ преподаванія изгонялись цѣлыя науки, признанныя неблагонадежными. Комитетская цензура находила сомнительныя мѣста въ самыхъ невинныхъ книгахъ, назначавщихся для школьнаго употребленія, наприм. во Всеобщей Исторіи Кайданова. Практическое же осуществленіе новой программы просвѣщенія въ самихъ учебныхъ заведеніяхъ повело здѣсь къ развитію такого обскурантнаго ханжества и такой профанаціи религіи предъ молодымъ поколѣніемъ, что церковь могла ожидать для себя впереди едва ли небо́льшихъ безпокойствъ, чѣмъ отъ того самаго вольнодумства, которое теперь собрались искоренять. Такого рода просвѣтительной практикѣ прежде всѣхъ подвергся казанскій учебный

округъ въ попечительство Магницкаго (съ 1819 г.), сдѣлавшагося своего рода историческою знаменитостію. Его примѣру послѣдовалъ петербургскій попечитель Руничъ,—ввелъ у себя въ округѣ цѣликомъ инструкціи Магницкаго и поднялъ шумное въ свое время дѣло о четверыхъ лучшихъ профессорахъ петербургскаго университета, Галичѣ (проф. философіи), Германѣ, Арсеньевѣ (статистики) и Раупахѣ (исторіи), которыхъ завинилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ въ маратизмѣ и робеспьеризмѣ. Въ Харьковѣ были тоже уволены два профессора, Осиповскій и Шадъ.

Фанатизмъ дѣятелей новаго министерства простерся и на литературу. Обходя законы цензуры въ своихъ собственныхъ изданіяхъ и въ распространеніи своихъ собственныхъ мистическихъ ученій, они зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы литература не пропускала въ свѣтъ мыслей противнаго имъ лагеря. На страшное стѣсненіе цензуры жаловались даже такіе умѣренные и благомыслящіе писатели, какъ Карамзинъ и Жуковскій. Прямая полемика противъ мистическихъ писателей была совершенно невозможна. Нѣкто Смирновъ, переводчикъ московской медицинской академіи началъ было писать противъ нихъ обширныя опроверженія и обратился за дозволеніемъ печатать свои труды къ самому государю; но его полемическій жаръ поспѣшили охладить, — кромѣ того онъ подвергся гоненію, лишился службы и долженъ былъ съ семействомъ жить милостыней около разныхъ православныхъ вельможъ и другихъ христолюбцевъ. Не пропускались безъ вниманія даже легкія нападенія на сомнительную ученость разныхъ Эккартсгаузеновъ, Штиллинговъ и т. п. авторовъ; наприм. издатель Духа Журналовъ Яценковъ въ одной статьѣ своего изданія допустилъ замѣтку о странныхъ мнѣніяхъ Штиллинга касательно имѣющаго будто бы случиться въ 1836 г. преставленія свѣта, назвалъ его больнымъ человѣкомъ, т. е. сумасшедшимъ, и посовѣтовалъ мыслящимъ людямъ, особенно богословамъ, останавливать подобныя мнѣнія своею критикой;—за это ми-

нистръ сдѣлалъ дерзкому журналисту строгій выговоръ. Съ такою нетерпимостью сильнаго министерства приходилось тяжело считаться и представителямъ православной церкви. Они были совершенно связаны его силою и только въ тиши готовили свое противодѣйствіе „слѣпотствующему министру“ на будущее время, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Обвиняя въ вольнодумствѣ всѣхъ несогласныхъ съ ученіемъ новаго универсальнаго христіанства, поборники послѣдняго не замѣчали въ своемъ торжествѣ, что тѣ же самыя обвиненія, которыми они поражали другихъ, еще съ большею справедливостью прилагались къ нимъ самимъ съ точки зрѣнія церковной, что религія ихъ не есть религія православная, а продуктъ измышленій западной мистики и теософіи, слѣдовательно продуктъ того же самаго лжеименнаго разума, противъ котораго они такъ горячо ратовали; неправда и здѣсь, какъ всегда, солгала себѣ. При перемѣнѣ обстоятельствъ всѣ эти обвиненія дѣйствительно и обратились противъ нихъ съ той же силою и даже почти въ той же формѣ смѣнившими ихъ другими ревнителями.

Самое учрежденіе министерства духовныхъ дѣлъ въ глазахъ православныхъ людей было униженіемъ православной церкви, забвеніемъ ея испоконныхъ и коренныхъ правъ самостоятельности и господственнаго положенія предъ другими религіозными обществами въ православномъ русскомъ государствѣ. Въ основу всей организаціи его вѣдомства положенъ былъ тотъ же религіозный космополитизмъ, какой лежалъ въ основаніи и Библейскаго общества. „Самая грубая ошибка, впрочемъ умышленная, говорится въ запискахъ Стурдзы о состояніи церкви при Александрѣ, состояла въ томъ, что дѣла Синода и дѣла терпимыхъ религій, даже мусульманства и язычества, уставили въ рядъ и распредѣлили по столамъ въ одномъ и томъ же департаментѣ“. Во главѣ департамента сталъ одинъ изъ представителей религіознаго универсализма—Тургеневъ, а при самомъ министрѣ ближайшимъ

совѣтникомъ по духовнымъ дѣламъ, почти дядькой его, сдѣлался старый масонъ Кошелевъ, котораго Карамзинъ называлъ министромъ вышняго просвѣщенія, покровитель всѣхъ мистиковъ, магнетизеровъ и др. темныхъ личностей, постоянно толпившихся въ его домѣ. Св. Синодъ состоялъ въ вѣдомствѣ такого департамента совершенно на такомъ же положеніи, какъ евангелическая консисторія, римско-католическая духовная коллегія, духовныя управленія армянъ, евреевъ и т. д. Въ довершеніе всего, сдѣлавшись министромъ, кн. Голицинъ передалъ свою прежнюю оберъ-прокурорскую должность при св. Синодѣ другому лицу, кн. Мещерскому, и поставилъ его въ подчиненіе себѣ. Св. Синодъ былъ явно униженъ, такъ какъ оберъ-прокуроръ представлялъ въ немъ лице уже не государя, какъ установлено при самомъ началѣ синодальнаго правленія въ русской церкви, а только министра.

На первыхъ порахъ, когда результаты новаго учрежденія были еще не ясны, оно находило въ средѣ духовенства даже такихъ людей, которые ему радовались. Ректоръ академіи Филаретъ, не задолго до этого (5 авг. 1817 г.) посвященный въ епископа ревельскаго, викарія митрополита, написалъ своему благодѣтелю министру поздравительное письмо, въ которомъ придавалъ такой смыслъ новой церковной реформѣ: „Да даруетъ вамъ Господь воистину быть служителемъ духа въ церкви, служителемъ свѣта въ народѣ! Константинъ великій называлъ себя внѣшнимъ епископомъ въ церкви.... Въ настоящемъ званіи вашего сіятельства она должна признать мѣстоблюстителя внѣшняго епископа своего“. Но для такого мѣстоблюстительства внѣшняго епископа церкви довольно было и должности оберъ-прокурора св. Синода; остальное скоро оказалось лишнимъ и тягостнымъ для церкви. Тургеневъ, господствовавшій въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, на каждомъ шагу давалъ синодаламъ чувствовать превосходство надъ ними своего департамента. Къ вящшему ослабле-

нію св. Синода заведенъ былъ особый порядокъ назначенія въ него членовъ посредствомъ очереднаго вызова въ него епархіальныхъ архіереевъ на короткіе сроки, вслѣдствіе чего составъ его постоянно перемѣнялся и потерялъ послѣднюю устойчивость. Мистическая партія окончательно торжествовала надъ православіемъ. Представители ея прежде могли проявлять свое негодованіе на то, что пастыри церкви думаютъ и учатъ иначе, чѣмъ они, большею частію въ однихъ риторическихъ ругательствахъ; теперь, захвативъ въ свои руки такую громадную власть надъ іерархіею, они получили возможность содѣйствовать торжеству своихъ идей иными способами. Самъ Голицынъ подъ вліяніемъ такой власти, сосредоточенной въ его лицѣ, все болѣе и болѣе измѣнялъ своему всегдашнему благодушію и добротѣ, которыя примиряли съ нимъ прежде даже многихъ недовольныхъ его направленіемъ, сдѣлался деспотиченъ и дозволялъ себѣ въ отношеніи къ митрополиту и архіереямъ обидныя рѣзкости.

IV.

Увольненіе м. Амвросія. М. Михаилъ. Иннокентій Смирновъ и его судьба. Усиленіе мистическихъ соблазновъ. Кончина Михаила. М. Серафимъ Глаголевскій. Назначеніе Филарета въ Москву и Евгенія въ Кіевъ. Начало борьбы противъ мистицизма. Фотій юрьевскій. Подготовка къ сверженію Голицына. Донесенія Фотія. Дѣло Госнера и отставка министра. Министерство Шишкова. Гоненіе на Библейское общество и его изданія. Дѣло о Катихизисахъ Филарета.

Въ первый же годъ своего двойнаго министерства кн. Голицынъ показалъ свою силу на м. Амвросіѣ. Осторожный и уклончивый святитель умѣлъ долго держаться на своей высотѣ при всѣхъ перемѣнахъ, какія происходили около него въ высшихъ сферахъ администраціи, долго поддерживалъ хорошія отношенія съ самимъ Голицынымъ, снисходя къ его слабостямъ и стараясь попадать ему въ тонъ. При его предшествен-

никѣ Яковлевѣ митрополитъ былъ наприм. совершенно противъ предложеннаго тогда перевода св. Писанія на русскій языкъ, находя, что нѣкоторая прикровенность слова Божія даже полезна для народа; при Голицынѣ онъ самъ сдѣлался членомъ Библейскаго общества и самъ содѣйствовалъ этому переводу. Долго молчалъ онъ и въ виду мистическихъ увлеченій сильнаго оберъ-прокурора, которымъ тоже не могъ сочувствовать уже по самому складу своего ума, чуждаго не только мистики, но и всякихъ даже философскихъ отвлеченностей. Но послѣднія перемѣны въ администраціи, слишкомъ далеко зашедшее торжество мистицизма, умноженіе самыхъ безумныхъ сектъ и совращеній всякаго рода наконецъ пересилили его терпѣніе и побудили его высказаться, послѣ чего министръ нашелъ его несоотвѣтствующимъ занимаемому имъ высокому посту и постарался отъ него избавиться, воспользовавшись для этого первымъ попавшимся поводомъ. Въ Крещенье 1818 г. старецъ митрополитъ, любившій пышность въ священнослуженіи, явился на Іорданъ въ тепломъ облаченіи, подбитомъ горностаями изъ покрововъ, которыми были покрыты при погребеніи тѣла царскихъ дочерей Маріи и Елизаветы, скончавшихся въ младенчествѣ. Голицынъ донесъ, что митрополитъ служилъ въ царскомъ одѣяніи, такъ какъ горностаевый мѣхъ присвоенъ былъ только лицамъ царской фамиліи, и подвелъ его подъ гнѣвъ государя, вѣроятно уже и раньше достаточно предубѣжденнаго противъ Амвросія. Государь далъ ему знать стороною, чтобы просилъ увольненія въ новогородскую епархію. Послѣ этого съ нимъ повторилась точь вточь та же исторія, какъ съ его предшественникомъ м. Гавріиломъ, удаленію котораго въ Новгородъ онъ самъ когда-то поспособствовалъ. „При удаленіи, говорится въ воспоминаніяхъ м. Филарета московскаго, Амвросій потерпѣлъ въ Невской лаврѣ такія же неудовольствія, какія Гавріилъ отъ него. Удаляясь въ Новгородъ, Амвросій хотѣлъ было взять съ собою нѣсколько портретовъ, между прочимъ портретъ кн. Голицына.

Но экономъ ему сказалъ: „портреты ваши, владыко святый, а рамки-то казенныя". Въ Новгородѣ онъ прожилъ недолго: 26 марта былъ уволенъ изъ Петербурга, а 21 мая скончался.

На его мѣсто переведенъ изъ Чернигова архіепископъ Михаилъ Десницкій. Онъ былъ одним изъ воспитанниковъ бывшаго Дружескаго общества московскихъ масоновъ Екатерининскаго времени; учился на счетъ этого общества въ московскомъ университетѣ и въ академіи и на всю жизнь сохранилъ нѣкоторый мистическій оттѣнокъ въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, нисколько впрочемъ не вредившій совершенной чистотѣ его православія. По окончаніи курса онъ долгое время служилъ священникомъ при московской церкви Іоанна воина и славился своими сердечными поученіями. Въ 1796 г. онъ постригся въ монашество и послѣ этого былъ сначала юрьевскимъ архимандритомъ, потомъ епископомъ старорусскимъ (1801), наконецъ въ 1802 г. переведенъ на черниговскую каѳедру. Это былъ пастырь добрый, кроткій, доступный для всѣхъ нуждавшихся въ немъ, отличавшійся щедрою благотворительностію; какъ на выдающуюся черту въ его епархіальномъ управленіи, указываютъ на то, что онъ терпѣть не могъ между духовенствомъ тяжебъ, ссоръ и приказническихъ кляузъ, старался всѣхъ ссорившихся полюбовно мирить между собою и завелъ у себя для этого особые третейскіе суды. Назначая его въ преемники Амвросію, кн. Голицынъ по всей вѣроятности не мало разсчитывалъ на его обычную кротость и уступчивость, но очень скоро долженъ былъ убѣдиться, что, кроткій и уступчивый въ своихъ личныхъ дѣлахъ, новый митрополитъ умѣлъ быть пастыремъ твердымъ, когда дѣло касалось интересовъ православія.

Какъ разъ во время его первосвятительства дружина ревнителей православія, доселѣ въ тиши собиравшая свои силы, начала открыто выражать свое негодованіе на вредное направленіе министерства и

выступать въ открытую борьбу съ мистиками. Ректоръ петербургской семинаріи архим. Иннокентій Смирновъ, извѣстный своею ученостію, истинно-подвижническою жизнію и строгимъ православіемъ, отказался отъ званія члена Библейскаго общества; этого мало,— напалъ на главный органъ современнаго мистицизма—Сіонскій Вѣстникъ, издававшійся близкимъ къ кн. Голицыну Лабзинымъ вице-президентомъ академіи художествъ, однимъ изъ директоровъ Библейскаго общества, и написалъ къ князю рѣзкое письмо, въ которомъ говорилъ: „Вы нанесли рану церкви, вы ее и уврачуйте". Взбѣшенный министръ пріѣхалъ съ письмомъ къ митрополиту: „Вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ". На этотъ разъ Михаилъ постарался все дѣло кончить миромъ, заставивъ Иннокентія извиниться предъ Голицынымъ. Изданіе Сіонскаго Вѣстника однако послѣ этого скоро прекратилось (въ іюнѣ 1818 г.), потому что министръ, убѣжденный нѣкоторыми лицами (Стурдзою), подчинилъ его духовной цензурѣ, послѣ чего Лабзинъ грубо отказался отъ его изданія, говоря, что „не пойдетъ на судъ къ людямъ, которые затворяютъ дверь царствія небеснаго, сами не входятъ и другихъ не пускаютъ туда".

Только лишь уладилось дѣло съ письмомъ Иннокентія къ Голицыну, какъ поднялось другое. Нѣкто Станевичъ, по поводу смерти ребенка у знакомаго ему статсъ-секретаря Кикина, написалъ въ утѣшеніе родителей книгу: Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, въ которой между прочимъ излилъ все свое негодованіе противъ распространявшагося въ обществѣ мистицизма. Иннокентій, бывшій духовнымъ цензоромъ, пропустилъ эту книгу въ печать. Сочиненіе было не далекое, но произвело страшную тревогу въ кружкѣ Голицына, привело въ безпокойство и митрополита и друзей Иннокентія. Онъ одинъ только оставался спокоенъ и, не боясь никакихъ гоненій, говорилъ: „лишь бы только за правду". Голицынъ представилъ книгу государю и испросилъ на

нее запрещеніе, о которомъ въ началѣ 1819 г. и объявилъ комиссіи дух. училищъ съ строгимъ замѣчаніемъ за цензора и строжайшимъ выговоромъ самому Иннокентію. Въ бумагѣ министра между прочимъ прямо говорилось, что книга наполнена „защищеніемъ наружной церкви противъ внутренней", стремится „истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго" и „совершенно противна началамъ, руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части". Всѣ экземпляры книги были отобраны у владѣльцевъ полиціей. Желая поскорѣе убрать Иннокентія изъ Петербурга, министръ, даже безъ вѣдома св. Синода, испросилъ у государя назначеніе его въ епископы въ Оренбургъ. Уже самъ митрополитъ заступился за больнаго кандидата на это невольное епископство, замѣтилъ Голицыну о незаконности такого небывалаго въ православной церкви назначенія епископовъ безъ избранія отъ св. Синода и чрезъ княгиню Мещерскую исходатайствовалъ у государя переводъ Иннокентія въ болѣе близкую и болѣе благопріятную для его здоровья пензенскую епархію. Осенью того же года Иннокентій скончался въ Пензѣ отъ чахотки всего 35 лѣтъ отъ роду.

По удаленіи Иннокентія Михаилъ остался одинокъ. Другой молодой помощникъ его, викарій Филаретъ, какъ человѣкъ близкій къ Голицыну, мало возбуждалъ въ немъ довѣрія и самъ не былъ въ немъ увѣренъ; одно время Филаретъ подозрѣвалъ митрополита даже въ томъ, что этотъ хочетъ избавиться отъ него назначеніемъ его, какъ Иннокентія, въ отдаленную епархію (именно въ Каменецъ-Подольскъ). Притомъ же вскорѣ, въ мартѣ того же 1819 г., онъ былъ назначенъ на тверскую епархію, хотя впрочемъ постоянно почти жилъ въ Петербургѣ, работая для Библейскаго общества. Между тѣмъ господство мистицизма продолжалось своимъ чередомъ и послѣ прекращенія Сіонскаго Вѣстника. Соблазнъ даже еще болѣе усилился вслѣдствіе появленія въ Петербургѣ новыхъ

иноземныхъ учителей. Въ концѣ 1818 г. пріѣзжали сюда квакеры, которыхъ государь приглашалъ къ себѣ въ бытность свою въ Лондонѣ, были два раза во дворцѣ, гдѣ государь и теперь молился съ ними умной молитвой, были у обѣихъ императрицъ, у Голицына; во многихъ богатыхъ и знатныхъ домахъ, даже въ кельяхъ духовныхъ сановниковъ и вездѣ удостоивались самаго радушнаго пріема, не смотря на всѣ свои чудачества. М. Михаилъ имъ не понравился, какъ человѣкъ на ихъ взглядъ не духовный, но очень понравился Филаретъ, долго съ ними бесѣдовавшій о духовныхъ предметахъ и будто бы, по ихъ разсказу, вошедшій съ ними „въ духовное общеніе“. Въ 1819 г. явился въ Петербургъ германскій пасторъ Линдль и, принятый благосклонно самимъ государемъ и кн. Голицынымъ, сталъ проповѣдовать здѣсь въ мальтійской церкви какую-то смѣсь мистицизма съ католичествомъ; потомъ, когда по представленію м. Михаила его вѣжливо выслали въ Одессу, на смѣну ему выписанъ такой же проповѣдникъ Госнеръ, открывшій чтеніе своихъ проповѣдей въ католической церкви на Невскомъ проспектѣ. Слушать этихъ проповѣдниковъ стекались цѣлыя толпы православныхъ людей изъ образованнаго общества и высшаго чиновничества; послѣднее въ угоду Голицыну вмѣстѣ съ нимъ усердно вздыхало около ихъ каѳедръ, плакало и становилось на колѣна. Между министромъ и митрополитомъ дѣло дошло наконецъ до крупнаго столкновенія, слѣдствіемъ котораго въ 1821 г. было горячее письмо Михаила къ государю, бывшему тогда на конгрессѣ въ Лайбахѣ, съ просьбой спасти церковь „отъ слѣпотствующаго министра“. Письмо это произвело сильное впечатлѣніе на Александра, особенно когда онъ узналъ, что митрополитъ писалъ его, такъ сказать, на краю могилы и черезъ двѣ недѣли послѣ него скончался (24 марта).

Преемникомъ Михаила, какъ говорятъ, по совѣту графа Аракчеева, соперничавшаго съ Голицынымъ,

былъ назначенъ московскій митрополитъ Серафимъ Глаголевскій, хотя и не имѣвшій особенно виднаго значенія въ кругу іерарховъ, но извѣстный по своему консервативному и строго православному направленію. Какъ Михаилъ, онъ былъ когда-то тоже воспитанникомъ Дружескаго ученаго общества, но остался чуждъ мистическихъ оттѣнковъ этого воспитанія, отличался напротивъ довольно сухимъ и схоластическимъ складомъ мысли. При образованіи Библейскаго общества вмѣстѣ съ Михаиломъ онъ былъ избранъ въ число первыхъ вицепрезидентовъ комитета этого общества и долго усердно работалъ для него, но въ послѣднее время, какъ и Михаилъ, охладѣлъ къ нему и былъ сильно предубѣжденъ противъ двойнаго министерства. Служеніе его въ санѣ епископскомъ было какое-то кочевое, какъ и многихъ тогдашнихъ архіереевъ; изъ викаріевъ Платона онъ въ 1804 г. былъ назначенъ въ вятскую епархію, отсюда въ 1805 переведенъ въ смоленскую, изъ смоленской въ 1812 г.—въ минскую, потомъ въ 1814 въ тверскую, въ 1819—въ московскую, наконецъ черезъ 2 года въ Петербургъ. Изъ всѣхъ іерарховъ онъ имѣлъ ближайшія связи съ Амвросіемъ, Михаиломъ и Евгеніемъ Болховитиновымъ,— людьми все противоголицынской партіи. При вступленіи его на петербургскую каѳедру носился слухъ, что Филарета, бывшаго тогда уже на другой, ярославской епархіи, ушлютъ въ Грузію на мѣсто умершаго Ѳеофилакта, но онъ былъ назначенъ въ преемники самому Серафиму на московскую каѳедру въ санѣ архіепископа, куда и отправился тогда же, въ августѣ 1821 г., даже не видавши своего прежняго каѳедральнаго города Ярославля; съ этого времени началось его славное полувѣковое служеніе въ первопрестольной столицѣ. Въ началѣ слѣдующаго года высшее назначеніе получилъ и Евгеній Болховитиновъ, съ 1808 г. успѣвшій, какъ и Серафимъ, побывать на нѣсколькихъ епархіяхъ,—вологодской, калужской и псковской; те-

перь онъ былъ возведенъ въ санъ митрополита и назначенъ въ Кіевъ.

Съ возведеніемъ на петербургскую митрополію Серафима началось постепенное паденіе и двойнаго министерства и Библейскаго общества съ мистицизмомъ. На первомъ же засѣданіи Библейскаго комитета онъ рѣзко высказался противъ обычныхъ мистическихъ разглагольствій библейскихъ ораторовъ, замѣтивъ сурово, что такъ могутъ выражаться только люди, не понимающіе православія, и тутъ же оставилъ залъ засѣданія. Отчетъ общества за 1820 г. вышелъ безъ рѣчи президента, потомъ около того же времени въ рѣчахъ общества встрѣчаемъ особенно горячіе возгласы противъ врага рода человѣческаго, поселяющаго раздоры между людьми, воцаряющаго ложь вмѣсто истины и воздвигающаго противниковъ противъ общества и его святаго дѣла. Борьба противъ библейцевъ, значитъ, уже началась, но борьба пока довольно скрытная и медленная, такъ что 1822 и 1823 гг. прошли безъ особенно выдающихся происшествій. Между министромъ и митрополитомъ шла разладица. Министръ уже замѣчалъ, что его распоряженія постоянно стали встрѣчать препятствія и противодѣйствіе. Самъ государь проявлялъ въ отношеніи къ его докладамъ нѣкоторую мнительность и былъ видимо недоволенъ неуживчивостью его министерства съ духовною властью. По своей мнительности и нерѣшительной медлительности митрополитъ не могъ взять на себя иниціативы открытой и рѣшительной борьбы съ сильнымъ другомъ государя. Ему нуженъ былъ болѣе отважный и дѣятельный помощникъ, который бы постоянно поддерживалъ его энергію, а главное взялъ на себя рискованную роль передоваго застрѣльщика. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ новгородскаго юрьевскаго архимандрита Фотія Спасскаго, сильно покровительствуемаго тѣмъ же графомъ Аракчеевымъ, вліянію котораго приписывали и назначеніе въ митрополиты Серафима.

Фотій былъ изъ недоучившихся студентовъ преобразованной петербургской академіи, гдѣ онъ слушалъ лекціи Филарета и Иннокентія. По выходѣ изъ академіи (1815 г.), благодаря Филарету, принявшему въ немъ участіе, онъ занялъ сначала учительскую должность въ духовномъ училищѣ, потомъ въ 1817 г. постригся въ монашество и опредѣленъ законоучителемъ въ кадетскій корпусъ,— мѣсто весьма видное для него по его образованію. Онъ долго благоговѣлъ предъ своимъ благодѣтелемъ, но болѣе сердечнымъ образомъ привязался къ Иннокентію,— этому истинно святому человѣку, котораго онъ считалъ настоящимъ своимъ учителемъ и отцомъ въ духовной жизни. Послѣ кончины Иннокентія онъ сдѣлался горячимъ порицателемъ Филарета, котораго современныя сплетни считали виновникомъ участи Иннокентія. Въ монашествѣ Фотій повелъ жизнь строгаго аскета постника и носителя веригъ; но было что-то жосткое и грубое въ самомъ его аскетизмѣ, кромѣ того аскетизмъ этотъ не убилъ въ немъ честолюбиваго стремленія выставляться впередъ, играть роль въ обществѣ, и непомѣрной духовной гордости. Не имѣя возможности выставляться впередъ своимъ образованіемъ, онъ употребилъ средствомъ для этого самое свое подвижничество, доводя его до нѣкотораго юродства, обыкновенно поражающаго толпу. О молодомъ монахѣ постникѣ, чуть живомъ аскетѣ, заговорили даже въ высшемъ обществѣ. Нашлись для него и поклонники и между ними первое мѣсто заняла графиня А. Орлова-Чесменская, дочь графа А. Орлова, пожилая дѣвица, сдѣлавшаяся духовною дочерью Фотія. Съ какою-то страстною религіозностію привязалась она къ этому суровому и фанатическому монаху, презиравшему всѣ земныя потребности, предпочитавшему блюдо съ земляникой блюду съ червонцами отъ руки щедрой духовной дщери, находившему чисто Діогеновское удовольствіе въ томъ, что эта образованная, высокопоставленная и богатѣйшая въ Рос-

сіи графиня служитъ ему холопкой-послушницей и стелется во прахѣ предъ нимъ,—сыномъ дьячка, грубымъ монахомъ, покрытымъ язвами отъ веригъ. Но онъ не угодилъ предъ тогдашними сильными людьми Библейскаго общества, которое постоянно порицалъ даже на урокахъ въ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1820 г. его поэтому нашли нужнымъ убрать изъ Петербурга въ игумены новогородскаго Деревяницкаго монастыря. Это было, по его собственнымъ словамъ, безславіе ему; но судьба сжалилась надъ нимъ и послала ему здѣсь, вмѣсто сильнаго Голицына, другаго сильнаго покровителя въ лицѣ владыки села Грузина, графа Аракчеева. Благодаря богатству гр. Орловой, которая ничего не жалѣла для своего духовнаго отца, и поддержкѣ Аракчеева, Фотій пріобрѣлъ очень видное значеніе; въ 1822 г. онъ былъ сдѣланъ юрьевскимъ архимандритомъ и тогда же вызванъ въ Петербургъ, гдѣ ему пришлось потомъ сдѣлаться самымъ дѣятельнымъ участникомъ затѣянной противъ кн. Голицына интриги.

Въ Петербургѣ около него образовался значительный кружокъ благочестивыхъ людей изъ высшаго общества, собиравшихся слушать его бесѣды то у граф. Орловой, то у вдовы Державиной. „Все же слово и дѣло, разсказываетъ онъ самъ въ своихъ запискахъ, направлено было къ настоящей цѣли, какъ враговъ одолѣть и церкви сдѣлать пособіе“. Здѣсь познакомился съ нимъ самъ кн. Голицынъ и, нисколько не подозрѣвая, куда клонятся слово и дѣло Фотія, въ одномъ своемъ письмѣ къ гр. Орловой выражалъ даже сожалѣніе, что не зналъ раньше такого святаго человѣка во время перваго его пребыванія въ Петербургѣ. Лѣтомъ того же года пожелалъ видѣть Фотія государь, только лишь вернувшійся тогда изъ-за границы. Рѣчи его съ государемъ направлены были къ той же цѣли, какъ враговъ одолѣть и церкви сдѣлать пособіе. Не упоминая имени министра, онъ внушалъ государю объ опасностяхъ цер-

кви отъ окружающихъ ее явныхъ и тайныхъ враговъ и восхвалялъ ревность м. Серафима. Впечатлѣніе было произведено и м. Серафимъ, которому Фотій сейчасъ же послѣ аудіенціи отдалъ во всемъ отчетъ, возвеселился о его дерзновеніи. Пожалованный отъ государя драгоцѣннымъ наперснымъ крестомъ, Фотій къ осени воротился въ Новгородъ и пробылъ тамъ весь слѣдующій годъ.

Дальнѣйшая подготовка къ сверженію министра продолжалась въ Петербургѣ безъ него. Замѣчательно, что въ 1823 г. изъ Синода уволенъ былъ на два года въ епархію архіепископъ московскій Филаретъ, самый полезный для Голицына его сторонникъ. На мѣсто его впрочемъ вызванъ былъ другой архіерей изъ ревностныхъ сотрудниковъ Библейскаго общества Димитрій Сулима кишеневскій, потрудившійся особенно въ переводѣ св. книгъ на языкъ молдавскій. Въ томъ же году противоголицынская сторона пріобрѣла себѣ новаго сотрудника, не менѣе рьянаго, чѣмъ Фотій, Магницкаго, который, почуявъ, куда дулъ современный вѣтеръ, переметнулся отъ своего благодѣтеля министра къ Аракчееву. Къ той же сторонѣ примыкалъ давній противникъ Библейскаго общества, знаменитый авторъ теоріи о старомъ и новомъ слогѣ, неутомимый порицатель Карамзина и русскаго перевода Библейскихъ книгъ, адмиралъ Шишковъ. Въ 1812 г., какъ страстный патріотъ, онъ былъ назначенъ послѣ Сперанскаго на должность статсъ-секретаря и писалъ всѣ тогдашніе патріотическіе манифесты, потомъ съ 1816 г. состоялъ президентомъ Россійской академіи. По своему церковному и патріотическому направленію онъ имѣлся въ виду, какъ самый подходящій кандидатъ на министерство, въ случаѣ сверженія Голицына.

Когда все было подготовлено къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, весной 1824 г. въ Петербургъ снова вызвали того же передоваго застрѣльщика, Фотія, на смѣлость котораго можно было вполнѣ положиться. По пріѣздѣ онъ снова имѣлъ аудіенцію у государя;

послѣ которой вскорѣ сдѣлалъ открытое и грубое нападеніе на Голицына въ домѣ Орловой: онъ встрѣтилъ министра предъ иконами за аналоемъ, на которомъ были возложены крестъ, Евангеліе и запасные дары, и не давая ему благословенія, потребовалъ отъ него покаянія и отреченія отъ ложныхъ пророковъ. Голицынъ ушелъ изъ дома взбѣшенный, а Фотій кричалъ ему вслѣдъ: анаѳема. Послѣ этого, разумѣется, пошли взаимные доносы, Голицына на Фотія и Фотія на Голицына. Въ своемъ доношеніи государю Фотій въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ выставлялъ дѣйствія Голицынской партіи, какъ сплошную и хитрую интригу иллюминатовъ къ ниспроверженію православія, даже всѣхъ царствъ, религій и законовъ, и къ основанію единаго царства Христова, нѣкоей филадельфійской церкви, указывалъ на противозаконное, помимо духовной цензуры, распространеніе вредныхъ для церкви книгъ бѣсовскихъ, мистическихъ, масонскихъ, революціонныхъ и антихристіанскихъ, указывалъ на лицъ враждебныхъ церкви,—Кошелева, Рунича, Оболенскаго, Карнѣева, Тургенева, Попова, архимандрита Ѳеофила, высоко цѣнимаго Голицынымъ за ревность къ Библейскому обществу, бывшаго тогда законоучителемъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, типографщика Греча, цензора Тимковскаго; для смѣшенія всѣхъ религій, по его объясненію, учреждено министерство дух. дѣлъ, которому православные подчинены на ряду съ жидами и мухамеданами; для распространенія новаго ученія заведено Библейское общество, которое издаетъ нечестивыя книги, а для униженія слова Божія продаетъ его даже въ аптекахъ съ микстурами и стклянками; для пособія въ разсылкѣ книгъ Голицынъ подчинилъ себѣ и почтовое министерство; попечителями и директорами по министерству просвѣщенія посажены люди одного съ министромъ духа; вызывались изъ-за границы Госнеръ, Линдль, Фесслеръ, который хуже Пугачова; зло сѣется даже въ отдаленныхъ мѣстахъ, на Дону, въ Сарептѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ и проч. Въ особой запискѣ государю Фотій

тономъ пророка возвѣщалъ ему недавно будто бы открытую ему Фотію волю Божію: министерство духовныхъ дѣлъ закрыть, а министерство просвѣщенія и почтъ отнять „у извѣстной особы". Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что Библій издано довольно. Синоду быть по прежнему, Кошелева отдалить, Госнера, Фесслера и методистовъ выгнать. Изъ духовныхъ лицъ Фотій выражалъ сильное неудовольствіе на Дмитрія кишеневскаго, Іону тверскаго и особенно Филарета, котораго, по словамъ одного его доноса, будто бы всѣ архіереи, духовные, господа, купцы и народъ считали неправовѣрнымъ, и котораго онъ просилъ не вызывать изъ Москвы въ Синодъ; на мѣсто его онъ рекомендовалъ м. Евгенія, который „и умнѣе и ученѣе Филарета и притомъ правовѣренъ, великій человѣкъ и столпъ церкви".

Къ тому же времени, какъ донесенія Фотія, подкрѣпленныя вѣроятно и другими внушеніями, со стороны напримѣръ Аракчеева, успѣли поколебать сердце государя, подоспѣло еще дѣло о переводѣ сочиненія Госнера: Духъ жизни и ученія Іисуса Христа, который предпринятъ былъ секретаремъ Библейскаго общества Поповымъ. Магницкій досталъ листы этого перевода изъ типографіи Греча еще въ корректурѣ и поднялъ изъ за него страшную тревогу. Написавъ противъ книги самыя рѣзкія замѣчанія, какъ противъ книги богохульной и безбожной, онъ представилъ ихъ Аракчееву, митрополиту, Фотію и др. Союзники убѣдили митрополита непремѣнно ѣхать къ императору и открыть ему наконецъ всѣ козни враговъ церкви и отечества. Аудіенція у императора была секретная, но современная молва все-таки живописно разсказывала обо всѣхъ ея подробностяхъ, какъ м. Серафимъ, снявъ съ себя бѣлый клобукъ и положивъ его къ ногамъ императора, съ твердостію говорилъ, что не приметъ его, доколѣ не услышитъ царскаго слова о смѣнѣ министра и истребленіи вред-

ныхъ книгъ, и представилъ книгу Госнера, и какъ государь, возвращая ему клобукъ, обѣщалъ исполнить его представленія. Результатомъ этой аудіенціи было то, что книга Госнера была отдана на разсмотрѣніе Шишкову и обречена имъ на истребленіе, а всѣ лица, участвовавшія въ ея изданіи, отданы подъ судъ, самъ Госнеръ весной того же года высланъ за границу, кн. Голицынъ 15 мая подалъ въ отставку и былъ уволенъ какъ отъ министерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, такъ и отъ предсѣдательства въ Библейскомъ обществѣ, оставленъ только при управленіи почтовымъ министерствомъ. „Порадуйся, старче преподобный, писалъ торжествующій Фотій въ Москву одному пріятелю, нечестіе пресѣклось, армія богохульная діавола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ.... Министръ нашъ единъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца. Аминь. Молись объ А. А. Аракчеевѣ. Онъ явился рабъ Божій за св. церковь и вѣру, яко Георгій побѣдоносецъ. Спаси его Господь!“ Въ запискахъ своихъ онъ тоже записалъ, что церковь съ этого времени „освободилась отъ плѣна мірской власти“. Послѣдствія впрочемъ скоро показали, что радость и торжество людей церкви были преждевременны.

На мѣсто Голицына опредѣленъ былъ А. С. Шишковъ, но сталъ министромъ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ только иностранныхъ исповѣданій; православная часть министерства была попрежнему отдѣлена и отошла въ самостоятельномъ видѣ къ оберъ-прокурору св. Синода кн. Мещерскому. Президентомъ Библейскаго общества назначенъ м. Серафимъ, говорившій съ торжествомъ: „Библію будемъ печатать опять только при Синодѣ“. Поповъ былъ отставленъ отъ должности секретаря общества, Тургеневъ самъ отказался отъ этой должности. Магницкій поспѣшилъ даже совсѣмъ выйти изъ членовъ общества, такъ какъ вполнѣ убѣдился, что дни этого общества уже сочтены; привязавшись къ неисправностямъ изданнаго

обществомъ персидскаго перевода Новаго Завѣта, онъ письменно заявилъ президенту митрополиту, что совѣсть зазираетъ ему быть участникомъ въ богопротивныхъ дѣйствіяхъ общества, и просилъ увольненія изъ членовъ. На этотъ разъ онъ очевидно не много даже пересолилъ свое усердіе къ новымъ сильнымъ людямъ администраціи; обиженный его письмомъ, библейскій комитетъ доложилъ объ его просьбѣ высочайшему покровителю общества и государь повелѣлъ объявить Магницкому строгое замѣчаніе, такъ какъ, если бы онъ и не желалъ участвовать въ трудахъ сего общества, то могъ бы изъявить сіе просто и вѣжливо.

Министерство Шишкова оказалось не легче Голицынскаго по строгости, съ какою налегло на русскую науку и литературу, и получило отъ Карамзина названіе „министерства затменія". Новый министръ выступилъ на свое поприще подъ знаменемъ православія и народности самымъ ярымъ борцомъ противъ всякихъ духовъ неправовѣрія и мистицизма, занесенныхъ съ нечестиваго запада при Голицынѣ, и пуще всего противъ Библейскаго общества, которое считалъ главнымъ ихъ гнѣздомъ. Первое засѣданіе этого общества въ концѣ мая 1824 г., на которомъ объявлено было о назначеніи въ председатели м. Серафима и прочитано письмо Магницкаго, было вмѣстѣ и послѣднее. Послѣ этого дѣятельность общества совсѣмъ ослабѣла и комитетъ его вовсе пересталъ заявлять о своемъ существованіи, потому что и министръ и предсѣдатель явно вели дѣло къ тому, чтобы совсѣмъ порушить все это Голицынское произведеніе. Съ осени того же года Шишковъ въ согласіи съ митрополитомъ началъ уже прямо осаждать государя представленіями о закрытіи общества и при этомъ разражался противъ послѣдняго всѣми возможными обвиненіями и ругательствами, которыя далеко превосходили по рѣзкости все, что недавно писалъ

объ немъ Магницкій и за что получилъ высочайшій выговоръ.

Къ самому лучшему плоду дѣятельности библейцевъ, къ переводу св. Писанія на русскій языкъ патріотъ-адмиралъ имѣлъ слабость приложить изобрѣтенную имъ теорію стараго и новаго слога. Называя русскій языкъ простонароднымъ, языкомъ черни, романовъ и театра, онъ горячо доказывалъ, что св. предметы вѣры могутъ быть выражаемы только на языкѣ славянскомъ и что переводъ св. книгъ на русскій языкъ есть не что иное, какъ возмутительная ихъ профанація. Это бы еще ничего, потому что безъ привычки многіе, даже такіе люди, какъ Сперанскій, признававшій всю благотворность русскаго перевода св. книгъ, не легко мирились съ нимъ, считая его во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе славянскаго. Шишковъ въ своемъ нападеніи на Библейское общество пошелъ еще далѣе; воспользовавшись несчастною связью его съ масонами, мистиками и всякими сектами, въ своихъ представленіяхъ императору онъ старался совершенно слить интересы библейцевъ съ интересами сектантской мистической пропаганды, причемъ устраненіе св. Синода отъ библейскихъ изданій подъ его перомъ получало особенно ненавистный и опасный смыслъ; затѣмъ, продолжая еще болѣе усиливать свои инсинуаціи, припутывалъ общество къ замысламъ и дѣйствіямъ даже чисто политическихъ тайныхъ обществъ, которыя усиливались тогда въ имперіи и приводили правительство въ безпокойство, и такимъ образомъ представлялъ его, какъ общество не только противурелигіозное, но также и противуправительственное, революціонное, угрожающее бѣдами и церкви и государству пуще труса, потопа и всякаго непріятельскаго нашествія. На счетъ его было поставлено между прочимъ и вольнодумство недавно отданныхъ подъ судъ профессоровъ, хотя ихъ судили именно члены самого Библейскаго общества. Наконецъ его же вліянію приписаны были да-

же размножившіеся тогда въ Петербургѣ случаи воровства, грабежа и убійствъ. Молчаніе, какимъ встрѣчалъ эти представленія государь, который при широтѣ своего взгляда на вещи не могъ не видѣть всей ихъ несостоятельности, только еще болѣе подзадоривало министра и вызывало съ его стороны новыя обвиненія противъ общества, въ которыхъ онъ соединялъ въ одну устрашающую картину самыя несоединимыя вещи, совершенно также, какъ до него это дѣлали сами библейцы противъ людей нераздѣлявшихъ ихъ мнѣній, и, что всего хуже, смѣшивалъ съ Библейскимъ обществомъ самое дѣло библейское, дѣло высокое, святое и спасительное.

Къ сожалѣнію такое же смѣшеніе библейскаго дѣла съ Библейскимъ обществомъ допускалъ и самъ митрополитъ, по неясности своихъ мыслей объ этомъ предметѣ вполнѣ подчинявшійся страстнымъ внушеніямъ министра и во всемъ ему вѣрившій. Представленія Шишкова онъ рѣшился поддержать предъ государемъ двумя собственными представленіями о томъ же предметѣ. 11 декабря онъ представлялъ о размноженіи въ Россіи духовныхъ сектъ, о вредѣ всеобщаго обращенія Библіи, о союзѣ Библейскаго общества съ мистическими лжеученіями и необходимости закрыть его; ссылаясь на свои старческія немощи, онъ между прочимъ просилъ вызвать на помощь ему въ члены Синода м. Евгенія, на котораго много надѣялся и Шишковъ. Другое представленіе было еще рѣшительнѣе; онъ уже прямо заявлялъ здѣсь, что по совѣсти своей не можетъ соединять въ своемъ лицѣ санъ первенствующаго члена Синода съ предсѣдательствомъ въ Библейскомъ обществѣ, въ дѣйствіяхъ коего видитъ нарушеніе самыхъ священныхъ обязанностей покорности церкви и преданности государю. Въ февралѣ слѣдующаго года м. Евгеній былъ дѣйствительно вызванъ въ Петербургъ, а ненравившіеся Фотію и Шишкову Димитрій кишеневскій и Іона тверской устранены изъ Синода. Но общество все-таки не было закрыто.

Государь устоялъ въ своемъ покровительствѣ библейскому дѣлу; Шишковъ замѣтилъ даже, что Александръ сталъ съ нимъ какъ будто холоднѣе и молчаливѣе. Положеніе Александра было довольно трудное. Онъ вовсе не желалъ закрытія общества, къ дѣятельности котораго еще такъ недавно изъявляли свое сочувствіе вся Россія и онъ самъ, но съ другой стороны ему не хотѣлось обидѣть и ревностнаго патріота министра, который очевидно хваталъ черезъ край, но котораго нельзя было заподозрить въ неблагонамѣренности, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ нимъ пришлось бы обидѣть другаго вѣрнаго человѣка, Аракчеева, и самого митрополита. Онъ сталъ выжидать время, когда крайнія мнѣнія сгладятся сами собою, сведутся въ золотую середину, выслушивалъ терпѣливо докучливыя представленія старцевъ ревнителей, но въ то же время не ослаблялъ своего сердечнаго довѣрія къ Голицыну, остававшемуся въ прежнемъ къ нему приближеніи. Ревнители сердились на него за такую опасную въ ихъ глазахъ двойственность поведенія, но она тѣмъ не менѣе была тогда очень полезна для русскаго общества, спасая его отъ новыхъ лишнихъ переворотовъ, къ какимъ оно такъ удобопреклонно по своимъ постояннымъ крайнимъ увлеченіямъ то въ ту, то въ другую сторону. Закрытіе Библейскаго общества послѣдовало уже по кончинѣ Александра въ 1826 г. по новымъ представленіямъ м. Серафима и Евгенія.

Подводя итогъ ко всей исторіи его существованія и пораженный страннымъ смѣшеніемъ въ тогдашнихъ умахъ самого общества съ библейскимъ дѣломъ, Стурдза записалъ въ своихъ запискахъ: „Сперва пересадили изъ-за границы на нашу почву протестантское учрежденіе, объявили оное независящимъ отъ церкви, пустились безъ разбора печатать новыя изданія и переводы Библіи, мимо надзора и власти іерарховъ, запретили въ нихъ всякое толкованіе св. текста... Потомъ туча нашла: громы ударили въ Россійское Библейское общество, а съ нимъ прекратились дешевыя изданія вет-

хаго и новаго завѣта на пользу и утѣшеніе вѣрующихъ; какъ будто библейское дѣло подъ непосредственнымъ вліяніемъ Синода перестало быть дѣломъ Божіимъ за то только, что общество, имъ занимавшееся, попало въ немилость! Разбили сосудъ и вмѣстѣ пролили безсмысленно хранившееся въ немъ драгоцѣнное муро. Право не знаю: до какихъ поръ суждено намъ младенчествовать разумомъ и мгновенно переходить отъ одной крайности въ другую ко вреду Россіи православной!“

Вмѣстѣ съ гоненіемъ на Библейское общество началось преслѣдованіе мистическихъ книгъ, такъ или иначе связанныхъ съ издательскою дѣятельностію его членовъ. По министерству просвѣщенія разосланы распоряженія отбирать изъ библіотекъ учебныхъ заведеній всякія книги религіозно-нравственнаго содержанія, содержащія что либо противное вѣрѣ и благонравію и напечатанныя безъ духовной цензуры, и хранить за печатями до особаго предписанія. Св. Синодъ разослалъ такія же распоряженія по духовному вѣдомству. Распоряженія эти исполнялись такъ ревностно, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, гдѣ исполнители старались особенно выставить свое усердіе, подъ запрещеніе попадали самыя невинныя книги, напр. въ тобольской епархіи—Черты дѣятельнаго ученія вѣры I. Кочетова, Слова Бурдалу, Записки Манштейна и др. Въ 1825 г. при петербургской академіи для разсмотрѣнія заподозрѣнныхъ книгъ учрежденъ былъ временный комитетъ изъ 12 образованнѣйшихъ и довѣреннѣйшихъ духовныхъ лицъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Дѣло о книгахъ впрочемъ тоже не кончилось при Александрѣ, какъ и дѣло о закрытіи Библейскаго общества, перешло въ слѣдующее царствованіе и замялось какъ-то само собой уже въ 1840-хъ годахъ. Между тѣмъ другія книги, которыя подверглись гоненію прежде при Голицынѣ, какъ книга О должностяхъ человѣка и гражданина и Бесѣда на гробѣ младенца Станевича,

снова явились изъ-подъ спуда; послѣдняя была вновь напечатана даже съ высочайшаго дозволенія.

Гоненіе новаго министра на все Голицынское, какъ видимъ изъ факта удаленія изъ Синода Димитрія, Іоны и Филарета, касалось и личностей нашихъ іерарховъ. Архіепископъ московскій, какъ самый близкій къ Голицыну изъ архіереевъ, возбудилъ къ себѣ особенное нерасположеніе Шишкова. Замѣчательно, что въ томъ же 1823 г., когда онъ былъ уволенъ въ свою епархію, государь оказалъ ему съ своей стороны особенную благорасположенность и довѣріе, сдѣлавъ его вмѣстѣ съ самыми довѣренными своими лицами, Голицынымъ и Аракчеевымъ, хранителемъ великой государственной тайны о наслѣдіи престола в. кн. Николаемъ Павловичемъ и поручилъ ему написать самый манифестъ о томъ, который долженъ былъ храниться до кончины императора въ Успенскомъ соборѣ.

Въ 1824 г. Шишковъ сильно разсердился на Филарета за то, что онъ продолжалъ печатать въ московскихъ вѣдомостяхъ извѣстія о дѣйствіяхъ московскаго библейскаго комитета, якобы „не зная о расположеніяхъ“ министра, вслѣдствіе которыхъ петербургскій комитетъ давно уже замолчалъ. Осенью этого года викарій Серафима Григорій Постниковъ ревельскій писалъ Филарету, что въ Петербургѣ критикуютъ его краткій катихизисъ;—это было уже прямое нападеніе на московскаго архіепископа. Шишкову особенно не нравилось въ этомъ Катихизисѣ то, что тексты св. Писанія приводились въ немъ на русскомъ языкѣ. Склонивъ на свою сторону Аракчеева, онъ обратился къ митрополиту съ требованіемъ, чтобы Катихизисъ этотъ былъ совсѣмъ изъятъ изъ употребленія при обученіи молодаго поколѣнія закону Божію. Митрополитъ почелъ своимъ долгомъ заступиться за Филарета и долго спорилъ съ обоими генералами, но они на этотъ разъ рѣшились непоколебимо защищать православную церковь противъ ея

архипастырей и разгорячились до того, что, какъ писалъ самъ Шишковъ въ своихъ запискахъ, „едва удерживались въ предѣлахъ должнаго его сану уваженія“. 21 ноября министръ съ высочайшаго соизволенія формально потребовалъ отъ св. Синода, чтобы „Катихизисы и полный и краткій, въ которыхъ молитвы Вѣрую во единаго Бога и Отче нашъ, и заповѣди Господни, переложенныя на простонародное нарѣчіе, печатаніемъ и разсылкою пріостановить“ до высочайшаго разрѣшенія. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ собирался было еще завинить московскаго архіепископа за проповѣдь на день Благовѣщенія, въ которой увидѣлъ ересь въ мысли, что Іосифъ до явленія ему ангела не вѣдалъ тайны зачатія Сына Божія, но, должно быть, кому-то удалось переспорить упрямаго старика, потому что этотъ новый скандалъ не разыгрался. Около того же времени запрещенію подверглись и Филаретовы Записки на книгу Бытія, въ которыхъ тексты тоже были переведены порусски.

Филаретъ глубоко былъ возмущенъ этими нападеніями, особенно нападеніемъ на его Катихизисъ, введенный недавно во всѣ учебныя заведенія, и написалъ м. Серафиму сильное письмо, въ которомъ доказывалъ, что православіе заподозрѣннаго теперь Катихизиса было торжественно засвидѣтельствовано самимъ св. Синодомъ, что поэтому сомнѣніе въ этомъ православіи можетъ положить тѣнь на православіе самого Синода и потрясти іерархію до основанія. При всей своей сдержанности онъ не утерпѣлъ, чтобы не задѣть самаго богословствованія ополчившихся на него генераловъ: „Въ отношеніи г. министра народнаго просвѣщенія символъ вѣры названъ не символомъ или исповѣданіемъ вѣры, но молитвою. Не знаю, кому приписать должно обнаруженное здѣсь столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ. И съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи вземлютъ себѣ судъ надъ св. Синодомъ. Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, церковь!“ Одинъ изъ его друзей, Фила-

ретъ Амфитеатровъ калужскій, опасаясь за его взволнованное состояніе, почелъ нужнымъ успокоить его письмомъ, прося его „поберечь себя для церкви“ и утѣшая тѣмъ, что „Господь скоро прогонитъ мракъ и изведетъ истину на свѣтъ,—не вѣдятъ бо, что творятъ“. М. Серафимъ съ своей стороны писалъ ему, что Синодъ нисколько не сомнѣвается въ его православіи и чтобы онъ вооружился терпѣніемъ, которое не посрамитъ и обогатитъ его нужною для жизни опытностію. Утѣшенія въ этомъ конечно было не много, но терпѣть все-таки было нужно.... Нельзя не упомянуть, что въ то время, какъ униженъ былъ такимъ образомъ Филаретъ, архим. Фотій „за труды и подвиги для блага святой нашей церкви, воюемой злохищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями исчадій ада“, по ходатайству м. Серафима и Аракчеева, былъ награжденъ отъ государя драгоцѣнной панагіей;— совпаденіе фактовъ очень выразительное для характеристики времени.

V.

Епархіальная администрація. Устройство грузинской церкви. Распоряженія, относившіяся къ составу епархіальнаго управленія. Новыя постановленія относительно бракоразводныхъ дѣлъ. Заботы о церковномъ благочиніи. Отобраніе отъ церквей экономическихъ суммъ и свѣчнаго дохода. Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Въ епархіальномъ дѣленіи русской церкви особенно важныхъ перемѣнъ не было за все время царствованія Александра I. Не смотря на значительныя территоріальныя пріобрѣтенія Россіи въ это время, число епархій увеличилось только одною вновь учрежденною епархіею—кишеневскою въ 1813 г. Епархіи недавно присоединенной къ Россіи Грузіи, представлявшія доселѣ картину разныхъ неустройствъ, подверглись въ это царствованіе значительному преобразованію.

Грузинская церковь первоначально дѣлилась на двѣ части,—восточную и западную, подъ главнымъ управленіемъ двоихъ католикосовъ, одного въ Грузіи (въ Тифлисѣ), другаго въ Имеретіи и Мингреліи (въ Кутайсѣ); потомъ съ 1795 г. ею управлялъ одинъ католикосъ Антоній II, сынъ предпослѣдняго царя Карталиніи и Кахетіи Ираклія, числившійся членомъ св. Синода. Въ 1809 г. онъ былъ уволенъ отъ управленія, вмѣсто сана католикоса учрежденъ санъ экзарха Грузіи и Имеретіи, соединенный съ званіемъ члена св. Синода, каковой въ 1811 г. и получилъ засѣдавшій доселѣ въ Синодѣ грузинскій архіерей Варлаамъ изъ рода князей Эристовыхъ. Для епархіальнаго управленія при немъ учреждена была дикастерія, преобразованная въ 1814 г. въ грузино-имеретинскую контору св. Синода, съ правами московской синодальной конторы, подъ предсѣдательствомъ экзарха. Въ 1817 г. Варлаамъ снова былъ вызванъ въ Петербургъ для засѣданія въ св. Синодѣ, а экзархомъ вмѣсто него назначенъ рязанскій архіепископъ Ѳеофилактъ Русановъ, оставившій послѣ себя память дѣятельнаго устроителя грузинской церкви, по крайней мѣрѣ въ собственной епархіи, введены штаты приходскихъ церквей и открыта для образованія тамошняго крайне невѣжественнаго духовенства семинарія (пока до риторическаго класса, при его преемникѣ Іонѣ Васильевскомъ доведена до философіи) и 4 училища. Ему же пришлось вводить болѣе правильное дѣленіе епархій по всему своему экзархату. До 1811 г. всѣхъ епархій здѣсь считалось до 13; онѣ были очень небольшія, съ нетвердо намѣченными границами и не устроенныя; съ того же времени число ихъ положено сократить до 4: карталинская и кахетинская (епархія экзарха съ горійскимъ викаріатствомъ), имеретинская, мингрельская и гурійская; положеніе это приводилось въ исполненіе не скоро и большею частію уже въ 1818 г. Полное устройство края въ церковномъ отношеніи при импер.

Александрѣ такъ впрочемъ и не было закончено вслѣдствіе внутреннихъ безпорядковъ, внѣшнихъ нападеній отъ сосѣдей и сопротивленія самихъ мѣстныхъ архіереевъ, гордившихся своимъ княжескимъ или даже царскимъ происхожденіемъ и не желавшимъ подчиняться никакой правильной церковной организаціи.

Личный составъ епархіальнаго управленія теперь былъ уже повсюду одинаковъ, не исключая южнорусскихъ епархій, гдѣ почти до конца правленія Екатерины II старое устройство освященныхъ консисторовъ все еще боролось съ новымъ устройствомъ духовныхъ консисторій и старыя протопопіи никакъ не хотѣли уступать своихъ мѣстъ новымъ духовнымъ правленіямъ и благочиніямъ. Усиленіе оберъ-прокурорской власти въ высшей церковной администраціи не могло не отразиться на положеніи консисторскихъ секретарей. Такъ, еще оберъ-прокуроръ Яковлевъ замѣтилъ, что зависимость послѣднихъ отъ архіереевъ не соотвѣтствуетъ самому главному ихъ назначенію, аналогичному съ назначеніемъ при Синодѣ оберъ-прокурора, быть блюстителями законности въ распоряженіяхъ епархіальной власти, не смотря на то, что еще при Екатеринѣ II было издано постановленіе о назначеніи и смѣнѣ ихъ самимъ св. Синодомъ. Онъ предложилъ новый способъ контроля надъ епархіальнымъ управленіемъ, который состоялъ въ томъ, чтобы, кромѣ секретарей, опредѣлить въ консисторіи еще особыхъ прокуроровъ, совершенно не зависимыхъ отъ архіереевъ и подчиненныхъ одному оберъ-прокурору. Государь совсѣмъ уже утвердилъ его докладъ, какъ противъ такой реформы возсталъ м. Амвросій, представившій съ своей стороны государю чрезъ Трощинскаго докладъ объ отмѣнѣ ея, такъ какъ она ставитъ всѣхъ архіереевъ въ зависимость отъ чисто свѣтскихъ чиновниковъ и колеблетъ епископскую власть. Кромѣ архіереевъ, едва ли могло быть довольно новымъ изобрѣтеніемъ Яковлева само епархіальное духовенство, которому за глаза

было довольно и тѣхъ чиновниковъ, какіе находились на его плечахъ въ наличности. Распоряженіе, уже подписанное государемъ, было снова имъ отмѣнено; но уже утвердившійся порядокъ назначенія и смѣны консисторскихъ секретарей властію самого св. Синода былъ удержанъ во всей силѣ, не смотря на то, что въ томъ же 1803 г., когда явился докладъ Яковлева, свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ по губерніямъ предоставлено было опредѣлять себѣ секретарей съ утвержденія только мѣстныхъ губернаторовъ. „Мы было по указу надѣялись, писалъ м. Амвросію м. Платонъ, что насъ не поставятъ хуже губернаторовъ, но теперь вышелъ другой указъ для насъ исключительный.... Примѣтно очень, что желается, подчинивъ во всемъ секретарей, подчинить себѣ чрезъ нихъ и консисторію и правленіе все. Видно, что едва ли не находить одного утѣшенія въ терпѣніи. Сей нашъ характеръ, сія кавалерія, крестъ“. Почтенный старецъ не дожилъ до временъ еще болѣе тяжкихъ для архіереевъ, когда надъ ними сталъ господствовать Тургеневскій департаментъ двойнаго министерства и когда самъ св. Синодъ со всѣми своими членами и оберъ-прокуроромъ былъ подчиненъ тому же министерству.

Относительно характера внутренняго управленія епархій продолжали издаваться тѣ же указы, какіе появились со времени Екатерины Великой, чтобы духовныя начальства обращались съ духовенствомъ „съ благоразумною кротостію и умѣренно, сообразно духовному чину и нравственному ихъ состоянію“. Но въ то же время повсюду уничтожалось выборное начало въ епархіальной администраціи, не исключая Малороссіи, гдѣ все еще хранилась память объ немъ въ выборѣ благочинныхъ. Въ 1805 г. самъ св. Синодъ почелъ за нужное сдѣлать въ этомъ отношеніи для малороссійскихъ епархій исключеніе, дозволивъ тамошнему духовенству выбирать благочинныхъ „по примѣру, какъ избираются дворянскіе, купеческіе и мѣщанскіе чиновники“. Но въ 1820 г., по поводу нѣкоторыхъ пьяныхъ скандаловъ между духовенствомъ

въ вологодской, псковской, ярославской и костромской епархіяхъ, вышло высочайшее распоряженіе, по которому для усиленія надзора надъ духовенствомъ назначеніе благочинныхъ предоставлялось повсюду уже самимъ архіереямъ, поелику „благочинные суть окомъ архіереевъ во всѣхъ дѣлахъ, касающихся церковнаго надзора“. Черезъ 5 лѣтъ послѣ этого до государя въ бытность его въ Москвѣ дошло сильно взволновавшее его извѣстіе о скоропостижной смерти одного пріѣзжаго дьякона отъ пьянства, и вопросъ объ усиленіи благочинническаго надзора поднялся снова. М. Евгенію поручено было составить объ этомъ предметѣ нужныя соображенія. Знаменитый іерархъ не нашелъ для этой цѣли лучшаго средства, какъ обратиться при назначеніи благочинныхъ снова къ возстановленію выборнаго начала, которое даже и ввелъ уже въ своей кіевской епархіи. Но послѣдовавшая вскорѣ кончина императора оставила проектъ Евгенія безъ исполненія, послѣдующее же царствованіе было неблагопріятно для развитія всякихъ вообще выборовъ и самоуправленія.

Въ самомъ началѣ 1805 г. вышелъ указъ, ограничивавшій полномочія епархіальной власти въ дѣлахъ бракоразводныхъ, которыя прежде подлежали ея окончательному рѣшенію: велѣно было расторженіе браковъ допускать только „въ нестерпимыхъ и ясно доказанныхъ случаяхъ“, но не приводить консисторскихъ о томъ рѣшеній въ исполненіе на мѣстѣ, а вносить на разсмотрѣніе въ св. Синодъ и дѣйствовать по нимъ не иначе, какъ съ его утвержденія. Указъ этотъ очевидно направленъ былъ противъ легкости и крайняго умноженія разводовъ, унаслѣдованнаго отъ легкомысленнаго XVIII вѣка. Съ тою же цѣлію стали выводиться изъ практики бракоразводныхъ процессовъ разводы супруговъ по болѣзненному состоянію одного изъ нихъ или неспособности къ брачному сожитію, обнаружившимся уже послѣ вступленія въ бракъ. Въ воспоминаніяхъ м. Филарета разсказывается, что въ 1811 г. (нужно 1810 г.) въ

составляемое Сперанскимъ Уложеніе вошла было мысль о предоставленіи права расторгать браки, какъ акты гражданскіе, одной свѣтской власти вопреки прямому слову евангельскому: „Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ“, но что такое узаконеніе было оспорено и отвращено въ комитетѣ министровъ кн. Голицынымъ, который доказывалъ съ своей стороны, что глава о бракѣ должна быть даже вовсе выкинута изъ гражданскаго Уложенія, какъ не относящаяся къ гражданскому суду, за исключеніемъ немногихъ гражданскихъ пунктовъ ея, какъ-то о послѣдствіяхъ брака для дѣтей. По его представленію бракоразводные процессы были даже еще болѣе стѣснены въ консисторіяхъ новымъ строгимъ постановленіемъ 28 іюня того же года, чтобы впредь при разсмотрѣніи бракоразводныхъ дѣлъ по прелюбодѣянію консисторіи утверждали свои рѣшенія не на простомъ токмо признаніи показывающаго себя виновнымъ (прежде считалось неоспоримымъ въ этихъ случаяхъ руководственное правило: „собственное признаніе есть лучшее свидѣтельство всего свѣта“), но независимо отъ того брали бы къ соображенію и прочія обстоятельства, ведущія къ раскрытію истины, такъ чтобы признаніе виновнаго послѣ обслѣдованія происшествія было, такъ сказать, довершеніемъ и печатію достовѣрности происшествія. Съ этого времени главнымъ доказательствомъ въ дѣлахъ этого рода стало служить только „поличное“, т. е. свидѣтельство очевидцевъ прелюбодѣйства. Въ 1822 году, по случаю новыхъ работъ надъ Уложеніемъ, вопросъ о гражданскомъ характерѣ брака возникъ снова вслѣдствіе новыхъ изъясненій, поданныхъ Сперанскимъ относительно прежняго своего мнѣнія, и снова рѣшенъ былъ согласно съ представленіемъ Голицына.

Въ практикѣ епархіальныхъ властей существовало еще разлученіе несогласныхъ между собою супруговъ безъ расторженія самого брака, при присужденіи котораго дѣлались обыкновенно ссылки на 102

прав. Кареагенскаго собора. Разлученіе такого рода посредствомъ выдачи видовъ на отдѣльное жительство производилось иногда и полиціей или управой благочинія, которая вѣдала ссоры между супругами. Въ 1819 г., ревнуя о сохраненіи твердости брачныхъ союзовъ, государственный совѣтъ запретилъ всѣмъ мѣстамъ и лицамъ гражданскаго управленія утверждать какіе бы то ни было акты и обязательства, относящіяся къ отстраненію супруговъ отъ совмѣстнаго жительства и напоминающія собою запрещенныя законами распустныя книги, такъ какъ допущеніе подобныхъ между супругами актовъ со стороны гражданскаго правительства не къ чему иному послужило бы, какъ токмо къ облегченію своевольныхъ разлученій супруговъ, которые въ случаѣ малѣйшаго несходства нравовъ, не имѣя достаточныхъ причинъ къ формальному разводу, въ первомъ пылу случившагося между ними раздора, не упустили бы прибѣгать къ сему способу, весьма предосудительному чистотѣ нравовъ и вредному въ своихъ послѣдствіяхъ.

Религіозное направленіе царствованія выразилось между прочимъ въ разсылкѣ по епархіямъ нѣсколькихъ распоряженій правительства о наблюденіи церковнаго благолѣпія и благочинія. Съ начала царствованія распоряженія этого рода носили, такъ сказать, религіозно-эстетическій характеръ, такъ согласный съ характеромъ поэтической личности молодаго государя. Разъѣзжая по разнымъ мѣстамъ Россіи и вездѣ оказывая вниманіе къ церковной обрядности, онъ непріятно поражался отсутствіемъ благообразія въ богослуженіи, особенно въ сельскихъ церквахъ, безобразнымъ пѣніемъ дьячковъ и постороннихъ неумѣлыхъ любителей по разнымъ, иногда невообразимымъ напѣвамъ, и неблагочиннымъ поведеніемъ присутствовавшей при богослуженіи публики. Вслѣдствіе этого въ 1804 г. онъ выразилъ желаніе, чтобы въ церквахъ вводимо было пѣніе простое, но благопристойное, чтобы для обученія такому пѣнію всѣхъ церков-

никовъ епархіальныя начальства вызывали ихъ поочередно по нѣскольку человѣкъ въ города и по надлежащемъ обученіи снова отсылали на мѣста съ обязательствомъ обучать тому же искусству и другихъ одноприходныхъ и сосѣднихъ своихъ товарищей. Св. Синодъ съ своей стороны разослалъ по епархіямъ указы, чтобы причетники отправляли въ церквахъ пѣніе по напѣвамъ, изданнымъ въ нотныхъ книгахъ, чтобы посторонніе пѣвцы допускались на клиросъ только съ согласія причта и только имѣющіе довольное искусство въ церковномъ пѣніи, чтобы предъ праздниками сами священно-и-церковно-служители дѣлали до службы предварительныя спѣвки, пѣвческіе хоры, гдѣ таковые имѣются, пѣли благопристойно, не дѣлая отнюдь безчиннаго вопля; положено такъ же обучать нотному пѣнію по новымъ напѣвамъ въ духовныхъ школахъ. Распоряженія эти имѣли значительное вліяніе на постепенное улучшеніе церковнаго пѣнія даже въ отдаленныхъ епархіяхъ. Въ исправленіи церковнаго пѣнія при Александрѣ много потрудился директоръ придворной капеллы, извѣстный композиторъ 45 концертовъ, 8 херувимскихъ, 8 тріо и болѣе 50 др. церковныхъ музыкальныхъ произведеній, Бортнянскій († 1825), старавшійся исправлять въ мотивахъ партеснаго пѣнія искаженія на иностранный ладъ, какія введены были въ него въ прежнее время разными Сарти, Галуппи и др. извѣстными и неизвѣстными композиторами. Въ 1815 г. партесное пѣніе по рукописнымъ нотамъ было запрещено во всѣхъ церквахъ и велѣно пѣть по однимъ печатнымъ, одобреннымъ директоромъ придворной капеллы. При императорѣ же Александрѣ началъ свою церковно-музыкальную дѣятельность другой знаменитый композиторъ дух. піэсъ, который пошелъ еще далѣе въ сближеніи партеснаго пѣнія съ древними церковными мотивами, П. И. Турчаниновъ, регентъ (съ 1809 г.) митрополичьяго хора, потомъ (1814) придворный протоіерей при стрѣльнинской церкви.

Въ томъ же 1804 г., когда началось дѣло о церковномъ пѣніи, св. Синодъ, тоже по желанію государя, издалъ указъ, которымъ духовенству велѣно было наблюдать, чтобы міряне стояли въ церквахъ, какъ благопристойность и святость служенія требуетъ, стараться о сохраненіи порядка при всѣхъ священныхъ дѣйствіяхъ, особливо во время свадебъ, внушать приходящимъ, чтобы не стѣсняли мѣста священнодѣйствія, не разговаривали и не переходили съ мѣста на мѣсто, упрямыхъ же приводить къ порядку чрезъ полицію, да и самимъ членамъ причта держаться какъ при служеніи, такъ и при крестныхъ ходахъ и другихъ церковныхъ процессіяхъ благоговѣйно и пристойно подъ опасеніемъ строгаго осужденія; для удобства священнослужителей и лучшаго благочинія мірянамъ не велѣно занимать при богослуженіи алтарь, гдѣ любили стоять болѣе видные прихожане, и солею, такъ какъ стоящіе на ней особенно въ большомъ количествѣ заслоняли собою иконостасъ и мѣшали проходу дьяконовъ и причетниковъ; въ слѣдующемъ году въ предотвращеніе этого безпорядка св. Синодъ рекомендовалъ ограждать въ церквахъ мѣста предъ иконостасомъ рѣшетками. Въ 1816 г. вышло высочайшее подтвержденіе указовъ о соблюденіи въ церквахъ порядка и тишины, отличавшееся особенною строгостію,—въ новомъ указѣ говорилось, что государь считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ преступленій нарушеніе обязанностей богопочитанія и вѣроисповѣданія, а потому предписывалось при малѣйшемъ отступленіи отъ правилъ, которыя должны наблюдаться въ церквахъ, отсылать виновныхъ къ уголовному суду, не взирая ни на какое лице, и судить безъ послабленія, чтобы каждый получилъ достойное по законамъ наказаніе. Послѣ этого и еще другаго 1817 г. указовъ за нарушеніе церковнаго благочинія и проступки въ церквахъ уголовному суду нѣкоторое время (до 1821 г.) подлежали даже и лица духовныя, такъ что за епархіальною властію въ этихъ случаяхъ оставалось только право первоначальнаго изслѣдованія

о подлежащемъ суду происшествіи, какъ въ случаяхъ тяжкихъ уголовныхъ и государственныхъ преступленій духовныхъ лицъ. Тогда же принято было „въ страхъ и опасаніе отъ подобныхъ преступленій“ публиковать изъ Синода по епархіямъ печатные листы „о предосудительныхъ, противузаконныхъ и непристойныхъ поступкахъ, учиненныхъ въ разныя времена въ церквахъ во время служенія и послѣ онаго духовными лицами, и какому они за сіе подвергнуты гражданскимъ судомъ наказанію“. Публикаціи эти, въ которыхъ описывались очень скандальные случаи изъ жизни духовенства съ обозначеніемъ именъ виновниковъ, отмѣнены въ 1821 г., такъ какъ никого не исправляли, а между тѣмъ были крайне соблазнительны и вредны для репутаціи духовенства и безъ того не высокой. Нѣсколько разъ такъ же подтверждались давнишнія распоряженія объ исполненіи православными христіанскихъ обязанностей исповѣди и причащенія и о сохраненіи святости воскресныхъ и праздничныхъ дней; губернскимъ начальствамъ между прочимъ поручалось наблюдать, чтобы помѣщики не употребляли въ такіе дни на работу своихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Съ самаго начала реформъ для улучшенія быта духовенства и духовныхъ школъ въ епархіяхъ начались усиленные хлопоты по возбужденнымъ тогда вопросамъ объ экономическихъ суммахъ и свѣчныхъ доходахъ церквей. Церковныя экономическія суммы давно уже обратили на себя вниманіе духовной власти, потому что въ нихъ постоянно вступались прихожане, особенно разныя сильныя лица въ приходахъ въ родѣ помѣщиковъ, считавшихъ самыя церкви своихъ помѣстій какою-то частною своею собственностію, и расходовали эти суммы, хотя на церковныя же надобности, но совершенно произвольно и безконтрольно. Въ 1806 г. выданъ былъ указъ, чтобы свѣтскія лица въ распоряженіе церковною суммою сами собой отнюдь не входили и чтобы эта сумма, какъ собственность церковная, была въ вѣденіи духовнаго начальства и

состояла въ храненіи причтовъ и церковныхъ старостъ. Это распоряженіе было первымъ шагомъ къ централизаціи приходскихъ суммъ, которая была тогда такъ необходима въ виду предпринимавшихся преобразованій по духовному вѣдомству, требовавшихъ огромныхъ расходовъ изъ центральной церковной кассы;—теперь пока еще глухо заявлено было только то, что эти суммы составляютъ достояніе церковное, но не отрицалось право частной принадлежности ихъ той или другой церкви. Потомъ, когда комитетъ 1808 года закончилъ свою преобразовательную работу, вышли новые указы, которыми предписывалось уже отобрать эти суммы отъ всѣхъ церквей въ консисторіи и духовныя правленія для отдачи на храненіе въ кредитныя учрежденія и въ которыхъ уже прямо говорилось, что это дѣлается для приращенія ихъ процентами „на пользу церкви (вообще)". Наконецъ изъ высочайше утвержденнаго доклада комитета дѣло выяснилось окончательно: приходы ясно поняли, что ихъ деньги къ нимъ больше уже не воротятся, что онѣ навсегда переданы въ непосредственное вѣденіе высшей церковной власти для удовлетворенія общихъ нуждъ церкви. Въ то же время для удовлетворенія тѣхъ же нуждъ изъ доходныхъ приходскихъ статей отдѣлена была цѣлая и весьма важная статья,—свѣчной сборъ, количество котораго по имперіи самъ комитетъ исчислялъ въ 3,000,000 руб. на каждый годъ и который по всѣмъ разсчетамъ долженъ былъ возрасти еще до большей цифры вслѣдствіе тогда же предоставленнаго церквамъ исключительнаго права продажи церковныхъ свѣчъ въ розницу и счетомъ.

Приходы встрѣтили эти распоряженія очень непріязненно, видя въ нихъ обидное для себя посягательство высшей церковной власти на экономическую самостоятельность ихъ приходскихъ церквей, и подняли съ своей стороны упрямую оппозицію, стоившую не малыхъ безпокойствъ и св. Синоду и епархіальнымъ властямъ и спутавшую всѣ разсчеты комитета

1808 г. По полученіи указа о высылкѣ церковныхъ денегъ прихожане во многихъ мѣстахъ поскорѣе спѣшили истратить ихъ на покупку колоколовъ, облаченій, ризъ на иконы и т. п. предметовъ, не обращая никакого вниманія на недавній указъ 1806 г., запрещавшій производить такіе расходы безъ вѣдома епархіальной власти, иные даже прямо оказали ослушаніе и взяли церковныя деньги себѣ, какъ это особенно часто имѣло мѣсто въ приходахъ помѣщичьихъ, гдѣ церковныя суммы по мѣстамъ даже и хранились у помѣщиковъ. Св. Синодъ разсчитывалъ на содѣйствіе церковныхъ старостъ и причтовъ и въ этихъ видахъ въ 1808 г. издалъ обширную, доселѣ дѣйствующую, инструкцію церковнымъ старостамъ, въ которой подробно изложены всѣ правила церковно-приходской экономіи и отчетности въ ея приходахъ и расходахъ какъ для самихъ старостъ, такъ и для причтовъ. Но старосты и сами встали за частные же интересы своихъ приходовъ. Причты, въ ожиданіи будущихъ благъ, какія были обѣщаны имъ комитетскимъ проектомъ, сначала принялись было довольно усердно содѣйствовать высшей духовной власти, доносили ей объ утайкѣ церковныхъ суммъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ даже сами вынимали деньги изъ кружекъ для отсылки безъ согласія прихожанъ и старостъ, но потомъ, разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, тоже стали дѣйствовать заодно съ прихожанами. Слѣдствіемъ такого дружнаго противодѣйствія приходовъ было то, что когда въ 1811 г. комиссія дух. училищъ стала сводить представленныя доселѣ экономическія суммы въ одну общую сумму, то вмѣсто ожидаемаго капитала въ 4½ милліона, каковый (за вычетомъ изъ всей ожидавшейся отъ церквей суммы 1,120,000 руб. на устройство дух. школъ) слѣдовало положить для обращенія въ банкъ, оказалось всего 1,223,606 р., т. е. почти вчетверо меньше. Послѣ этого по епархіямъ начались новые хлопоты о сборѣ недоимки, продолжавшіеся при содѣйствіи гражданской власти до

1830-хъ годовъ. Та же исторія повторилась и со свѣчнымъ сборомъ. Въ приходахъ съ нимъ обнаружилось извѣстное экономическое явленіе, имѣвшее мѣсто всегда, когда администрація, свѣтская или духовная—все равно, взимала съ управляемыхъ средства на свои нужды не въ формѣ опредѣленнаго налога, а въ формѣ отписки цѣлыхъ доходныхъ статей изъ частной собственности или въ формѣ отобранія у частныхъ лицъ и учрежденій ихъ многолѣтнихъ сбереженій: свѣчные доходы стали прятаться отъ начальства при содѣйствіи тоже и прихожанъ съ старостами и причтовъ, которымъ естественно было стараться о томъ, чтобы употребленіе доходовъ ихъ церквей было болѣе согласно съ частными нуждами послѣднихъ, тѣмъ болѣе что одни кружечные и кошельковые сборы, изъ которыхъ теперь приходилось производить всѣ расходы по церкви, были очень недостаточны. Дѣйствительный сборъ свѣчнаго дохода, который получала высшая администрація, понизился до $^1/_3$ противъ ожидаемаго; остальныя двѣ трети спрятались, не смотря на всякія шнуровыя книги, учеты и ревизіи.

Всѣ отобранныя отъ церквей суммы, отъ которыхъ духовенство имѣло по всей вѣроятности немалыя выгоды, пошли, какъ извѣстно, на содержаніе однихъ духовныхъ школъ, а само духовенство, кромѣ классныхъ окладовъ по ученымъ степенямъ для очень немногихъ лицъ изъ его среды и извѣстныхъ тоже частныхъ вспоможеній пострадавшимъ отъ непріятельскаго нашествія и другихъ бѣдствій, не получило для себя никакихъ выгодъ отъ всей произведенной въ его пользу финансовой операціи. Всѣ его мечты о постоянныхъ окладахъ жалованья разлетѣлись прахомъ. До 1823 г. высшая администрація какъ будто даже совсѣмъ позабыла объ его нуждахъ. Въ этомъ году, по представленіямъ изъ епархій, кромѣ выдачи духовенству ученыхъ окладовъ, св. Синодъ опредѣлилъ производить изъ духовно-учебнаго капитала еще одну

ежегодную выдачу въ пользу духовенства, именно выдачу пенсіонной суммы въ количествѣ 150,000 р. для пропитанія священно-и-церковнослужителей въ старости по оставленіи ими своего служенія и для призрѣнія ихъ вдовъ и сиротъ, и распорядился для той же цѣли открыть при епархіальныхъ управленіяхъ новыя учрежденія подъ названіемъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія. Высочайше утвержденный уставъ этихъ попечительствъ былъ написанъ Филаретомъ московскимъ.

Въ обширномъ историческомъ введеніи къ этому уставу пересмотрѣны всѣ прежнія средства призрѣнія бѣднаго духовенства, утвержденныя прежними законоположеніями, особенно законоположеніемъ имп. Павла (1799 г.), какъ-то: пенсіи ружнаго духовенства изъ суммъ московской типографіи (съ 1751 г.) и военнаго изъ государственнаго казначейства (съ 1801 г.), обращеніе въ пользу бѣдныхъ вдовъ и сиротъ штрафныхъ денегъ по духовному суду, сборы съ кладбищъ въ городахъ, призрѣніе духовныхъ сиротъ мужескаго пола въ училищныхъ бурсахъ, а женскаго и духовныхъ вдовъ въ архіерейскихъ богадѣльняхъ и монастыряхъ и чрезъ предоставленіе имъ при церквахъ просвирническихъ должностей. Сверхъ этихъ средствъ, признанныхъ въ новомъ положеніи о попечительствахъ недостаточными, положеніе это видимо силилось придумать еще какія нибудь новыя средства для той же цѣли, но, кромѣ мало надежныхъ и притомъ далеко не новыхъ сборовъ доброхотныхъ пожертвованій по книгамъ и кружкамъ, не придумало ничего. Ничего не придумали и архіереи, которыхъ спрашивали изъ Синода о мѣстныхъ епархіальныхъ средствахъ, какія бы можно было обратить въ пособіе бѣдному духовенству. Вслѣдствіе этого главнымъ расходнымъ капиталомъ новыхъ попечительствъ, по крайней мѣрѣ въ описываемое время, только и была вновь ассигнованная сумма во 150,000 р. для всѣхъ епархій, сумма очевидно недостаточная, требовавшая

большихъ ограниченій въ раздачѣ пособій нуждавшимся. Большинству послѣднихъ постарому приходилось кормиться около своихъ тоже не богатыхъ родныхъ и на счетъ церковной службы — отъ зачисленныхъ за ними мѣстъ. Составитель положенія о попечительствахъ сначала очень неодобрительно отнесся къ этимъ послѣднимъ способамъ призрѣнія вдовъ и сиротъ, выставивъ на видъ то, что опредѣленіе на мѣста немощныхъ или умершихъ священнослужителей преимущественно ихъ родственниковъ или постороннихъ, пріемлющихъ на себя обязательства давать вспоможенія ихъ семействамъ, ведетъ къ обремененію такихъ кандидатовъ на мѣста въ матеріальномъ отношеніи, стѣсняетъ свободу самого начальства въ выборѣ достойныхъ кандидатовъ и даетъ наслѣдникамъ поводъ пренебрегать надлежащимъ приготовленіемъ къ ихъ будущему служенію, а предоставленіе сиротамъ церковныхъ мѣстъ для прокормленія изъ доходовъ послѣднихъ заставляетъ держать церковныя вакансіи долгое время незамѣщенными въ ущербъ церковной службѣ, —но потомъ самъ увидалъ, что новыя средства, предложенныя имъ въ положеніи, далеко не могутъ замѣнить старыхъ и по необходимости долженъ былъ оставить послѣднія неприкосновенными, ограничившись только одною ихъ критикой. Въ епархіальной практикѣ ставленническаго дѣлопроизводства разные семейные и родовые счеты при замѣщеніи церковныхъ мѣстъ постоянно ставились на самомъ видномъ мѣстѣ. Тѣ изъ архипастырей, которые отличались особеннымъ къ нимъ вниманіемъ и допускали наиболѣе широкую практику зачисленія церковныхъ мѣстъ за сиротами, пользовались даже особенно лестной репутаціей милостивыхъ отцовъ и утѣшителей вдовъ и сиротъ и сами считали свои дѣйствія вполнѣ нравственными и богоугодными.

Переходя къ изученію состоянія духовенства при импер. Александрѣ, мы прежде всего встрѣчаемся именно съ этими проявленіями наслѣдственности ду-

ховнаго служенія, благодаря которымъ бѣлое духовенство представляло изъ себя не только сословіе, но даже прямо родовую касту.

VI.

Развитіе наслѣдственности церковнаго служенія. — Выходъ изъ духовнаго званія. Права и содержаніе бѣлаго духовенства. Права духовенства монашествующаго. Матеріальныя средства монастырей. Ихъ нравственное состояніе. Отношеніе государя къ монашествующимъ лицамъ. Новые монастыри. Увеличеніе монастырскихъ штатовъ.

Одно изъ самыхъ сильныхъ въ старину препятствій къ развитію наслѣдственности церковныхъ должностей—выборы членовъ приходскаго клира самими прихожанами подверглись запрещенію еще въ предшествовавшее царствованіе и превратились теперь въ скромныя приходскія одобренія кандидатовъ церковной службы, которыя при замѣщеніи церковныхъ вакансій принимались въ разсчетъ единственно по усмотрѣнію епархіальной власти, но сами по себѣ не имѣли никакого значенія. Прихожане, собственно говоря, ничего и не могли свидѣтельствовать о кандидатахъ на свои церковныя мѣста ни съ доброй, ни съ худой стороны, потому что эти кандидаты воспитывались и жили до своей службы не среди нихъ, какъ прежніе кандидаты—воспитанники приходскихъ школъ и членовъ мѣстнаго причта, а являлись къ нимъ со стороны, изъ духовныхъ школъ, были въ приходахъ людьми мало извѣстными или даже совсѣмъ неизвѣстными. Единственное вполнѣ компетентное объ нихъ свидѣтельство могла давать теперь лишь та школа, которая ихъ воспитывала и приготовляла къ искомому ими служенію. Новыя распоряженія администраціи прямо гласили, что воспитанники семинарій при опредѣленіи на церковныя мѣста могутъ обходиться и безъ приходскихъ одобреній и что школьныя аттестаціи должны считаться важнѣйшими документами при ставленническомъ дѣлопроизводствѣ,

обязательными для самихъ архіереевъ. Комиссія дух. училищъ и академическія правленія уполномочивались наблюдать надъ послѣдними, чтобы при замѣщеніи церковныхъ вакансій они не нарушали тѣхъ правъ, какія посвящаемые ими кандидаты пріобрѣли своими успѣхами и поведеніемъ въ школахъ, не ставили на лучшія мѣста худшихъ воспитанниковъ дух. школъ помимо лучшихъ. Сюда же относятся: указъ 1815 г. объ оставленіи безъ дѣйствія рекомендательныхъ писемъ о священно-служителяхъ разныхъ свѣтскихъ особъ, за исключеніемъ писемъ военныхъ начальствъ относительно духовенства при полкахъ, и указы 1820 и 1823 г., по поводу неблагочинныхъ поступковъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, предписывавшіе епархіальнымъ начальствамъ усугубить надзоръ за духовенствомъ, обращать особенное вниманіе на выборъ кандидатовъ священства и приготовлять ихъ къ священному служенію еще съ раннихъ школьныхъ лѣтъ съ помощію внимательнаго надзора надъ ихъ поведеніемъ чрезъ семинарскія начальства. Духовная школа сдѣлалась единственнымъ путемъ къ достиженію церковнаго служенія и служеніе это тѣсными рядами ея воспитанниковъ было совсѣмъ загорожено для всѣхъ постороннихъ людей, не учившихся въ ней, а учились въ ней одни лишь дѣти духовенства, потому что съ новыми уставами она сдѣлалась еще сословнѣе и замкнутѣе прежняго.

Въ прежнее время, когда школьное образованіе еще не успѣло привиться въ духовномъ сословіи и когда множество наслѣдниковъ церковныхъ мѣстъ не хотѣло поступать въ школу, надѣясь получить свое наслѣдіе и безъ нея, она сама служила помѣхой къ развитію наслѣдственности духовнаго служенія и перепутывала иногда самые неоспоримые по видимому разсчеты наслѣдниковъ; но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ число обучившихся въ ней наслѣдниковъ увеличивалось, она все болѣе и болѣе дѣлалась только новой и могущественной поддержкой ихъ наслѣдныхъ

правъ и сословнаго характера церковнаго служенія. При импер. Александрѣ такое значеніе ея достигло, можно сказать, высшей точки своего развитія. Указами 16 іюня 1808 и 27 августа 1814 г. въ духовно-училищное вѣдомство указано зачислять всѣхъ дѣтей духовенства съ 6—8 лѣтъ, такимъ образомъ всѣ дѣти духовенства признаны были чѣмъ-то въ родѣ духовныхъ кантонистовъ и должны были обязательно приготовляться къ священно-и-церковно-служительскимъ должностямъ, послѣ чего духовная школа стала выпускать изъ своихъ стѣнъ такую массу кандидатовъ на церковныя мѣста каждый свой курсъ, что ихъ съ избыткомъ стало хватать не только для священно-служительскихъ, но и церковническихъ мѣстъ; послѣднія занимаемы были обыкновенно учениками, не дошедшими до конца школьнаго курса. При такихъ обстоятельствахъ ни у духовной, ни у свѣтской администраціи не было никакихъ побужденій открывать доступъ къ духовному званію для лицъ посторонних. Св. Синодъ отказывался принимать въ свое духовное вѣдомство даже такихъ постороннихъ людей, которые были прежде духовнаго же вѣдомства, но были выписаны изъ него въ свѣтское по прежнимъ разборамъ духовенства.

Замкнувшись въ самомъ себѣ и не тревожимое никакими сторонними вмѣшательствами въ свои вѣковые обычаи и наслѣдные счеты, родовое сословіе духовенства могло теперь безъ помѣхи продолжать практику этихъ обычаевъ и счетовъ съ однимъ только условіемъ школьнаго образованія для всѣхъ своихъ членовъ, обязательность котораго замѣнила старую такую же общую для нихъ обязательность простой грамотности. Рѣдкое мѣсто при церкви было свободнымъ отъ какихъ нибудь родовыхъ обязательствъ, не было зачислено за какимъ нибудь сиротою, учившимся въ семинаріи, даже за цѣлымъ семействомъ сиротъ, державшихъ на немъ для службы наемныхъ викаріевъ, или не было предоставлено какой нибудь духовной

дѣвицѣ въ приданое. Такъ было наприм. въ московской епархіи, съ которой другія брали примѣръ, при м. Серафимѣ и его преемникѣ, знаменитѣйшемъ изъ московскихъ іерарховъ—Филаретѣ. М. Серафимъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ требовалъ даже, чтобы духовенство не смѣшивалось съ другими сословіями посредствомъ самыхъ браковъ, и въ своихъ резолюціяхъ объ опредѣленіи просителей на свободныя мѣста писалъ, чтобы они вступали въ бракъ непремѣнно съ дѣвицами духовнаго же званія. Кромѣ наслѣдія церковныхъ мѣстъ, въ широкихъ размѣрахъ практиковалась повсюду сдача этихъ мѣстъ дѣтямъ какъ мужескаго, такъ и женскаго пола и всякаго рода родственникамъ духовныхъ лицъ еще при жизни послѣднихъ. Не смотря на неоднократныя запрещенія (особенно 1768 г.) продажи и купли церковныхъ мѣстъ, въ описываемое время цѣликомъ, хотя и неоффиціально, сохранялась даже и эта самая неблаговидная форма владѣльческихъ отношеній духовенства къ своимъ должностямъ при церквахъ. Она издавна основывалась на владѣльческихъ отношеніяхъ священно-и церковно-служителей и ихъ семействъ къ ихъ прицерковнымъ домамъ и домовымъ мѣстамъ. Преемники ихъ при вступленіи въ должность, разумѣется, должны были покупать эти дома у владѣльцевъ обыкновеннымъ порядкомъ по договорной цѣнѣ. Но при этомъ продажа дома и домоваго мѣста съ давнихъ же временъ постоянно перепутывалась съ продажею самой должности при церкви и потому совершалась по цѣнѣ на столько возвышенной противъ дѣйствительной стоимости первыхъ, на сколько это дозволяла степень доходности послѣдней. Еще со времени Петра I правительство стремилось къ тому, чтобы снабдить причты домами церковными и такимъ образомъ устранить самое основаніе продажи церковныхъ мѣстъ, но для этого требовались такія громадныя средства, какихъ не могли дать ни казна, ни приходы, и вопросъ о церковныхъ домахъ не двигался впередъ до 1808 г. Въ

это время за разрѣшеніе его принялся комитетъ объ улучшеніи быта духовенства и для этого выдѣлилъ было изъ проектированнаго тогда церковнаго капитала значительную часть именно для разнаго рода построекъ по духовному вѣдомству, въ томъ числѣ и домовъ для причтовъ. Но на этомъ предположеніи дѣло и кончилось. Когда предположенная комитетомъ реформа была ограничена одними преобразованіями дух. училищъ и весь собранный вновь капиталъ получилъ значеніе капитала спеціально духовно-учебнаго, то и та часть его, которая была выдѣлена изъ него подъ названіемъ капитала строительнаго, тоже стала расходоваться исключительно на постройки и ремонты по духовно-учебному же вѣдомству; за все описываемое время на счетъ его не было выстроено ни одного церковнаго дома. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи въ приходахъ все оставалось постарому и владѣльческія отношенія причтовъ къ своимъ мѣстамъ могли практиковаться на прежнихъ основаніяхъ. Разные кандидаты на церковныя должности и духовныя лица, желавшія пристроить своихъ взрослыхъ дочерей въ замужество за духовныхъ же лицъ безъ сдачи собственныхъ мѣстъ, старались отыскать какихъ нибудь престарѣлыхъ и бездѣтныхъ священнослужителей, которымъ пора уже было выходить въ заштатъ, но при этомъ хотѣлось все-таки не даромъ разстаться съ своими мѣстами, и уговаривали ихъ уступить эти мѣста за извѣстное вознагражденіе въ формѣ или единовременной выдачи извѣстной суммы, или разныхъ повременныхъ платежей и успокоенія ихъ старости до смерти. Дѣлались торги, переторжки и писались письменныя условія, которыя, въ случаѣ снисходительности архіерея къ подобнымъ сдѣлкамъ, предъявлялись епархіальному начальству даже оффиціально. Если архіерей былъ противъ такихъ сдѣлокъ, онѣ прикрывались родствомъ между договорными сторонами, которое уже всегда принималось во внима-

ніе, и торговая сдѣлка о мѣстѣ принимала внѣшнюю форму родственной сдачи мѣста.

Въ предѣлахъ этого замкнутаго круга кандидатовъ на церковную службу и людей, дѣйствительно ее проходившихъ, какъ и въ прежнее время, съ годами естественно накоплялся излишекъ людей, состоявшій изъ лицъ или неспособныхъ къ прохожденію церковной службы по своимъ нравственнымъ и др. качествамъ, или просто не находившихъ на ней вакансій за переполненіемъ всѣхъ мѣстъ. Въ прежнее время средствомъ къ очищенію духовенства отъ такихъ лишнихъ людей служили такъ называемые разборы духовенства, которые влекли за собою насильственную приписку такихъ людей къ податному состоянію или въ солдатство. Въ царствованіе Екатерины II имъ въ первый разъ дозволено было добровольное избраніе рода жизни, но это дозволеніе снова было нарушено во время необыкновенно строгихъ разборовъ при имп. Павлѣ. При имнер. Александрѣ въ 1805 г. оно снова было возстановлено. Безъ разбора не обошлось впрочемъ и кроткое царствованіе Александра: онъ былъ произведенъ въ 1806 г. и простирался преимущественно на церковниковъ, опорочившихъ себя дурнымъ поведеніемъ, и неграмотныхъ безмѣстныхъ дѣтей духовенства свыше 15 лѣтъ, но продолжался всего одинъ годъ и былъ очень легокъ для духовенства. Потомъ разборы не повторялись ни разу. Даже въ тяжкую годину 1812 г. лица духовнаго званія поступали въ ополченіе и въ армію только по доброй волѣ. Относительно церковниковъ и дѣтей духовенства, попавшихъ въ податное состояніе, которыхъ прежде почти постоянно приписывали къ разнымъ владѣльцамъ въ крѣпостную зависимость, въ 1820 г. издано общее распоряженіе, по которому всѣ они освобождались отъ своихъ крѣпостныхъ владѣльцевъ съ зачетомъ за нихъ въ вознагражденіе послѣднимъ рекрутскихъ квитанцій и получали право свободнаго избранія рода жизни. Записка ихъ за владѣльцами вновь пре-

кратилась еще съ 1810 г. на основаніи изданнаго тогда указа (30 апрѣля), запрещавшаго обращать въ крѣпостное состояніе всякихъ свободныхъ людей вообще.

Св. Синодъ и епархіальныя власти съ своей стороны свободно увольняли изъ дух. званія всѣхъ такихъ ненужныхъ для церковной службы людей, но зато всячески старались затруднить и запереть выходъ изъ него для людей болѣе или менѣе нужныхъ. Въ первый годъ царствованія Александра вышло было распоряженіе, открывавшее для всѣхъ воспитанниковъ дух. школъ очень широкую свободу поступленія на разные роды государственной службы съ разрѣшенія одного епархіальнаго начальства, но, какъ невыгодное для духовнаго вѣдомства, дѣйствовало недолго; въ 1803 г. св. Синодъ снова взялъ это дѣло въ свои собственныя руки и запретилъ епархіальной власти увольнять безъ его разрѣшенія для поступленія въ свѣтскую службу даже учениковъ низшихъ классовъ дух. школъ. Правительство согласилось съ такими постановленіями духовной власти и разослало такіе же указы о духовныхъ воспитанникахъ отъ себя по вѣдомствамъ военному, гражданскому и учебному. Даже въ 1812 г., когда семинаристамъ дано было дозволеніе поступать въ народное ополченіе, дозволеніе это было ограничено учениками „не выше риторическаго класса“. Въ 1813 г. было замѣчено, что семинаристы нарочно исключаются изъ семинарій для поступленія на статскую службу, вышло запрещеніе принимать такихъ исключенныхъ на службу во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, не исключая даже дух. консисторій. Черезъ три года это крутое запрещеніе было впрочемъ ограничено, такъ какъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ изъ-за него открылся чувствительный недостатокъ въ кандидатахъ на канцелярскія должности, и въ 1816 г. вмѣстѣ съ кончившими курсъ семинаристами дозволено принимать на гражданскую службу даже кончившихъ курсъ только въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Ду-

ховное начальство, разумѣется, очень было бы радо оставлять у себя всѣхъ такихъ нужныхъ людей, какъ воспитанники, кончившіе полный курсъ семинаріи, но не въ силахъ было дѣлать этого, потому что такіе люди нужны были и на свѣтской службѣ; нѣкоторую задержку къ выходу въ свѣтское званіе оно успѣло устроить только для воспитанниковъ новыхъ академій, обязавъ ихъ срочною службою по своему вѣдомству въ теченіи времени по крайней мѣрѣ равнаго годамъ академическаго курса, т. е. четырехъ лѣтъ, но во все описываемое время они и сами не выходили на гражданскую службу, не смотря на то, что по ученымъ степенямъ получали на ней привиллегіи равныя съ привиллегіями воспитанниковъ университетскихъ, вѣроятно вполнѣ довольствуясь выгодами, предоставляемыми имъ на службѣ своего роднаго вѣдомства. Не часто впрочемъ уходили отъ церковной службы и кончившіе курсъ семинаристы. По новымъ преобразованіямъ самая школа, въ которой они воспитывались, устроена была въ чисто сословномъ духѣ и располагала ихъ къ церковной службѣ болѣе, чѣмъ всѣ увѣщанія и мѣры духовнаго начальства, такъ что къ свѣтской службѣ главнымъ образомъ только и стремились ученики худшіе, стремившіеся къ скорѣйшему выходу изъ заведенія или исключенные, которымъ въ духовномъ вѣдомствѣ предстояла служба только на нисшихъ степеняхъ клира, дѣйствительно менѣе завидная, чѣмъ служба канцелярская.

Во время разбора духовенства въ 1806 г. правительство по прежнимъ примѣрамъ подвергло общимъ правиламъ объ отдачѣ ненужныхъ людей въ солдаты или въ податное состояніе и лишенныхъ сана священнослужителей, но потомъ отмѣнило это распоряженіе и предоставило ихъ попеченію духовнаго начальства. Послѣднее впрочемъ само спѣшило отдѣлаться отъ подобныхъ людей и, за исключеніемъ немногихъ, которые были оставляемы на нисшихъ степеняхъ клира, всѣхъ отсылало для распредѣленія къ

гражданскому начальству; св. Синодъ наблюдалъ только за тѣмъ, чтобы такое высшее наказаніе дух. лицъ за проступки не назначалось епархіальными властями произвольно, не по мѣрѣ вины, для чего указомъ 1812 г. далъ подсудимымъ право протеста противъ такого рода рѣшеній предъ высшею духовною властью. Нѣсколько иначе относилось духовное начальство къ тѣмъ священнослужителямъ, которые слагали съ себя свящ. санъ добровольно. По законамъ, дѣйствовавшимъ еще со времени Петровскаго указа 1724 г., такимъ лицамъ предоставлялась полная свобода въ выборѣ рода жизни и службы; они имѣли право приписываться къ купечеству, мѣщанству, поступать на гражданскую службу, въ духовномъ вѣдомствѣ занимать канцелярскія должности при консисторіяхъ и правленіяхъ, проходить даже духовно-учебную службу въ должностяхъ учителей семинарій и училищъ. Но духовная власть, всегда смотрѣвшая на сложеніе св. сана неодобрительно, какъ на измѣну свящ. обѣтамъ, старалась разными мѣрами отстранять подобные факты, подвергала рѣшавшихся на такой шагъ продолжительнымъ увѣщаніямъ, увѣщевала ихъ по крайней мѣрѣ оставаться въ низшихъ церковныхъ должностяхъ, не оставляя вовсе духовнаго званія, и въ то же время изъ опасенія соблазна отклоняла занятіе ими болѣе видныхъ учительскихъ должностей въ своемъ вѣдомствѣ. Въ слѣдующее царствованіе такого рода взгляды на слагающихъ санъ восторжествовали и повели за собою новыя болѣе стѣснительныя для нихъ распоряженія.

Сумма сословныхъ правъ духовенства въ общихъ чертахъ уже достаточно обозначалась еще въ прошломъ столѣтіи, такъ что теперь оставалось только расширить ее нѣкоторыми подробностями и разъясненіемъ нѣкоторыхъ прежнихъ узаконеній не совсѣмъ опредѣленнаго и рѣшительнаго характера. Благочестивый государь постоянно оказывалъ знаки глубочайшаго почтенія къ священно-служителямъ, наприм. во время

своихъ частыхъ разъѣздовъ по имперіи онъ благоговѣйно подходилъ къ іерейскому благословенію и цѣловалъ руку каждаго сельскаго священника, который смиренно и съ трепетомъ встрѣчалъ его на паперти своей церкви. Съ самаго начала царствованія онъ торжественно заявилъ, что намѣренъ возвысить положеніе служителей церкви до высоты, подобающей ихъ свящ. званію. Однимъ изъ первыхъ актовъ его законодательства былъ указъ 22 мая 1801 г., которымъ, „желая дать примѣръ уваженія къ свящ. сану въ народѣ и вмѣстѣ укоренить въ немъ самомъ то чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, каковое служителямъ Вышняго, приносящимъ безкровныя жертвы, должно быть паче другихъ свойственно“, государь повелѣвалъ привести въ полную силу и дѣйствіе высочайшее распоряженіе имп. Павла объ освобожденіи священнослужителей отъ тѣлеснаго наказанія по суду, изданное еще въ 1796 г., но вскорѣ затѣмъ оставленное безъ исполненія. Въ 1808 г. сила этого указа распространена была и на членовъ священнослужительскихъ семействъ. Двумя этими указами священнослужители и ихъ семейства, можно сказать, впервые еще причислялись къ числу такъ называемыхъ благородныхъ людей и выдѣлялись изъ массы „народа подлаго“. Съ 1804 г. дома лицъ изъ бѣлаго духовенства стали освобождаться отъ поземельнаго сбора, а съ 1821 г. отъ постоя и всѣхъ прочихъ городскихъ и полицейскихъ повинностей, кромѣ мостовой и фонарной. Въ 1804 же году въ первый разъ дана духовенству еще одна привиллегія благородныхъ людей,—право покупать земли, впрочемъ незаселенныя и безъ крѣпостныхъ людей. Право владѣть крѣпостными людьми могли имѣть только такія духовныя лица, которыя имѣли права дворянства какъ родоваго, такъ и пріобрѣтеннаго по орденамъ. Указомъ 1821 г. такимъ лицамъ дозволено совершать всѣ купчія, дворянству присвоенныя.

Указами 1816 и 1817 гг. о судѣ надъ нарушителями церковнаго благочинія, какъ мы видѣли, нарушены были на нѣкоторое время судебныя привиллегіи духовенства,— подсудность его по дисциплинарнымъ винамъ одной своей духовной власти. Хотя вскорѣ указомъ 1818 г. и было объяснено, что во всѣхъ другихъ проступкахъ, кромѣ происшествій въ церквахъ и государственныхъ преступленій, дух. лица подлежатъ суду духовному; но такъ какъ большая часть ихъ проступковъ, были ли то какія нибудь ссоры и драки или пьяныя выходки, совершались именно въ церквахъ, то и возникло множество недоумѣній, какія именно судныя дѣла о духовенствѣ предавать на рѣшеніе гражданскаго суда. У духовныхъ властей начались длинныя пререканія и съ полиціей, которая забирала духовныхъ лицъ прямо изъ церквей къ себѣ въ арестантскую, и съ уголовными палатами, которыя судили дѣла по происшествіямъ въ церквахъ по своему, не обращая вниманія на первоначальныя слѣдствія въ духовномъ судѣ или даже подвергая послѣднія полному переслѣдованію. Прежній порядокъ подсудности духовенства по этого рода дѣламъ былъ возстановленъ въ 1821 г.—Указами 1810 и 1812 гг. были подробно развиты правила (большею частію прежняго времени) о духовныхъ депутатахъ въ гражданскомъ судѣ по дѣламъ, касающимся духовенства; въ 1829 г. этимъ депутатамъ дано право голоса въ судѣ наравнѣ съ прочими членами судебныхъ присутствій. Подъ конецъ царствованія, по поводу торговыхъ занятій двухъ священническихъ вдовъ, возникъ вопросъ о принадлежности къ духовному вѣдомству членовъ духовныхъ семействъ, особенно женскаго пола, и былъ рѣшенъ оффиціально св. Синодомъ въ отрицательномъ смыслѣ; но практика епархіальнаго суда постоянно подчиняла своей власти и ихъ наравнѣ съ ихъ отцами, мужьями и др. родственниками, состоявшими въ клирѣ, да и сама духовная власть смотрѣла на нихъ, какъ на своихъ людей, входила въ ихъ наслѣдные счеты по

вопросамъ о церковныхъ мѣстахъ, заботилась объ ихъ пропитаніи на счетъ церковной службы и о мѣрахъ ихъ призрѣнія. Въ 1817 г. отъ Синода и Сената изданы были указы, по которымъ въ вѣдомство дух. власти переходила самая опека надъ духовными сиротами, бывшая прежде въ общемъ съ другими сословіями (кромѣ дворянъ) гражданскомъ вѣдомствѣ сиротскихъ или уѣздныхъ судовъ.

Правительство милостиво подтверждало и расширяло права духовенства, желая улучшить его положеніе; но соблюдались ли эти права на дѣлѣ,—вопросъ другой. Среди несчастнаго строя государства, въ основѣ котораго лежало крѣпостное право и неограниченный произволъ дворянства и многочисленныхъ грубыхъ начальствъ всякаго рода, духовенству еще труднѣе было выбиться изъ его униженія, чѣмъ другимъ классамъ населенія, кромѣ развѣ крѣпостнаго крестьянства, потому что оно не имѣло матеріальной самостоятельности, во всемъ своемъ содержаніи зависѣло отъ чужаго доброхотства, кромѣ того вслѣдствіе своей сословной замкнутости давно сдѣлалось чуждымъ обществу и нигдѣ не находило себѣ поддержки; при этомъ самыя привиллегіи не служили ему въ пользу, дѣлая его какимъ-то изолированнымъ особнякомъ въ государствѣ, до котораго никому не было дѣла, кромѣ его духовнаго начальства; а духовное начальство, имѣя громадную власть внутри своего вѣдомства, само не имѣло силы выступить на защиту его не только передъ свѣтскими властями, но даже передъ сильными частными лицами, наприм. помѣщиками, которые иногда самодурили надъ духовенствомъ въ своихъ имѣніяхъ.

Въ первое время царствованія правительство собиралось сдѣлать очень многое и по вопросу о матеріальномъ обезпеченіи духовенства. На первыхъ порахъ указомъ 3 апрѣля 1801 г. была возвышена вдвое унизительная для духовенства нищенская такса за требы, изданная еще Екатериною въ 1765 г., и от-

мѣненъ тоже весьма неудобный на практикѣ законъ 1797 г. объ обработкѣ церковной земли въ пользу причтовъ ихъ прихожанами, поведшій только къ лишнимъ счетамъ между тѣми и другими и кромѣ того еще къ тому, что церковная земля, будучи передаваема для такой обработки въ пользованіе прихожанамъ, въ немаломъ количествѣ совсѣмъ за ними пропадала, особенно въ приходахъ, гдѣ количество ея сколько нибудь превышало 33-десятинную норму церковнаго земельнаго надѣла. Впадая въ тонъ тогдашнихъ любимыхъ фразъ о высотѣ и прелести натуральной простой жизни, указъ 1801 г. старался доказать, какъ хорошо будетъ, если духовенство, ревнуя примѣру древнихъ патріарховъ и апостольской простотѣ нравовъ и упражненій, само будетъ подавать прихожанамъ примѣръ земледѣльческаго труда,—труда „благороднѣйшаго и въ очахъ истинной мудрости почтеннаго“. Комитетъ 1808 г. однако не раздѣлялъ этихъ идиллическихъ воззрѣній на земледѣльческія занятія духовенства, отнесся къ нимъ отрицательно, равно какъ и къ доходамъ духовенства за требоисправленія, и порѣшилъ обезпечить причты опредѣленными окладами жалованья, такъ чтобы за необходимыя требы духовенство не взимало уже никакой платы, а земля оставалась только подспорьемъ къ денежнымъ окладамъ. Нельзя не упомянуть здѣсь о весьма любопытныхъ опредѣленіяхъ трехъ городскихъ обществъ, архангельскаго, одесскаго и рыбинскаго, о замѣнѣ праздничныхъ доходовъ причтовъ отъ хожденія по дворамъ съ славленьемъ опредѣленными окладами изъ городской думы по уравнительному расположенію требующихся для этого денегъ на городскихъ обывателей; опредѣленія эти, состоявшіяся въ 1805—1808 гг., показывали, что само общество пришло къ сознанію неудовлетворительности нищенскихъ способовъ содержанія духовенства. Но этими опредѣленіями и проектомъ комитета 1808 г. о жалованьи духовенству все дѣло и кончилось. Проектъ комитета, потерпѣвшій, какъ извѣст-

но, полное фіаско, можно сказать, даже повредилъ духовенству; кромѣ того, что по милости его церкви лишились своихъ экономическихъ суммъ, онъ повелъ еще къ остановкѣ въ ходѣ крайне важнаго для духовенства дѣла, межеванія къ церквамъ земель, которое непрерывно велось съ 1760-хъ годовъ. Послѣ указа 1801 г. объ обработкѣ земли самимъ духовенствомъ надѣлъ церквей землями пошелъ было нѣсколько живѣе,—къ 1803 г. онъ былъ совсѣмъ законченъ въ губерніи казанской, которая была на очереди, но потомъ опять замедлился и послѣ 1808 г. почти совсѣмъ остановился, такъ что въ теченіи послѣдующаго времени до конца царствованія межеваніе произведено было еще только въ одной губерніи—симбирской. При такихъ обстоятельствахъ для лучшаго обезпеченія духовенства духовная администрація съ своей стороны только и могла употреблять старое средство,—поддерживать старыя штатныя положенія о церквахъ и приходахъ, не допуская открытія новыхъ приходовъ при маломъ числѣ приходскихъ дворовъ и сводя слишкомъ бѣдные приходы въ одинъ. Въ 1818 г. вышло общее распоряженіе Синода, чтобы въ случаѣ необходимости построенія новой церкви при недостаточномъ числѣ приходскихъ душъ содержаніе ея и ея причта непремѣнно было обезпечиваемо процентами съ положеннаго на нее въ кредитныя учрежденія капитала въ нужномъ для того размѣрѣ.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ узаконеній касательно бѣлаго духовенства относились и къ духовенству монашествующему. Такъ, указъ 1801 г. объ освобожденіи священно-служителей отъ тѣлесныхъ наказаній простирался одинаково и на бѣлыхъ и на черныхъ священниковъ и діаконовъ; потомъ въ 1811 сила его распространена и на простыхъ монаховъ. Точно такъ же на монаховъ простерлись было распоряженія 1816—1817 гг. о нарушеніяхъ церковнаго благочинія, нарушившія на время ихъ подсудность духовной власти, но потомъ въ 1821 г. эта подсудность снова была

возстановлена. Въ 1823 г. вышли особыя общія правила о наказаніяхъ для всѣхъ духовныхъ лицъ какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства за преступленія, учиненныя ими въ церквахъ, и о самомъ судопроизводствѣ по этого рода дѣламъ въ духовныхъ судахъ. Самымъ высшимъ наказаніемъ назначено лишеніе сана и изверженіе изъ духовнаго званія съ отсылкой въ свѣтское вѣдомство для приписки въ податное состояніе или въ солдатство. Изъ опасенія соблазна духовныя власти впрочемъ большею частію старались оставлять такихъ людей при монастыряхъ же въ какихъ нибудь нисшихъ послушаніяхъ. Монахи, разстригавшіеся добровольно, какъ и слагавшіе съ себя санъ священнослужители, одинаково пользовались правомъ поступленія на всякаго рода службу, но относительно первыхъ не только духовныя власти, но и само правительство держались все-таки болѣе строгихъ воззрѣній, чѣмъ относительно послѣднихъ. Въ 1822 г., по поводу просьбы одного такого разстриги, екатеринославскаго архимандрита Іоасафа поступившаго канцеляристомъ въ кіевское губернское правленіе, о возвращеніи ему прежняго чина коллежскаго регистратора, въ государственномъ совѣтѣ возникъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли слагающимъ съ себя монашество возвращать права, пріобрѣтенныя ими до постриженія. За исключеніемъ одного члена, барона Кампенгаузена, который доказывалъ, что вопросъ о нарушеніи обѣтовъ, данныхъ одному Богу, для свѣтскаго правительства есть вопросъ посторонній и что кромѣ того удержаніемъ въ монашествѣ людей, по душѣ уже принадлежащихъ міру, поощряется одно лицемѣріе, всѣ остальные члены рѣшили этотъ вопросъ отрицательно, и государь утвердилъ ихъ мнѣніе.

Въ первые годы царствованія Александра возникъ серьезный вопросъ о нѣкоторыхъ имущественныхъ правахъ монастырей. Въ 1802 г. новгородское общество обложило всѣ монастырскія и церковныя земли поземельнымъ сборомъ. Духовенство подняло

жалобы на такое нарушеніе старыхъ церковныхъ привиллегій и дѣло дошло до государственнаго совѣта. Болѣе либеральные члены совѣта (Завадовскій, Мордвиновъ, Румянцевъ) настаивали на необходимости такого обложенія, доказывая, что отмѣна его будетъ служить къ отягощенію бѣдныхъ гражданъ, которые будутъ оплачивать церковныя земли, или же казны, которая должна будетъ взять такую оплату на себя, что вѣроятно „и самъ митрополитъ, убѣждаясь обязанностію своего званія оказывать всѣмъ возможную помощь, не пожелаетъ сего изъятія“. Но мнѣніе это, какъ видно, не пошло въ ходъ. Городскія имущества монастырей освобождались и отъ поземельнаго, и отъ всѣхъ другихъ сборовъ, кромѣ мостовой и фонарной повинностей, а такъ же отъ воинскаго постоя, хотя бы даже отдавались въ наемъ подъ квартиры, торговыя, трактирныя и др. заведенія. Остальныя недвижимыя имущества, земли и угодья, освобождены были отъ оброчныхъ денегъ въ казну. Въ 1812 году государь освободилъ монастырскія и церковныя земли даже отъ общаго по всей имперіи сбора со всѣхъ земель, угодій и доходныхъ статей, кому бы они ни принадлежали, объявленнаго манифестомъ 11 февраля во время самой настоятельной нужды государства въ деньгахъ. Въ 1822 г. въ видахъ усиленія государственныхъ доходовъ, состоялось постановленіе, чтобы всѣ остатки отъ опредѣленныхъ по годовой росписи расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ по окончаніи года отсылались въ государственное казначейство. На основаніи этого постановленія монастыри тоже стали отсылать остатки отъ своихъ окладовъ въ казенныя палаты и казначейства; но въ слѣдующемъ же году, узнавъ объ этомъ, государь освободилъ ихъ и отъ такой обязанности.

Средства къ содержанію монастырей при Александрѣ значительно увеличились даже противъ предшествовавшаго, весьма благопріятнаго для нихъ царствованія. На основаніи указа 1797 г. имъ продол-

жали отводиться 30-десятинные надѣлы земель, мельницы, рыбныя ловли и другія угодья изъ казенныхъ оброчныхъ статей. Въ 1811 году отводы эти пріостановились по случаю распоряженія правительства о продажѣ казенной земли, но въ 1824 г. разрѣшены снова. Между тѣмъ въ 1805 г. вышло еще болѣе важное распоряженіе въ пользу монастырей—о правѣ пріобрѣтать имъ для себя новыя земли покупкою. „Его императорское величество, говорилось въ указѣ, разсуждая, что по законамъ давно уже возбранено монастырямъ покупать себѣ недвижимыя имѣнія, но съ другой стороны уважая, что пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ статей по мѣстному ихъ положенію можетъ быть весьма полезно для монастырей, особенно тѣхъ, кои не могли получить отъ короны всѣхъ угодій, по штатамъ имъ предоставленныхъ, предположить изволилъ, не отмѣняя существующаго постановленія“, разрѣшить имъ такія покупки въ видѣ изъятій изъ общаго правила подъ условіемъ высочайшаго разрѣшенія на каждый случай. Подъ такимъ же условіемъ въ 1810 г. разрѣшено имъ пріобрѣтать недвижимыя имущества и по духовнымъ завѣщаніямъ. Но частныя лица изъ монашествующаго духовенства попрежнему устранялись отъ всякаго пріобрѣтенія такихъ имуществъ, хотя бы и на собственныя средства. По указамъ 1810 и 1823 гг. высочайшее соизволеніе требовалось такъ же въ рѣшеніи всѣхъ тяжебныхъ и другихъ дѣлъ, клонившихся къ отчужденію или уменьшенію недвижимой собственности монастырей. Въ видахъ того же охраненія этой собственности указы требовали еще, чтобы монастырскіе дома, лавки, подворья, земли и всякаго рода угодья, не нужныя монастырямъ для собственнаго употребленія, отдавались въ наемъ или аренду не болѣе, какъ на 12-лѣтній срокъ. Кромѣ такихъ общихъ узаконеній въ пользу монастырей, для ихъ матеріальнаго благосостоянія весьма благотворными были еще неоднократныя частныя милости правительства, которыя оказывались то тому, то друго-

му изъ нихъ по просьбамъ уважаемыхъ настоятелей и братіи въ формѣ щедрыхъ денежныхъ и поземельныхъ дачъ на ихъ нужды или въ видѣ отпуска извѣстнаго количества лѣса съ казенныхъ земель и др. матеріаловъ на постройки. Благодаря такимъ щедротамъ, они успѣли за это время значительно поправиться отъ упадка, до котораго дошли въ XVIII в.; многія обители перестроились даже совсѣмъ заново.

Для возвышенія внутренняго благосостоянія монастырей св. Синодъ и епархіальные архіереи попрежнему заботились о введеніи въ монастыряхъ общежитія. Самъ государь въ разговорахъ съ духовными лицами отдавалъ предпочтеніе общежительному устройству обителей, съ которымъ онъ познакомился въ Валаамскомъ монастырѣ, достигшемъ въ этомъ отношеніи до образцоваго совершенства еще при м. Гавріилѣ и игуменѣ Назаріѣ. Послѣдній доживалъ теперь свою подвижническую жизнь на покоѣ въ Саровской обители, откуда и взятъ былъ Гавріиломъ на Валаамъ и по образцу которой устраивалъ обитель Валаамскую. Саровская пустынь и теперь продолжала считаться образцомъ общежительнаго устройства иноческой жизни, благодаря умному и благочестивому игумену Нифонту, и славилась именами нѣсколькихъ уважаемыхъ подвижниковъ, жившихъ въ ея общежитіи или подвизавшихся въ окружающихъ ее лѣсахъ, каковы игуменъ Назарій, ученикъ его Иларіонъ, схимонахъ Маркъ и извѣстный всей Россіи старецъ Серафимъ. Первые двое извѣстны такъ же своими аскетическими писаніями, писанными въ назиданіе обращавшимся къ ихъ духовной опытности инокамъ и инокинямъ. Самъ Фотій юрьевскій, устраивая свою богатую обитель, считалъ полезнымъ переписываться съ подвижниками Сарова, хотя и считалъ себя тоже высокимъ и многоопытнымъ подвижникомъ. „Не дивися, авво, писалъ онъ наприм. игумену Нифонту, что я, такъ будучи ученъ, пишу къ тебѣ.... Знаю я языки латинскій, греческій, французскій; знаю архитектуру, иконописную и живописную

работу, врачебную науку и о всѣхъ животныхъ на землѣ; знаю философію, богословію, исторію церковную, всемірную, натуральную; знаю я золотарную работу, столярную, кузнечную, кровельную. Всего, чему учился я, что знаю наукъ, искусствъ, художествъ, мало сей бумаги будетъ описать" и т. д. „Но скажу тебѣ, что все ученіе есть суета, все знаніе есть мечта и скорбь для души.... Горе намъ будетъ ученымъ невѣжамъ.... Какъ въ началѣ, такъ и нынѣ лучше Себѣ во мрежу ловитъ Господь рыбарей и простецовъ, нежели насъ высокоумныхъ".

На сосѣднемъ съ Валаамомъ островѣ Коневскомъ явился свой Назарій—устроитель обители, Иларіонъ, позаботившійся не только объ устроеніи иноческой жизни, но и о средствахъ къ религіозному образованію своихъ монаховъ чрезъ устройство библіотеки. Отъ него остался полный уставъ общежитія и нѣсколько аскетическихъ сочиненій: Взаимныя должности общаго монашескаго житія (1816 г.), Душевное врачество (1817), Напоминаніе иноку въ началѣ его подвиговъ (1822). Разсужденіе о видѣніяхъ (1823) и службы Арсенію коневскому, Сергію и Герману валаамскимъ и коневской Б. Матери. Его коневскій общежительный уставъ игуменомъ Даніиломъ введенъ былъ въ 1824 г. въ Оптину пустынь калужской епархіи, недавно устроенную послѣ долгаго запустѣнія трудами строителя Аврамія, старца весьма уважаемаго въ калужской епархіи. Изъ мѣстныхъ калужскихъ архіереевъ особенно дѣятельное участіе въ устроеніи монастырской жизни принималъ епископъ Филаретъ Амфитеатровъ, покровительствовавшій Оптиной пустыни болѣе другихъ монастырей; какъ любитель безмолвной пустынной жизни, въ 1821 г. въ восполненіе къ ея общежитію, онъ устроилъ при ней еще пустынный скитъ для желающихъ скитскаго жительства на мѣстѣ уединенныхъ подвиговъ схимника Іоанникія, умершаго въ 1815 г., и вызвалъ въ этотъ скитъ дружину отшельниковъ изъ рославльскихъ лѣсовъ смоленской

епархіи.—Въ Глинской пустыни курской епархіи былъ введенъ строгій общежительный уставъ игуменомъ Филаретомъ, старцемъ духовной жизни; уставъ этотъ былъ примѣненъ къ правиламъ Аѳонской горы и былъ утвержденъ св. Синодомъ. Послѣ того Филаретъ составилъ еще три устава для женскихъ обителей.—Въ орловской епархіи строгостію жизни и монастырскихъ порядковъ была извѣстна Площанская пустынь при строителѣ Серафимѣ; здѣсь между прочимъ подвизался тогда въ схимничествѣ старецъ Аѳанасій, одинъ изъ учениковъ Паисія величковскаго.

Между иноками разныхъ монастырей было много истинныхъ подвижниковъ, жизнь которыхъ напоминаетъ древнія времена подвижничества св. мужей, прославляемыхъ церковію. Такъ, въ Задонскомъ монастырѣ такимъ же почти благоговѣніемъ въ народѣ, какъ старецъ Серафимъ саровскій, пользовался Георгій Машуринъ (изъ военныхъ), проведшій 16 лѣтъ въ суровомъ затворѣ, въ постѣ и молитвахъ († 1836 г.). Въ Кирилловомъ монастырѣ сохраняется благоговѣйная память о подвижнической жизни уволеннаго сюда на покой (въ 1825 г.) пензенскаго епископа Амвросія Орнатскаго, знаменитаго автора Исторіи Россійской іерархіи: два года онъ жилъ здѣсь въ тѣсной келліи въ совершенномъ уединеніи, питаясь одною только просфорою, невидимый никѣмъ,—только по ночамъ нѣкоторые видали его издали стоящимъ на церковной паперти съ воздѣтыми къ небу руками († 1827 г.). Такіе подвижники встрѣчались даже въ городскихъ и столичныхъ монастыряхъ, которые находились въ условіяхъ вообще менѣе благопріятныхъ полному отреченію отъ благъ міра, а нѣкоторые, будучи управляемы за глаза настоятелями изъ ученыхъ монаховъ, обремененныхъ другими школьными или епархіальными должностями, не отличались даже внѣшней дисциплиной.

Имп. Александръ относился къ монашествующему духовенству еще съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ къ бѣлому. Онъ зналъ лично многихъ иноковъ извѣст-

ныхъ своею подвижническою жизнью и любилъ бесѣдовать съ ними. Есть преданіе, что еще въ 1812 г., въ самое тяжкое для него время борьбы съ Наполеономъ, онъ призывалъ къ себѣ нѣкоего монаха Авеля, который былъ извѣстенъ своими предсказаніями импер. Екатеринѣ и Павлу I и немало пострадалъ отъ нихъ за свой пророческій даръ; этотъ Авель предсказалъ ему побѣду надъ врагами и взятіе Парижа. Въ 1816 г. императоръ въ бытность свою въ Кіевѣ тайно посѣтилъ славившагося святою жизнію іеросхимонаха Вассіана, съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ бесѣдовалъ съ нимъ около 4 часовъ, просилъ исповѣдать его, какъ „всѣхъ вообще духовныхъ сыновъ своихъ“; намѣстника лавры, который, узнавъ, что государь находится у Вассіана, поспѣшилъ принять его, просилъ обходиться съ нимъ, „какъ съ простымъ поклонникомъ, пришедшимъ въ сію обитель искать путей ко спасенію, ибо всѣ дѣла мои, говорилъ онъ, и вся слава принадлежатъ не намъ, а имени Божію, научившему меня познавать истинное величіе“. Оставивъ лавру, онъ говорилъ объ ней: „При первомъ вступленіи моемъ въ лавру такое благоговѣніе наполнило мою душу, что могу съ Павломъ сказать: быхъ аще въ тѣлѣ или аще кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть“. Въ 1823 г. въ ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ онъ посѣщалъ благочестиваго іеромонаха Амфилохія. Въ 1825 г. предъ отъѣздомъ въ послѣднее свое путешествіе въ Крымъ онъ былъ на богомольи въ Александроневской лаврѣ и съ благоговѣніемъ внималъ суровому поученію престарѣлаго схимника Алексія въ его мрачной кельѣ съ открытымъ гробомъ вмѣсто постели. Болѣе извѣстныхъ иноковъ нерѣдко принималъ онъ и у себя, когда они пріѣзжали по дѣламъ въ Петербургъ. Пользуясь его благорасположеніемъ, разные монахи сами просили у него аудіенцій и, получивъ ихъ, излагали передъ нимъ свои представленія и просьбы лично. Въ 1815 г. одинъ изъ ревнителей церкви въ родѣ архим. Фотія, другъ послѣдняго, си-

моновскій архимандритъ Герасимъ являлся къ государю во дворецъ и на колѣнахъ умолялъ защитить св. церковь отъ поруганія святыни, при этомъ показалъ государю изображенія Спасителя и Божіей Матери на табакеркахъ, тарелкахъ и др. обиходныхъ вещахъ. Потомъ онъ еще подавалъ какія-то письма о томъ же предметѣ и „о нѣкоторыхъ книжкахъ, противу познанной истины учащихъ“. Мы уже говорили о подобныхъ же аудіенціяхъ самого Фотія, котораго государь даже самъ приглашалъ къ себѣ. Другіе монахи пользовались такими аудіенціями для нуждъ своихъ монастырей. Въ 1822 г. государь два раза принималъ у себя настоятеля Глинской пустыни Филарета, причемъ много бесѣдовалъ съ нимъ о состояніи русскихъ монастырей и о введеніи въ нихъ общежитія. „Я посѣщалъ монастырь Валаамскій, говорилъ онъ, и люблю чинъ его; я вообще примѣчаю, что общежительные монастыри, получая отъ правительства малыя пособія къ своему содержанію, приходятъ въ такое благоустройство, какого въ штатныхъ не видно. Отъ чего это?“ Филаретъ подробно объяснилъ ему устройство и управленіе тѣхъ и другихъ. Практическимъ результатомъ этихъ аудіенцій было то, что Филаретъ выпросилъ у государя увеличеніе штата для своей пустыни, 300 десятинъ казеннаго лѣса и уплату изъ казны до 3000 р. монастырскаго долга. Чаще всего для подобныхъ просьбъ монастыри пользовались личными ихъ посѣщеніями императоромъ во время его разъѣздовъ по имперіи и очень рѣдко получали отъ него отказъ.

Явные знаки благоволенія правительства и значительное улучшеніе матеріальнаго благосостоянія монастырей много способствовали къ возрастанію числа монашествующаго духовенства. Новыхъ монастырей открылось не много, — за исключеніемъ приписныхъ скитовъ всего четыре: съ 1809 г. Новотихвинскій женскій въ пермской епархіи (въ Екатеринбургѣ), гдѣ не было доселѣ ниодного женскаго монастыря; съ

1814 г. Александроневскій греческій мужской въ г. Таганрогѣ, открытый на пожертвованія грека Варвація и подчиненный св. гробу Господню въ Іерусалимѣ, потому и называвшійся іерусалимскимъ; съ 1823 г. Борисоглѣбскій Аносинъ женскій московской епархіи въ с. Аносинѣ—имѣніи кн. Мещерской, которая пожертвовала на него свои средства и сама пожелала въ немъ постричься; съ 1824 г. Успенскій мужской близь Одессы на землѣ кишеневскаго архіерейскаго дома, устроенный на деньги изъ казны и на казенномъ штатномъ содержаніи. Но и это число вновь открытыхъ монастырей показывало уже замѣтный поворотъ обстоятельствъ въ пользу монашества сравнительно съ прежнимъ временемъ отъ 1764 до 1801 г., въ продолженіи котораго открылось всего 3 новыхъ обители. Всѣхъ монастырей въ Россіи по статистикѣ Арсеньева въ 1818 г. круглымъ числомъ насчитывалось 500 съ 7000 монашествующихъ лицъ, по статистикѣ Зябловскаго въ 1815 г.—387 мужскихъ съ 4900 монаховъ и 91 женскихъ съ 1696 монахинями. Увеличеніе числа желающихъ постриженія повело за собой увеличеніе монастырскихъ штатовъ, о которомъ правительство постоянно получало просьбы какъ отъ штатныхъ, такъ и отъ заштатныхъ монастырей; удовлетвореніе такихъ просьбъ производилось впрочемъ не общими указами относительно всѣхъ монастырей, а только частными для тѣхъ монастырей, гдѣ въ томъ открывалась надобность. Такъ, въ 1816 г. увеличены штаты монастырей Саввино-вишерскаго, Коневскаго, Островскаго Введенскаго (по 6 человѣкъ), Наровчатскаго—Троицкаго (10 человѣкъ); въ 1817—брянской Бѣлобережской пустыни (23) и Свирскаго монастыря (10 человѣкъ); въ 1818—Голутвина; въ 1819—Оптиной пустыни и т. д. Во время своего генералъ-губернаторства въ Сибири Сперанскій обратилъ вниманіе на недостатокъ числа монашествующихъ въ сибирскихъ монастыряхъ, которые постоянно пустовали. Вопросъ объ увеличеніи числа монаховъ здѣсь связы-

вался съ вопросомъ о христіанской миссіи среди инородцевъ, которою Сперанскій въ то время весьма интересовался; на содѣйствіе ей монашествующаго духовенства надѣялись и онъ и епископъ иркутскій Михаилъ. По ихъ представленію св. Синодъ объявилъ по общежительнымъ монастырямъ Россіи вызовъ монаховъ, желающихъ ѣхать въ Сибирь, и назначилъ имъ по 200 р. пособія и прогонныя деньги на дорогу. По этому вызову въ 1824—1825 г. въ Сибирь отправлено было 8 человѣкъ монаховъ изъ разныхъ монастырей.

VII.

Состояніе христіанской миссіи среди инородцевъ къ началу XIX в. Христіанство между инородцами поволжья и сосѣднихъ мѣстностей, у калмыковъ и киргизовъ. Возстановленіе христіанства на Кавказѣ. Успѣхи христіанства у самоѣдовъ и сибирскихъ инородцевъ. Пекинская миссія. Заботы объ обращеніи въ христіанство евреевъ западнаго края.

Дѣло христіанской миссіи среди инородцевъ при имп. Александрѣ нѣсколько оживилось. Раньше къ концу XVIII в. оно было совершенно заброшено и доходило до окончательнаго упадка. Въ 1799 г. уничтожена была самая должность проповѣдниковъ для обращенія инородцевъ въ христіанство, какъ болѣе ненужная, по объясненію сената. Въ 1800 г. закрыты были даже единственныя инородческія школы въ Казани. Обученіе инородческимъ языкамъ въ семинаріяхъ, предложенное въ проектѣ о преобразованіи семинаріи 1798 г. Амвросіемъ, бывшимъ тогда архіепископомъ казанскимъ, чуть чуть только начиналось введеніемъ съ 1800 г. татарскаго класса въ старой казанской академіи. Религіозныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ не было никакихъ, кромѣ чувашскаго катихизиса, напечатаннаго въ 1800 г. всего въ 600 экземплярахъ.

Такимъ упадкомъ миссіонерскаго дѣла болѣе всего воспользовались мухаммедане татары. Благодаря милостямъ, оказаннымъ имъ въ царствованіе Екатерины Великой, они соединились въ стройно-организованное религіозное общество, своего рода церковь съ законно-устроенной іерархіей двоихъ муфтіевъ и множества муллъ, свободой богослуженія и даже съ своей собственной религіозной литературой. Они не только свободно строили въ поволжьѣ и въ Сибири свои мечети и заводили при нихъ свои школы, пользуясь въ нихъ подареннымъ имъ при Екатеринѣ печатнымъ Кораномъ, но еще успѣли выхлопотать указъ о переводѣ въ Казань станковъ петербургской азіатской типографіи, которая съ 1802 г. стала снабжать всѣ татарскія селенія въ Россіи цѣлой массой мухаммеданскихъ религіозныхъ книгъ. Прежде для полученія религіознаго образованія мухаммеданину нужно было ѣхать въ Стамбулъ или Бухару, оттуда же получались и всѣ нужныя татарскія и арабскія книги; теперь все это явилось подъ рукой, въ Казани, которая сдѣлалась такимъ образомъ настоящимъ центромъ мухаммеданскаго образованія. Открытіе библейскаго общества и появленіе на татарскомъ языкѣ христіанскихъ книгъ не только не помѣшало дѣятельности татарской типографіи, но еще усилило ея энергію. Мухаммеданство оживилось, получило для себя прочную опору и въ скоромъ времени развило съ своей стороны даже собственную пропаганду между крещеными татарами и др. инородцами поволжья. Болѣе полные результаты его оживленной дѣятельности и вліянія обнаружились уже въ слѣдущее царствованіе, ровно черезъ столько времени, сколько нужно было для того, чтобы подросло новое поколѣніе татаръ, воспитавшихся при новыхъ благопріятныхъ для нихъ условіяхъ: въ 1827 г. открылось первое массовое отпаденіе крещеныхъ татаръ отъ церкви, въ которомъ приняло участіе до 138 деревень. Но въ меньшихъ размѣрахъ случаи такихъ отпаденій были еще и при

Александрѣ I,—въ 1802 г. въ нижегородской епархіи, въ 1803 въ нижегородской и казанской, въ 1811 и 1824 въ казанской.

По случаю перваго отпаденія татаръ въ нижегородской епархіи разслѣдованія открыли, что причинами этого печальнаго явленія служили съ одной стороны отсутствіе между крещеными татарами всякаго религіознаго образованія въ христіанскомъ духѣ, незнаніе самыхъ даже краткихъ и употребительныхъ христіанскихъ молитвъ, непониманіе богослуженія на славянскомъ языкѣ, недостатокъ просвѣтительныхъ мѣръ со стороны духовенства, неимѣвшаго ни надлежащей ревности къ обученію инородцевъ вѣрѣ, ни знанія инородческихъ языковъ, отчужденіе отъ крещеныхъ татаръ со стороны русскихъ обывателей, которые могли бы при болѣе близкихъ связяхъ съ ними повліять на ихъ постепенное обрусеніе, съ другой — постоянное давленіе на нихъ сожительствовавшаго съ ними мухаммеданскаго населенія, фанатическая проповѣдь муллъ на родномъ языкѣ, даже обученіе многихъ крещеныхъ татарскихъ дѣтей въ медресахъ при мечетяхъ и всякіе другіе соблазны совмѣстнаго сожительства и національнаго родства крещеныхъ съ некрещеными. Открылось такъ же, что татары новокрещенные, между которыми особенно и развивалось отпаденіе, самое крещеніе принимали не столько по убѣжденію въ превосходствѣ христіанской вѣры, сколько по разнымъ житейскимъ разсчетамъ или во избѣжаніе наказаній за совершенные ими проступки, о которыхъ они прямо и заявляли на допросахъ, показывая про себя или про своихъ отцовъ, когда и за что они были крещены. Внѣшнимъ толчкомъ, поднимавшимъ татарскія селенія къ отпаденію, служили распространявшіеся между ними слухи о томъ, что правительство дозволяетъ возвращаться въ мухаммеданство, кому угодно. При послѣдующихъ отпаденіяхъ отступники прямо ссылались на царскій о томъ указъ, подъ которымъ разумѣли обыкновенно указъ

1764 г. о закрытіи въ Казани новокрещенской конторы, въ которомъ между прочимъ говорилось о томъ, чтобы некрещенымъ татарамъ, желающимъ остаться въ своей вѣрѣ, не чинилось принужденія къ крещенію.

При первомъ извѣстіи объ отпаденіи татаръ 1802 года вышелъ именной указъ, которымъ предписывалось: 1) чтобы переведены были на татарскій языкъ символъ вѣры, десятословіе и нѣкоторыя молитвы, 2) чтобы въ семинаріяхъ введено было обученіе татарскому языку кандидатовъ на священническія мѣста въ татарскихъ приходахъ и 3) чтобы духовные, руководствуясь кротостію и снисхожденіемъ, старались приводить сихъ непросвѣщенныхъ къ познанію истинной вѣры, а коренныхъ русскихъ увѣщевали не презирать новокрещеныхъ татаръ, не чуждаться сообщества ихъ и входить съ ними въ родственныя и брачныя связи. Въ то же время по министерству внутреннихъ дѣлъ вышло распоряженіе запретить пропаганду муллъ, переводить по возможности новокрещенныхъ на жительство въ русскія селенія и предписать, чтобы въ татарскихъ селеніяхъ такіе новокрещеные не были устраняемы отъ сельскихъ должностей.

Въ 1803 г. указъ о переводѣ символа вѣры, десятословія и молитвъ былъ разосланъ по епархіямъ, гдѣ были инородцы, и епархіальныя начальства озаботились переводомъ краткихъ катихизисовъ на разные инородческіе языки. Въ теченіе 1803—1809 гг. были напечатаны и пущены въ обращеніе краткіе катихизисы на олонецкомъ, корельскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ, мордовскомъ (1804), татарскомъ (1805), калмыцкомъ и персидскомъ (1807) языкахъ, кромѣ того на мордовскомъ и черемисскомъ краткій катихизисъ и молитвы съ исповѣдью, а на чувашскомъ и татарскомъ (1809) однѣ молитвы съ исповѣдью. Скудость религіозно-образовательныхъ средствъ для крещеныхъ инородцевъ поволжья и сосѣднихъ мѣстностей въ болѣе замѣтной степени стала восполняться послѣ открытія въ Нижнемъ, Казани, Астрахани и Вяткѣ отдѣленій Библей-

скаго общества, которыя начали дѣятельно распространять, если не между самими инородцами, то по крайней мѣрѣ между духовенствомъ инородческихъ приходовъ, библейскіе переводы и благочестивыя переводныя брошюры. На татарскомъ языкѣ вышло нѣсколько переводовъ св. книгъ, въ 1814 г. изданъ весь новый завѣтъ, потомъ въ 1818 г. снова на ногайскомъ нарѣчіи въ Астрахани, въ 1820 г. одно Евангеліе на оренбургскомъ нарѣчіи, въ 1818—1819 гг. книга Бытія и Псалтырь на ногайскомъ нарѣчіи; кромѣ того въ значительномъ числѣ распространены были Библіи и Новые завѣты на языкахъ арабскомъ, персидскомъ и татаро-турецкомъ. На чувашскій, мордовской и черемисскій языки съ 1819 г. переводили Новый Завѣтъ священники казанской епархіи Ѳедоровъ, Алмазовъ, Альбинскій и Охотинъ; сначала напечатано было Четвероевангеліе (въ Казани), потомъ на мордовскомъ и черемисскомъ языкахъ весь Новый Завѣтъ (въ Спб.). Для корелъ тверской епархіи священниками Золотницкимъ и Введенскимъ переведено Евангеліе отъ Матѳея (1821). На калмыцкій языкъ переводъ того же Евангелія сдѣланъ казначеемъ Библейскаго общества Шмитомъ (1815). Для пермскихъ инородцевъ въ 1821 г. учитель сольвычегодскаго дух. училища Александровъ перевелъ Евангеліе Матѳея на зырянскій языкъ (изд. 1822); другихъ евангелистовъ и книгу Дѣяній перевелъ устьсысольскій дьяконъ Лежневъ. Въ 1823 г. явились еще переводы Евангелія Матѳея на пермяцкій и двухъ первыхъ евангелистовъ на вотяцкій языки, но, кажется, не были напечатаны. Казанскій архіепископъ Амвросій Протасовъ (съ 1816 г.), очень много потрудившійся въ просвѣщеніи инородцевъ своего края и въ борьбѣ противъ татарскихъ отступническихъ движеній, въ одномъ замѣчательномъ представленіи своемъ св. Синоду предлагалъ о необходимости, кромѣ библейскихъ переводовъ, позаботиться еще о переводѣ на инородческіе языки богослужебныхъ книгъ, доказывая, что безъ

введенія у инородцевъ богослуженія на ихъ природныхъ языкахъ нельзя и ожидать надлежащаго просвѣщенія ихъ въ вѣрѣ. Едва ли не по его инициативѣ переведена и напечатана была на черемисскомъ и чувашскомъ языкахъ литургія Златоустаго, производившая будто бы очень сильное впечатлѣніе на черемисъ и чувашъ, которымъ ее прочитывали. Подобные переводы были впрочемъ вовсе не въ духѣ Библейскаго общества, занятаго распространеніемъ только библейскихъ книгъ и притомъ безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ прибавленій и примѣчаній, и мало имъ поощрялись. При томъ же архіереѣ въ казанской семинаріи и низшихъ дух. училищахъ были открыты классы инородческихъ языковъ съ цѣлію приготовленія для инородческихъ приходовъ духовенства, знающаго мѣстные языки. Кромѣ казанской епархіи, такіе классы открывались еще въ епархіяхъ нижегородской, вятской, пензенской, пермской и оренбургской.

Извѣстія Библейскаго общества краснорѣчиво извѣщали о благотворномъ вліяніи библейскихъ переводовъ на сердца инородцевъ и о многочисленныхъ случаяхъ ихъ обращенія къ истинной вѣрѣ. Какъ и въ прежнее время, болѣе склонными къ усвоенію христіанской проповѣди оказывались чуваши, черемисы, мордва, вотяки и др.; упорнѣе всѣхъ оставались татары. Помимо того, что татарскіе переводы оказывались менѣе другихъ исправными и понятными для простыхъ людей, чтеніе ихъ между татарами не могло имѣть ожидаемыхъ плодовъ вслѣдствіе того фанатизма, съ какимъ татары, даже крещеные, по внушеніямъ муллъ, отвращались отъ всякаго знакомства съ словомъ Божіимъ. Болѣе или менѣе замѣчательныхъ случаевъ обращенія ихъ къ христіанству не встрѣчаемъ во все царствованіе Александра. При томъ оживленіи, какое открылось тогда въ мухаммеданствѣ, церкви православной было даже вовсе не до новыхъ обращеній, приходилось заботиться скорѣе о защитѣ отъ его пропаганды своихъ собственныхъ чадъ изъ кре-

щеныхъ татаръ, а отчасти и изъ другихъ инородцевъ, не рѣдко переходившихъ въ мухамеданство.

Въ нижегородской епархіи, кромѣ татаръ, обнаружили попытки къ отпаденію мордва терюханы, между которыми въ 1808 г. явился пророкъ Кузька, извѣстный подъ названіемъ мордовскаго бога. Огромныя толпы народа собирались въ лѣсъ и окружали сосну, съ которой онъ изрекалъ имъ свои пророчества и назначалъ языческія моленія и жертвы. Нижегородскій архіерей Веніаминъ Румовскій самъ ѣздилъ увѣщевать суевѣровъ, но успокоить это движеніе ему удалось только при содѣйствіи помѣщика, князя грузинскаго Георгія. Кузька былъ схваченъ, наказанъ кнутомъ около своего завѣтнаго дерева и сосланъ въ Сибирь.

Въ южныхъ частяхъ поволжья въ христіанствѣ числилось небольшое число (до 6000) калмыковъ, но они не имѣли ничего общаго съ православною церковію и продолжали спокойно соблюдать всѣ свои старые ламайскіе обряды. Въ 1807 г. къ нимъ посланъ былъ вновь изданный калмыцкій катихизисъ, но имѣлъ ли между ними успѣхъ,—неизвѣстно. Въ 1815 г. Библейское общество издало для нихъ переводъ Евангелія отъ Матѳея и поспѣшило послать 10 экземпляровъ пяти почетнѣйшимъ калмыцкимъ владѣльцамъ,—тѣ приняли подарокъ, но въ донесеніи обществу корресподента, ректора астраханской семинаріи, было сказано, что они „вѣроятно по невѣжеству не совсѣмъ охотно" пользовались этимъ даромъ всеблагаго Бога. Вмѣсто православнаго вліянія въ кочевьяхъ одно время стало развиваться иновѣрное вліяніе братьевъ гернгутеровъ, сосредоточившихся при Екатеринѣ въ богатую и сильную общину въ Сарептѣ и вслѣдствіе частыхъ промышленныхъ сношеній съ калмыками близко знакомыхъ съ ихъ языкомъ и бытомъ. Въ началѣ текущаго столѣтія нѣкто Бергманъ нарочно путешествовалъ по степямъ для изученія калмыцкаго языка и религіи, а въ 1815 г. туда поѣхали уже два гернгутерскихъ миссіонера Шилль и Гибнеръ, за ними по-

томъ послѣдовали другіе проповѣдники сарептской общины. Въ 1820 г. гернгутеры получили даже оффиціальное разрѣшеніе на обращеніе калмыковъ въ христіанство. Въ 1821 г. для проповѣди, съ разрѣшенія министерства иностранныхъ дѣлъ, ѣздилъ въ степи пасторъ Корнелій Рамнъ, но безъ особеннаго успѣха. Всѣхъ обращенныхъ разными проповѣдниками въ этомъ году насчитывалось 22 человѣка. Владѣльцы калмыцкихъ кочевьевъ и ламайское духовенство постоянно мѣшали дѣлу миссіонеровъ и возставали противъ новообращенныхъ. Въ 1822 г. и тѣ и другіе были совсѣмъ выбиты съ калмыцкихъ земель, но правительство и теперь поддержало миссію, предписавъ приставу калмыцкаго народа и владѣльцамъ оказывать миссіонерамъ всякое содѣйствіе и выславъ имъ чрезъ петербургскій комитетъ Библейскаго общества значительное количество библейскихъ переводовъ для чтенія калмыкамъ. Успѣхи гернгутерской миссіи не усилились впрочемъ и послѣ этого, а между тѣмъ въ Петербургѣ повѣяло другимъ духомъ неблагопріятнымъ для иновѣрныхъ проповѣдниковъ; въ 1823 г. вышло рѣшительное запрещеніе обращать калмыковъ въ гернгутерство, а тѣхъ, которые были уже обращены, велѣно было причислить къ православной церкви. Въ томъ же году эти новообращенные подверглись насильственному нападенію и разграбленію отъ своихъ некрещеныхъ соотечественниковъ и бѣжали изъ своихъ кочевьевъ въ Царицынъ, гдѣ дѣйствительно и должны были принять православіе. На этомъ дѣло калмыцкой миссіи и кончилось.

Еще менѣе имѣло успѣха христіанство среди другихъ кочевниковъ, киргизовъ въ зауральскихъ степяхъ. Въ 1820-хъ годахъ за обращеніе ихъ принялись шотландскіе миссіонеры, жившіе въ нѣкоторыхъ пограничныхъ городахъ Россіи, но не имѣли никакого успѣха. Русскихъ киргизы боялись и относились къ нимъ съ недовѣріемъ; въ 1820 г. достаточно было однихъ только слуховъ, будто правительство заду-

мываетъ перепись киргизовъ для распространенія между ними осѣдлой жизни, чтобы цѣлая четверть Букѣевской орды проворно откочевала за Уралъ подальше отъ русскихъ. Правительство имѣло серьезную мысль завести православную киргизскую миссію. Въ 1822 г. изданъ былъ уставъ о сибирскихъ киргизахъ,—въ немъ эта мысль высказывалась очень ясно и подробно: правительство выражало надежду, что заботы объ обращеніи киргизовъ въ христіанство могутъ быть не безуспѣшны, такъ какъ они доселѣ представляются не столько мухаммеданами, сколько язычниками; обращать ихъ рекомендовалось мѣрами убѣжденія, безъ всякаго принужденія; въ случаѣ обращенія между ними болѣе значительнаго числа—до 1000 человѣкъ—областному начальству указывалось позаботиться объ устроеніи для нихъ церкви и школы. Но дальше этихъ благихъ намѣреній дѣло такъ и не пошло.

На югѣ Россіи русской церкви предстояли попеченія о возстановленіи христіанства между горскими племенами Кавказа. Дѣло это въ концѣ XVIII в. тоже совсѣмъ остановилось. Въ 1799 г. упразднена была не задолго до этого (1792 г.) учрежденная для возстановленія христіанства у осетинъ моздокская епархія вмѣстѣ съ заводившимися въ ней для той же цѣли двумя просвѣтительными монастырями (мужскимъ и женскимъ). Оставшись безъ духовнаго руководства и даже безъ церквей, обращенные къ христіанству осетины начали переходить въ мухаммеданство, которое быстро усиливалось тогда на Кавказѣ, или возвращаться къ своимъ прежнимъ языческимъ суевѣріямъ. Успѣхи мухаммеданства прежде всего обезпокоили и обратили на себя вниманіе мѣстныхъ военныхъ властей. Въ 1811 г. генералъ Тормасовъ предложилъ допустить между горскими племенами даже іезуитскую пропаганду, но государь выразилъ по этому поводу желаніе, чтобы для той же цѣли найдены были способные православные миссіонеры. Между тѣмъ многіе изъ самихъ осетиновъ

начали заявлять добровольное желаніе принять христіанскую вѣру. Вслѣдствіе этого въ 1814 г. правительство распорядилось снова открыть упраздненную осетинскую миссію и назначило для членовъ ея 14750 р. жалованья изъ казны. Она составилась изъ 19 духовныхъ и 5 свѣтскихъ лицъ подъ главнымъ управленіемъ телавскаго и грузино-кавказскаго архіепископа Досиѳея; въ распоряженіе ея для охраны миссіонеровъ дано 1000 человѣкъ казацкаго конвоя. Въ теченіе трехъ лѣтъ, до 1817 года, она успѣла обратить въ христіанство свыше 6000 душъ, не смотря на то, что сама вредила своимъ успѣхамъ, вмѣшиваясь въ гражданскія дѣла и возбуждая противъ себя ропотъ мѣстныхъ владѣльцевъ, такъ какъ въ основу своей дѣятельности Досиѳей полагалъ отобраніе новокрещеныхъ горцевъ изъ-подъ власти ихъ господъ. Для устроенія церквей, въ которыхъ новообращенные крайне нуждались, изъ государственнаго казначейства съ 1816 г. отпущено было 24000 р.

Еще успѣшнѣе пошло дѣло миссіи, когда главнымъ управителемъ ея дѣлъ сдѣлался новый экзархъ Грузіи Ѳеофилактъ Русановъ. Св. Синодъ, по его предложенію, составилъ для нея новую инструкцію, по которой, во избѣжаніе недавней ошибки Досиѳея телавскаго, дѣло обращенія осетинцевъ предписывалось вести только духовными средствами, не ослабляя ничьей власти и употребляя мірскія средства, только какъ дары любви для однихъ крещеныхъ,— крещеніе преподавать, только удостовѣрившись въ искренности обращенія крещаемыхъ, на проповѣдь являться безъ всякой огласки и конвоя, не какъ посланнымъ отъ правительства, а какъ простымъ странникамъ, желающимъ спасенія людямъ, и считать дѣло своей проповѣди конченнымъ не прежде, какъ обращенные пожелаютъ имѣть у себя церкви и священниковъ. Самымъ дѣятельнымъ членомъ миссіи явился протоіерей Николай Самаргановъ, исправлявшій должность благочиннаго въ осетинскихъ приходахъ, боль-

шею частію имъ же и устроенныхъ. Много содѣйствовали успѣхамъ христіанской проповѣди и свѣтскія лица,—грузинскіе князья, осетинскіе дворяне и старшины. Въ теченіе всего времени управленія Ѳеофилакта (1817—1821 г.) число новообращенныхъ простиралось до 30,340 душъ изъ однихъ осетинъ, кромѣ того обращено было много другихъ горцевъ изъ племенъ, имѣвшихъ болѣе близкія связи съ Грузіею и поэтому болѣе другихъ подготовленныхъ къ принятію христіанства, такъ что всѣхъ вообще обращенныхъ при Ѳеофилактѣ, насчитывалось свыше 47100 человѣкъ и еще 130 дымовъ удскаго племени. Церквей для однихъ осетинъ было выстроено и возобновлено изъ развалинъ 29; всѣ онѣ были снабжены болѣе или менѣе образованными священнослужителями изъ прибывшихъ съ Ѳеофилактомъ рязанскихъ семинаристовъ и туземцевъ. Ѳеофилактъ обратилъ вниманіе на самое богослуженіе горцевъ, совершавшееся до него въ иныхъ мѣстахъ на грузинскомъ или армянскомъ языкѣ, а въ иныхъ даже на греческомъ, и позаботился о переводѣ богослужебныхъ книгъ на осетинскій языкъ. Одинъ изъ осетинскихъ дворянъ Иванъ Ялгузидзе, по его внушенію, перевелъ на этотъ языкъ утреннія и вечернія молитвы, катихизисъ, литургію, послѣдованія крещенія, погребенія и брака. По отпечатаніи эти переводы немедленно были разосланы по осетинскимъ приходамъ и богослуженіе стало совершаться въ нихъ на осетинскомъ языкѣ. По смерти Ѳеофилакта тотъ же Ялгузидзе перевелъ на тотъ же языкъ (съ грузинскаго) Евангеліе, которое и было напечатано (1824) при московскомъ комитетѣ Библейскаго общества.— При преемникѣ Ѳеофилакта Іонѣ Васильевскомъ некрещеныхъ осетинъ насчитывалось всего до 1000, поэтому миссія обратила свою просвѣтительную дѣятельность на другія ближайшія къ Осетіи племена Кавказа. Въ теченіе трехъ лѣтъ (до 1825) крещено было еще болѣе 5000 горцевъ; церквей выстроено и возставлено 20, для чего въ 1823 г.

изъ государственнаго казначейства было отпущено 12500 р. Къ 1825 г. всѣхъ обращенныхъ считалось 60,895 душъ и 130 дымовъ удскаго племени, а всѣхъ приходовъ въ вѣдомствѣ осетинской комиссіи—67 съ 60 причтами, состоявшими на жалованьѣ отъ казны.

Но въ то время, какъ христіанская проповѣдь торжествовала побѣду надъ язычествомъ и мухаммеданствомъ однихъ кавказскихъ племенъ, другія племена, жившія въ обѣихъ Кабардахъ и по восточному берегу Чернаго моря, быстро развивались и крѣпли въ своемъ мухаммеданскомъ фанатизмѣ и вели постоянную борьбу съ русскими, особенно во время турецкой войны съ 1806 года. Неоднократныя вторженія турецкихъ войскъ въ землю черкесовъ по восточному берегу Чернаго моря, особенно въ 1807 г., сильно содѣйствовали здѣсь самому широкому и прочному распространенію ислама. Въ восточной части Кавказа между народами сѣвернаго Дагестана и Чечни въ 1820-хъ годахъ стало распространяться фанатическое мухаммеданское ученіе, извѣстное потомъ подъ именемъ мюридизма, проповѣдовавшее своимъ послѣдователямъ отреченіе отъ всего земнаго, безусловное повиновеніе имаму и казаватъ,—религіозную войну противъ невѣрныхъ, т. е. русскихъ, какъ главнѣйшую обязанность правовѣрныхъ. Основателемъ его былъ пророкъ Мулла-Мухаммедъ. Въ 1824—1825 гг. религіозное возстаніе охватило чуть не весь Дагестанъ и усмиреніе его стоило большихъ усилій нашимъ кавказскимъ войскамъ. Первыя движенія фанатиковъ были остановлены, самъ пророкъ предался бѣгству, но мюридизмъ не былъ этимъ уничтоженъ и продолжалъ волновать кавказскія племена въ теченіе всего слѣдующаго царствованія Николая I, особенно при знаменитомъ имамѣ Шамилѣ. Въ тоже время не прекращалась религіозная борьба и въ западной части Кавказскихъ горъ.

На противоположной окраинѣ русскаго міра, на крайнемъ его сѣверѣ до сихъ поръ коснѣло въ язы-

чествѣ кочевавшее по тундрамъ архангельской губерніи племя самоѣдовъ, къ обращенію которыхъ въ христіанство предпринимались напрасныя попытки еще со временъ импер. Анны Іоанновны. При имп. Александрѣ дѣло о самоѣдской миссіи началось еще съ 1810 г., но съ этого времени болѣе 10 лѣтъ прошло въ одной перепискѣ между мѣстными архангельскими архіереями и оберъ-прокуроромъ св. Синода, и только въ 1821 г. епископъ Неофитъ, узнавъ о желаніи нѣкоторыхъ самоѣдовъ креститься, послалъ въ ихъ кочевья перваго миссіонера священника Ѳедора Истомина, который и положилъ начало самоѣдской миссіи, крестивъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ своего путешествія до 45 человѣкъ обоего пола и еще огласивъ человѣкъ до 50. Послѣ донесенія объ этомъ св. Синоду послѣдній распорядился объ устройствѣ правильной миссіи для самоѣдовъ и составилъ правила для общаго обращенія ихъ къ христіанству; положено было отправить въ Мезенскую тундру двоихъ священниковъ, снабдивъ ихъ двумя походными церквами, и вмѣнивъ имъ въ обязанность изучить нравы и языкъ самоѣдовъ, держать себя кротко, чтобы пріобрѣсти между ними довѣріе, дѣйствовать при обращеніи путемъ убѣжденія, крестить обращенныхъ только по надлежащемъ наставленіи ихъ въ вѣрѣ и заботиться о введеніи между ними обученія грамотѣ; на содержаніе церквей и самихъ священниковъ съ причетниками и на ихъ разъѣзды исходатайствовано свыше 14000 р. изъ казны; гражданскимъ начальствамъ велѣно оказывать съ своей стороны всякое содѣйствіе миссіонерамъ, особенно улучшеніемъ быта крещеныхъ самоѣдовъ и защитой ихъ отъ пустозерскихъ жителей, которые держали дикарей въ экономическомъ рабствѣ и недобросовѣстно ихъ эксплуатировали. Епископъ Неофитъ нашелъ послѣ этого возможнымъ, вмѣсто двухъ священниковъ, послать въ тундры самоѣдовъ цѣлую миссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подъ начальствомъ архимандрита Веніамина Смирнова. Миссія эта

начала свои дѣйствія въ началѣ 1825 г. съ Канинской тундры, имѣя главнымъ своимъ пунктомъ г. Мезень, и въ теченіе года крестила 420 человѣкъ, потомъ простерла свою дѣятельность на Тиманскую и Большеземельскую тундры. Странствуя по чумамъ самоѣдовъ, миссіонеры вездѣ старались склонять къ вѣрѣ сначала старшинъ, потомъ весь народъ, проповѣдовали самоѣдамъ христіанскія истины на народномъ языкѣ, особенно привлекали ихъ къ себѣ богослуженіемъ, дѣйствовавшимъ на дикарей очень сильно, и истребляли многочисленныхъ идоловъ на о. Вайгачѣ и въ другихъ мѣстахъ. Для лучшаго успѣха христіанской проповѣди среди самоѣдовъ, большею частію непонимавшихъ русскаго языка, архимандритъ Веніаминъ съ своими сотрудниками среди самихъ разъѣздовъ своихъ переводили на самоѣдскій языкъ книги св. Писанія;—ими переведены были Евангеліе, Дѣянія апостоловъ, соборныя посланія, посланія ап. Павла; начало Евангелія Іоанна они представляли Библейскому обществу еще до отправленія своего на проповѣдь въ 1824 г. Труды миссіи продолжались до 1830 г. и сопровождались весьма удовлетворительнымъ успѣхомъ, не смотря на то, что встрѣчали постоянныя и едва преодолимыя препятствія и со стороны суровой природы края, и отъ крайней неразвитости обращаемыхъ, стоявшихъ по своему религіозному міросозерцанію на самой низшей степени шаманства, и наконецъ даже со стороны мѣстныхъ русскихъ поселенцевъ, которые находили, что обращеніе туземцевъ къ христіанству можетъ ослаблять ихъ господство надъ послѣдними, и старались всячески отвращать ихъ отъ крещенія, распространяя между ними слухи, что послѣ крещенія ихъ припишутъ къ русскимъ, заставятъ покинуть кочевья, поставлять рекрутовъ и т. п. Къ 1830 году, когда миссія кончила свою дѣятельность, предоставивъ продолженіе дѣла уже постояннымъ причтамъ трехъ устроенныхъ по тундрамъ церквей, всѣхъ крещеныхъ самоѣдовъ считалось 3303, осталось некрещеными до 680 душъ.

Для религіознаго просвѣщенія сибирскихъ инородцевъ со времени открытія Библейскаго общества священныя книги стали переводиться и на ихъ языки. Въ 1820 г. березовскій протоіерей Вергуновъ перевелъ Евангеліе отъ Матѳея на остяцкій языкъ; въ 1823 г. тобольскій протоіерей Фелицинъ представилъ два Евангелія Матѳея и Марка въ переводѣ на вогульскій языкъ кондинскаго нарѣчія; въ 1822—1824 г. въ петербургскомъ комитетѣ шло дѣло о переводѣ Евангелія на манчжурскій языкъ. Но всѣ эти переводы не были напечатаны. Болѣе посчастливилось переводу св. книгъ на языкъ монголо-бурятскій, для котораго въ 1817 г. вызваны были изъ Сибири въ Петербургъ толмачъ губернскій секретарь Татауровъ съ двумя бурятскими зайсангами Унагаевымъ и Маршунаевымъ. Унагаевъ впрочемъ скоро воротился на родину. Въ 1820 году Татауровъ съ Маршунаевымъ изготовили переводъ Евангелія отъ Матѳея, который и былъ тогда же изданъ и разосланъ по Забайкалью чрезъ генералъ-губернатора Сибири Сперанскаго. Вслѣдъ затѣмъ явились въ переводѣ Евангелія отъ Іоанна и Луки и Дѣянія апостольскія. По закрытіи Библейскаго общества печатаніе св. книгъ на монгольскомъ языкѣ продолжалось въ иностранной коллегіи. Кромѣ библейскихъ книгъ, при содѣйствіи Библейскаго общества для просвѣщенія бурятъ было выпущено въ свѣтъ много назидательныхъ брошуръ на ихъ языкѣ, переведенныхъ преимущественно миссіонерами британскаго общества Эдуардомъ Сталибрасомъ и Вилльямомъ Сваномъ, которые въ 1818 г. прибыли въ Забайкалье для проповѣди съ соизволенія самого государя.

Христіанская миссія была здѣсь крайне нужна и для дѣятельности ея предстояло здѣсь обширное поприще, такъ какъ обращеніе инородцевъ къ христіанству остановилось по всему бурятскому Забайкалью едвали еще не со времени знаменитаго иркутскаго архіерея Иннокентія Неруновича. Не смотря на сравнительно большую, чѣмъ у другихъ инородцевъ,

склонность бурятъ къ христіанству, успѣхи христіанской проповѣди между ними были крайне слабы и вслѣдствіе недостатка проповѣдниковъ, для пособія которымъ не назначено было почти никакихъ средствъ, кромѣ прогонныхъ денегъ, и вслѣдствіе не только слабаго содѣйствія, но даже прямаго противодѣйствія миссіонерамъ сибирскихъ властей въ родѣ Пестеля, Трескина и подобныхъ, которые, подъ предлогомъ облегченія инородцевъ, вовсе запрещали духовенству разъѣзжать по инородческимъ селеніямъ. Еще съ 1815 г. между кн. Голицинымъ и губернаторомъ иркутскимъ Трескинымъ началась переписка объ оживленіи миссіонерскаго дѣла среди бурятъ, но дѣло это не двигалось впередъ до того времени, пока не явился въ Сибирь новый генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій (1819 г.), отнесшійся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. Для усиленія просвѣтительныхъ средствъ въ обширной странѣ, ввѣренной его управленію, онъ позаботился объ открытіи въ разныхъ болѣе важныхъ ея пунктахъ библейскихъ отдѣленій и снабженіи ея изданіями Библейскаго общества. За недостаткомъ православныхъ миссіонеровъ, онъ принялъ подъ свое покровительство даже упомянутыхъ англійскихъ миссіонеровъ британскаго Библейскаго общества. При содѣйствіи Сперанскаго, на земляхъ селенгинскихъ бурятъ недалеко отъ Селенгинска они устроили богатую миссіонерскую колонію съ училищемъ, больницей, библіотекой и даже типографіей, занялись переводами на бурятскій языкъ Библейскихъ книгъ и религіозныхъ брошюръ и дѣлали отсюда миссіонерскія экскурсіи по бурятскимъ юртамъ и ламайскимъ кумирнямъ. Дѣятельность ихъ продолжалась до 1840-хъ годовъ и въ просвѣтительномъ отношеніи была не безполезной для окрестныхъ бурятъ; между послѣдними нашлись люди, которые учились у нихъ земледѣлію, ремесламъ, грамотѣ; но собственно миссіонерскіе успѣхи ихъ были совершенно ничтожны, потому что въ этомъ религіозномъ родѣ дѣятель-

ности они должны были бороться съ двойнымъ противодѣйствіемъ, и со стороны ламайскаго, и со стороны православнаго духовенства.

Между тѣмъ попеченіемъ иркутскаго епископа Михаила Бурдукова къ 1821 г. открылась православная миссія, членами которой были священникъ кульской церкви Александръ Бобровниковъ, извѣстный потомъ составитель монгольской грамматики, и одинъ изъ крещеныхъ бурятъ М. Сперанскій, крестникъ генералъ-губернатора. Но матеріальныхъ средствъ для этой миссіи вовсе не было назначено, такъ что Бобровниковъ долженъ былъ по необходимости оставаться при своемъ приходѣ, а Сперанскій самъ добывалъ себѣ содержаніе и въ поощреніе своихъ миссіонерскихъ занятій получилъ только право носить (безъ посвященія) рясу. Немудрено, что и ихъ миссія имѣла такъ же мало успѣха, какъ англійская. Послѣдняя была по крайней мѣрѣ богата и вліятельна въ странѣ, тогда какъ православные миссіонеры только и могли опираться на государственныя права своего исповѣданія, которыя, какъ и теперь, имѣли очень слабую силу при развитіи среди инородческаго населенія могущественнаго вліянія многочисленныхъ ламъ и туземныхъ, и являвшихся со стороны, изъ монгольскихъ дацановъ. Въ 1822 г. само правительство обратило вниманіе на умноженіе ламъ и стало ограничивать ихъ число штатами, но ничего, кромѣ худаго, этимъ не достигло, потому что нештатные ламы не переставали умножаться, пользуясь въ народонаселеніи одинаковымъ уваженіемъ съ штатными, а между тѣмъ самые штаты послужили только къ усиленію ламизма, придали ему легальность и истолкованы были въ смыслѣ покровительства ему со стороны самого русскаго царя. По внушеніямъ ламъ сами буряты постоянно притѣсняли и преслѣдовали своихъ крещеныхъ земляковъ, вынуждали ихъ или скрывать свою вѣру или переселяться къ русскимъ въ совершенно чуждую имъ обстановку жизни. При такихъ условіяхъ не только про-

стые люди, но даже нѣкоторые тайши, расположившись къ христіанской вѣрѣ, должны были таить это расположеніе про себя и помимо воли удерживаться отъ крещенія.

Не много успѣшнѣе шло дѣло миссіи между тунгузами, гдѣ продолжалъ свою проповѣдь протоіерей Кириллъ Сухановъ, и въ суровомъ сѣверовосточномъ углу Сибири между чукчами, гдѣ съ 1799 г. подвизался протоіерей Григорій Слѣпцовъ. Послѣдній долженъ былъ бороться въ своей дѣятельности съ множествомъ почти непреодолимыхъ препятствій и отъ дикости края, и отъ дикости обитателей, и отъ сильнаго противодѣйствія шамановъ; въ 1812 г. чукчи, напавъ на него врасплохъ, порѣшили было убить его и принести въ жертву землѣ, и онъ спасся, благодаря только защитѣ одного чукотскаго старшины Валютки. Не смотря на всѣ эти препятствія, въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, какъ значится въ его донесеніи епископу Михаилу отъ 1815 г., ему удалось обратить ко Христу „не малое число тысящъ“ дикарей. Обращеніе это было впрочемъ по большей части очень непрочное; получивъ за крещеніе подарки, чукчи предавались потомъ прежнимъ своимъ суевѣріямъ, забывали и свое крещеніе, и самыя имена, полученныя въ христіанствѣ. Въ 1815 г., ослабѣвъ въ своемъ здоровьѣ, Слѣпцовъ поступилъ въ Якутскій монастырь съ именемъ Георгія. Преемниками его были протоіерей Алексѣй Дычковскій, священники Михаилъ Слѣпцовъ, Матвей Поповъ и Іоаннъ Шадринъ.

Въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ и на островахъ продолжали подвизаться въ проповѣди христіанства оставшіеся въ живыхъ члены алеутской миссіи 1794 года. Первоначальные успѣхи этой миссіи въ 1799 г. побудили правительство открыть даже особую епископію на о. Кадьякѣ, но открытіе это не состоялось за смертью вновь посвященнаго епископа Іоасафа Болотова со всею его свитою при крушеніи корабля, на которомъ онъ ѣхалъ въ Кадьякъ. Изъ трехъ

лицъ, оставшихся послѣ этого отъ миссіи, іеромонахъ Аѳанасій жилъ на Кадьякѣ при тамошней церкви, единственной для всей Америки, совершалъ при ней богослуженіе и всѣ требы и поддерживалъ школу для дѣтей, основанную еще въ прежнее время, монахъ Германъ занимался проповѣдью вѣры и обученіемъ алеутскихъ дѣтей сиротъ на о. Еловомъ, другой монахъ Іоасафъ состоялъ, кажется, постоянно при Аѳанасіѣ. Во время богослуженія въ кадьякской церкви Отче нашъ пѣли на мѣстномъ языкѣ, на который эта молитва была переведена іеромонахомъ Гедеономъ, жившимъ на Кадьякѣ въ 1805—1806 г. Въ 1816 г. явилась новая церковь въ Ситхѣ, къ ней опредѣленъ священникъ Алексѣй Соколовъ и христіанство получило возможность проникать отсюда въ среду дикихъ колошъ Америки. Въ 1820-хъ годахъ американская компанія устроила еще двѣ церкви въ Уналашкѣ и Атхѣ; къ первой изъ этихъ церквей въ 1823 г. переведенъ изъ Иркутска священникъ Іоаннъ Веніаминовъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Кромѣ этихъ церквей, на средства той же компаніи въ разныхъ мѣстахъ было устроено нѣсколько молитвенныхъ домовъ или часовень.

Съ 1809 г. улучшена судьба нашей иноземной Пекинской миссіи. По докладу м. Амвросія содержаніе ея увеличено до 6500 р., почти вдвое противъ прежняго штатнаго оклада. Срокъ пребыванія миссіонеровъ въ Китаѣ, вмѣсто 7-лѣтняго, назначенъ 10-лѣтній. Настоятелемъ миссіи назначенъ знаменитый впослѣдствіи русскій синологъ архимандритъ Іоакинѳъ Бичуринъ.

На западной окраинѣ Россіи были попытки обращенія въ христіанство евреевъ, число которыхъ сильно возрасло въ русскомъ подданствѣ послѣ польскихъ раздѣловъ при Екатеринѣ II и присоединенія къ имперіи Волыни и Литвы. Для привлеченія ихъ въ христіанство крещенымъ изъ нихъ предоставлялись различныя права и преимущества. Въ 1811 г. положено освободить ихъ отъ несенія рекрутской повинности.

въ 1817 г. съ цѣлію между прочимъ избавить ихъ отъ притѣсненій еврейскихъ кагаловъ и оградить отъ вліянія единовѣрцевъ учреждено общество израильскихъ христіанъ, въ пользованіе котораго отведено значительное количество казенныхъ земель для поселенія новообращенныхъ евреевъ, и основанъ въ Петербургѣ особый комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ. Всѣмъ, входившимъ въ составъ общества, дарованы полныя гражданскія права во всѣхъ мѣстахъ имперіи, свобода отъ записи по своимъ промысламъ и занятіямъ въ цѣхи и гильдіи, отъ всякаго рода гражданской и военной службы, отъ постоя, содержанія почтъ и другихъ земскихъ повинностей, наконецъ на 20 лѣтъ свобода отъ податей. Въ устраненіе пропаганды самихъ евреевъ между христіанами послѣдователямъ іудейства запрещено держать христіанъ въ услуженіи. На сколько успѣшны были эти распоряженія правительства, пока неизвѣстно. Случаевъ частныхъ обращеній евреевъ въ христіанство вѣроятно было довольно, но едва ли не чаще, чѣмъ православное духовенство, въ обращеніи этомъ участвовали католическіе ксендзы, имѣвшіе большое вліяніе въ западномъ краѣ, и особенно іезуиты, пока въ 1820 г. на это обстоятельство не обратило вниманіе правительство.

Гораздо плодотворнѣе для православной церкви были новыя движенія, открывшіяся въ ея пользу въ средѣ западно-русскихъ уніатовъ и бывшія результатомъ болѣе благопріятныхъ для православія отношеній къ уніатской церкви новаго правительства, которое съ самаго же начала стало исправлять въ этомъ отношеніи ошибки прежняго царствованія, слишкомъ уже милостиваго къ Риму и іезуитамъ, и возвратилось къ болѣе выгоднымъ для государства и церкви принципамъ Екатерининскаго царствованія.

VIII.

Перемѣна въ отношеніяхъ правительства къ католичеству и уніи въ Россіи. Состояніе уніатской церкви подъ управленіемъ м. Игнатія Лисовскаго, архіеписк. І. Красовскаго и м. І. Булгака. Охлажденіе правительства къ Риму. Іезуиты. Ихъ школы и миссіи. Богатства ордена. Противодѣйствіе ихъ пропагандѣ. Изганіе ихъ изъ Петербурга. Упраздненіе ихъ ордена въ Россіи. Результаты католическаго вліянія на общество.

Возвративъ своей имперіи огромный западный край съ его многочисленнымъ католическимъ населеніемъ, Екатерина Великая съумѣла дать католической церкви въ Россіи весьма удачную государственную постановку; она ослабила вредную для государства связь этой церкви съ Римомъ, дала ей особаго архіепископа, избравъ на эту должность очень удобнаго для Россіи прелата Станислава Сестренцевича, всю іерархію подчинила сенату и обязала присягой на русское подданство, монашескіе ордена, не исключая іезуитскаго, изъяла изъ подчиненія иностраннымъ ихъ генераламъ и подчинила Сестренцевичу и мѣстнымъ бискупамъ. Уніатамъ запрещено было обращаться въ католичество, но разрѣшалось свободно переходить въ православіе, вслѣдствіе чего въ средѣ ихъ немедленно открылось сильное движеніе въ пользу древне-православной родной имъ церкви. Вся эта система почти разомъ рухнула при импер. Павлѣ, который, подъ вліяніемъ сильной при дворѣ католической партіи и іезуитовъ, смотрѣлъ на католическую церковь, какъ на самый сильный оплотъ противъ ненавистной ему революціи и главную опору троновъ и алтарей. Митроп. Сестренцевичъ былъ уволенъ отъ каѳедры; католическая церковь въ Россіи получила новый регламентъ, по которому ея монашескіе ордена опять сдѣлались независимыми отъ епархіальной власти. Съ помощію одного изъ хитрѣйшихъ своихъ дѣльцовъ, патера Грубера, іезуиты успѣли совсѣмъ оплести государя; пользуясь его расположеніемъ, они пріобрѣли себѣ много новыхъ имѣній, право имѣть въ Пе-

тербургѣ свою коллегію, дозволеніе посылать на востокъ миссіи и главное—склонили государя ходатайствовать передъ папою о каноническомъ возстановленіи своего ордена, съ 1773 г. доселѣ считавшагося упраздненнымъ, и о выборѣ для себя особаго генерала. Уніатская церковь въ это время совсѣмъ была отдана на жертву католической, будучи подчинена общему съ ней управленію католической коллегіи, въ которой не было ниодного члена изъ уніатовъ. Правительство не считало уніи особымъ отъ католичества исповѣданіемъ и не обращало никакого вниманія на совращенія уніатовъ въ католичество.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра Екатерининская система снова начала возстановляться; м. Сестренцевичъ снова былъ признанъ въ своемъ достоинствѣ, не смотря на всѣ противъ него происки Грубера съ іезуитами и членовъ католической коллегіи, находившейся тоже въ рукахъ іезуитовъ; по новому положенію 1801 г. объ управленіи католическою церковію митрополитъ сдѣлался даже президентомъ этой коллегіи и снова всталъ во главѣ латинской церкви въ Россіи къ величайшему неудовольствію іезуитовъ и самого папы.

Уніатская церковь, хотя на первыхъ порахъ и оставлена была на прежнемъ положеніи безъ всякаго представительства въ католической коллегіи, съ самаго начала царствованія видимо стала оживляться надеждами на скорое улучшеніе своей участи и, какъ при Екатеринѣ, опять проявила сильное стремленіе къ сближенію своему съ православіемъ. Предстоятелемъ ея былъ тотъ же самый полоцкій архіепископъ Игнатій Лисовскій, который еще при Екатеринѣ заботился объ очищеніи уніи отъ примѣси къ ней католическихъ элементовъ. При имп. Павлѣ для изученія православныхъ обрядовъ онъ нарочно предпринималъ путешествіе на востокъ до Іерусалима. По возвращеніи онъ сталъ дѣятельно вводить во всѣхъ уніатскихъ церквахъ иконостасы, выведенные изъ употребленія

подъ прежнемъ сильнымъ вліяніемъ католичества, и отправленіе богослуженія прямо по московскому служебнику, самъ облекся въ примѣръ своему духовенству въ православную рясу и, чтобы еще болѣе походить на православнаго архіерея, отростилъ себѣ бороду. Въ 1803 г., обнадеженный новымъ настроеніемъ правительства, онъ послалъ въ Петербургъ своего протоіерея Красовскаго съ сильными представленіями государю объ униженномъ и заброшенномъ положеніи свыше 3,000,000 своей греко-унитской паствы. Представленія эти произвели сильное впечатлѣніе на государя. Въ томъ же году вышелъ указъ, запрещавшій обращать уніатовъ въ количество и предписывавшій всѣмъ мѣстнымъ властямъ защищать исповѣдовавшихъ унію отъ притѣсненій католическихъ консисторій, а въ слѣдующемъ году въ составъ членовъ католической коллегіи велѣно было включить уніатскаго епископа и трехъ ассессоровъ изъ уніатскаго духовенства. Изъ епископовъ въ члены ея выбранъ былъ брестскій Іосафатъ Булгакъ, человѣкъ впрочемъ чисто католическихъ убѣжденій, находившійся въ рукахъ базиліанскихъ монаховъ,—этихъ главныхъ органовъ католическаго вліянія на унію. По новымъ настояніямъ Лисовскаго, въ 1805 г. коллегія была раздѣлена на два департамента, католическій и уніатскій, и уніатская церковь получила еще больше самостоятельности и свободы отъ католическаго гнета; предсѣдателемъ новаго уніатскаго департамента назначенъ былъ уже самъ Лисовскій. Наконецъ въ 1806 г. онъ былъ возведенъ въ санъ самостоятельнаго митрополита и для содержанія своей митрополіи получилъ богатыя средства,—полоцкій базиліанскій монастырь съ деревнями и 35000-нымъ капиталомъ (сверхъ прежнихъ доходовъ съ полоцкой епархіи) и 2000 червонцевъ на устройство въ Полоцкѣ уніатской семинаріи. Онъ хотѣлъ сдѣлать еще одно важное дѣло въ пользу уніи—очистить отъ католиковъ всѣ уніатскіе монастыри, закрывъ въ нихъ доступъ для всѣхъ неуніа-

товъ, что должно было въ корень подорвать вліяніе католицизма на унію, но противъ этого возстала вся католическая партія въ имперіи и не допустила его выполнить это намѣреніе. Митрополитъ все-таки успѣлъ значительно подорвать силу базиліанъ и, что всего важнѣе, ихъ неограниченное преобладаніе надъ бѣлымъ духовенствомъ, которое всегда было неизмѣнною опорою народнаго и православнаго элемента въ уніи и съ возвышеніемъ котораго всегда было тѣсно связано торжество послѣдняго надъ элементомъ польско-католическимъ. Освободивъ его отъ гнета базиліанъ, Лисовскій еще болѣе помогъ его возвышенію, заботясь вывести его изъ его прежняго темнаго невѣжества съ помощію вновь устроенной полоцкой семинаріи. За все это духовенство сохранило съ своей стороны самую благодарную объ немъ память и искренно оплакивало его кончину, послѣдовавшую въ 1809 г.

Послѣ Лисовскаго митрополитомъ былъ назначенъ его викарій, луцкій епископъ Григорій Кохановичъ, а полоцкимъ епископомъ—правая рука и искренній приверженецъ покойнаго, протоіерей Іоаннъ Красовскій, — оба изъ бѣлаго духовенства. Католики и базиліане, прочившіе на митрополію своего Іосафата Булгака, были сильно огорчены этими назначеніями и считали дѣло католицизма въ отношеніи къ уніи почти совсѣмъ погибшимъ. Впрочемъ, вслѣдствіе бѣдствій французскаго нашествія, митрополитствованіе Кохановича не успѣло ознаменоваться ничѣмъ особенно важнымъ для уніатской церкви. Послѣ его смерти въ 1814 г. управленіе митрополіей досталось опять-таки не Булгаку, а Красовскому. Партія Булгака все-таки не дремала; она повела интригу, чтобы по крайней мѣрѣ оттянуть посвященіе Красовскаго, и оттягивала его до 1817 г., а между тѣмъ всѣми силами старалась подорвать его кредитъ у правительства, распространяя объ немъ разные компрометирующіе слухи, особенно на счетъ его несчастной слабости къ вину. Отъ того, когда въ 1817 г. кн. Голицынъ пред-

ставилъ государю списокъ кандидатовъ для посвященія, утвержденъ былъ уже Булгакъ, а не Красовскій, хотя имя его въ спискѣ стояло на первомъ мѣстѣ. При митрополитѣ Булгакѣ базиліане опять усилились надъ бѣлымъ духовенствомъ и для упроченія своего господства на будущее время стали усиленно хлопотать о томъ, чтобы кандидаты на епископство избирались впредь только изъ одного монашествующаго духовенства, но кн. Голицынъ не почелъ за нужное испрашивать на то высочайшее повелѣніе. Такъ какъ Красовскій былъ наиболѣе видным представителемъ бѣлаго духовенства въ уніатской іерархіи, то базиліанская партія употребила теперь всѣ свои силы къ его униженію и гибели. Въ 1820 г. на него былъ поданъ доносъ съ обвиненіями въ нетрезвости, худомъ содержаніи семинаріи, дурномъ обращеніи съ архіерейскими крестьянами и въ нѣкоемъ секретномъ судѣ надъ духовенствомъ;— этимъ именемъ названы были обычныя келейныя разбирательства архіереями разныхъ пустыхъ ссоръ между духовенствомъ и келейныя же дисциплинарныя вразумленія; правительству дано было понять подъ этимъ именемъ нѣчто жестокое и противузаконное. Не смотря на то, что разслѣдованія на мѣстѣ по епархіи не оправдали доноса, Красовскій, по высочайшему повелѣнію въ 1821 г. былъ преданъ суду и вызванъ въ Петербургъ, гдѣ нашелъ себѣ добрый пріемъ и пріютъ у одного митрополита Сестренцевича. Судъ надъ нимъ производился медленно и придирчиво, при явно враждебномъ настроеніи въ отношеніи къ подсудимому всей судной комиссіи, за исключеніемъ только двухъ ея членовъ изъ бѣлаго духовенства, каноника литовскаго Василія Маркевича и луцкой епархіи протоіерея Іосифа Сѣмашки, поддерживавшихъ Красовскаго. Отъ духовенства и семинаріи полоцкой епархіи присылались просьба за просьбой о возвращеніи любимаго архіерея въ епархію, но судъ продолжалъ тянуться въ томъ же направленіи до самаго конца министерства

Голицына, враждебно настроеннаго противъ Красовскаго особенно за несочувствіе его къ Библейскому обществу. При Шишковѣ дѣло кончилось въ пользу подсудимаго; Красовскій переведенъ только на другую каѳедру въ Луцкъ, гдѣ черезъ годъ скоропостижно умеръ, отравленный, какъ тогда говорили, базиліанами.

Послѣ его смерти партія базиліанъ, тянувшая унію къ Риму, восторжествовала, но не надолго. Благодаря дѣятельности Лисовскаго и Красовскаго— этихъ усердныхъ подготовителей возсоединенія уніи, бѣлое духовенство успѣло значительно подняться изъ своего униженія и невѣжества, а съ подъемомъ его былъ тѣсно связанъ подъемъ и православныхъ традицій въ уніатской церкви. Изъ среды его по началамъ этихъ замѣчательныхъ іерарховъ успѣли воспитаться новые дѣятели, которые продолжали ихъ дѣло и довели его до конца, до полнаго возсоединенія уніи съ православіемъ въ слѣдующее царствованіе: это были Іосифъ Сѣмашко, Василій Лужинскій и Антоній Зубко.

Въ отношеніи къ Риму правительство съ самаго начала новаго царствованія проявило замѣтную холодность изъ-за Мальтійскаго ордена. Государь отказался отъ званія гроссмейстера этого ордена, которое принялъ на себя императоръ Павелъ, но не отказывался отъ званія его протектора. Между тѣмъ папа Пій VII, находясь подъ давленіемъ Наполеона, долго не соглашался утвердить выбраннаго въ Россіи новаго гроссмейстера Томасси и поднялъ вопросъ даже о правахъ на гроссмейстерство самого покойнаго импер. Павла, какъ человѣка, не принадлежавшаго къ католической церкви. Потомъ онъ сдался и на то, и на другое, но обида была уже нанесена и Александръ не согласился на присылку въ Россію папскаго нунція Ареццо, а когда Ареццо все-таки явился, принялъ его только въ качествѣ временнаго посланника и вскорѣ опять выслалъ изъ Россіи. Въ 1803 г. всѣмъ обществамъ и частнымъ лицамъ изъ

католиковъ запрещены были всякія непосредственныя связи съ Римомъ, а въ 1804 г. правительство само прервало свои сношенія съ папою. Іезуиты долго съ нетерпѣніемъ ждали объявленія папскаго декрета о возстановленіи ихъ ордена; декретъ этотъ, полученный еще при Павлѣ I, объявленъ былъ уже осенью 1802 г. и въ то же время съ ордена, подъ угрозой лишенія его терпимости въ имперіи, взято обязательство не допускать въ своихъ монастыряхъ и коллегіяхъ ничего противнаго господствующей вѣрѣ и не привлекать въ латинство молодыхъ людей иныхъ вѣроисповѣданій. Опытные во всякихъ проискахъ, іезуиты однако скоро нашли возможность усилить свой орденъ даже болѣе, чѣмъ при Павлѣ I.

Какъ бы тамъ ни грозилось русское правительство, одно уже каноническое возстановленіе ордена сообщило іезуитамъ полную увѣренность въ себѣ и прежнюю силу. Всѣ члены ордена, разсѣянные по разнымъ странамъ и таившіеся доселѣ подъ масками разныхъ другихъ орденовъ, теперь опять соединялись вмѣстѣ и въявь, сосредоточиваясь около своихъ главныхъ центровъ—Полоцка и Петербурга и спѣша сюда изъ всѣхъ концовъ Европы. Цифра іезуитовъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи, съ 200 скоро дошла до 400 человѣкъ. Первымъ дѣломъ ордена было избрать генерала, съ которымъ онъ получалъ полную независимость отъ Сестренцевича и епархіальныхъ властей: выбранъ былъ извѣстный патеръ Груберъ, управлявшій орденомъ до 1805 г. Послѣ этого геніальнѣйшаго интригана генераломъ былъ Бржозовскій, тоже типъ іезуита и притомъ іезуита — поляка. Имѣя во главѣ такихъ вождей, ордену можно было съ полною увѣренностію вести обычное дѣло пропаганды латинства чрезъ школы, вліяніе на высшее общество и миссіи. Какъ при имп. Павлѣ, для поддержанія и усиленія своего кредита въ обществѣ и въ глазахъ русскихъ властей орденъ выступилъ борцомъ противъ революціонныхъ идей и въ частности противъ религіознаго вольнодумства, которое, воспользовавшись либеральнымъ на-

строеніемъ и терпимостію правительства, проявило тогда новую жизнь. Такимъ способомъ онъ съумѣлъ крѣпко сплестись съ современными ему общественными движеніями Россіи на сторону пробуждавшейся религіозности и получить среди нихъ почти такое же значеніе, какъ начавшій усиливаться тогда мистицизмъ.

Сильную помощь іезуитамъ, какъ и въ царствованіе Павла I, доставляли во множествѣ проживавшіе въ Россіи представители французской эмиграціи, разные итальянскіе выходцы и польскіе аристократы,— всѣ эти Ланжероны, Сенъ-При, Ришелье, Де-Местры, Паулуччи, Чарторыжскіе, Четвертинскіе, Ильинскіе, Огинскіе, и др., имѣвшіе тогда видное значеніе и на государственной службѣ, и при дворѣ и въ петербургскомъ обществѣ, — даже коренные русскіе вельможи тѣхъ знатныхъ родовъ, среди которыхъ еще раньше обнаруживались довольно частые примѣры отступничества отъ православія въ латинство,—Голицыны, Разумовскіе, Завадовскіе, Гагарины, Толстые, Растопчины, и пр., разныя знатныя барыни, увлекавшіяся проповѣдью ловкихъ патеровъ, особенно польки, бывшія въ замужествѣ за русскими сановниками, наприм. извѣстная своимъ вліяніемъ на государя Нарышкина, урожденная Четвертинская. Въ Петербургѣ заведенъ былъ самый надежный разсадникъ латинства среди молодаго поколѣнія русскаго боярства— модный аристократическій пансіонъ аббата Николя, про котораго протрубили на всѣхъ стогнахъ, какъ про необыкновеннаго педагога; отцы и особенно матери богатыхъ аристократическихъ семействъ наперебой спѣшили отдавать въ этотъ пансіонъ своихъ дѣтей, платя за іезуитскую порчу ихъ безумныя суммы, по 1500—2000 руб. въ годъ за каждаго несчастнаго воспитанника. Въ 1803 г. открылся еще другой благородный пансіонъ въ самомъ домѣ іезуитовъ въ Петербургѣ съ платой по 1000 р. и въ скоромъ времени имѣлъ уже 56 воспитанниковъ тоже изъ высшаго класса общества. Замѣчательно, что русскіе юноши долгое время учились здѣсь и закону Божію

у іезуитовъ же, потомъ, когда опредѣленъ былъ въ пансіонъ православный законоучитель, іезуиты дали ему одинъ только самый неудобный, послѣобѣденный урокъ въ субботу, а свои законоучительскіе уроки заставляли воспитанниковъ слушать своимъ чередомъ два раза въ недѣлю.

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ органовъ іезуитской пропаганды въ большомъ свѣтѣ и въ литтературѣ является Жозефъ де Местръ, повѣренный при русскомъ дворѣ лишеннаго престола сардинскаго короля Виктора Эмануила, свѣтскій іезуитъ, заклятый врагъ революціи и всякихъ либеральныхъ движеній въ Европѣ, выступившій противъ нихъ на борьбу подъ знаменемъ католицизма въ роли какого-то пророка новыхъ царей и извольнодумничившагося общества. Его блестящій и парадоксальный умъ, смѣлое и вызывающее краснорѣчіе, полное неожиданныхъ и озадачивающихъ мыслей и оборотовъ, всеобъемлющей салонной учености и живой оригинальности, то блещущее фейерверкомъ фразъ и Вольтеровскихъ остротъ, то поражающее громами фанатическихъ обличеній и пророческихъ вѣщаній, было въ высшей степени увлекательно для головъ, на которыя ему приходилось дѣйствовать, не умѣвшихъ мыслить методически и способныхъ поражаться всякимъ блескомъ и трескомъ. Іезуитовъ онъ представлялъ единственною опорою гражданскаго порядка и вѣрными стражами троновъ противъ революціонныхъ переворотовъ, а ихъ учебныя заведенія, въ контрастъ свѣтскимъ гимназіямъ и университетамъ,—разсадниками самыхъ вѣрноподданныхъ гражданъ и самыхъ надежныхъ по своей религіозности членовъ общества. Въ пяти письмахъ къ министру просвѣщенія Разумовскому онъ доказывалъ даже, что для Россіи, какъ страны воинственной, нужны вовсе не ученые люди, а люди храбрые и честные, и образованіе не свѣтское, а религіозное, что науки творятъ людей безпокойныхъ, склонныхъ къ новизнамъ и порицателей правительства. Всѣ народы,

утверждалъ онъ, по какому-то инстинкту всегда ввѣряли дѣло воспитанія священникамъ. Въ XVIII в. допустили страшную ошибку, сосредоточивъ все воспитаніе въ одномъ знаніи; эта система воспитанія, придуманная для уничтоженія іезуитовъ, произвела поколѣніе, ниспровергшее алтари и зарѣзавшее французскаго короля.

Благодаря главнымъ образомъ графу Де Местру, іезуитамъ удалось освободить свои учебныя заведенія отъ подчиненія виленскому университету, къ округу котораго они причислялись и отъ котораго имъ всегда можно было ожидать не малаго противодѣйствія своей религіозной и противунаучной исключительности. Оба высшихъ заведенія западнаго края,—іезуитскій коллегіумъ въ Полоцкѣ и университетъ въ Вильнѣ, близко сходились въ своей дѣятельности, стремясь къ одной цѣли—ослабленію здѣсь русскаго духа, но въ то время, какъ коллегіумъ преслѣдовалъ исключительно религіозную задачу—распространеніе латинства, университетъ, состоявшій подъ попечительствомъ сильнаго князя Адама Чарторыжскаго, задавался преимущественно свѣтскими, политическими и польско-національными видами, стремился къ поднятію между польскимъ населеніемъ образованія, которое могло бы содѣйствовать и къ ополяченію русскаго населенія, и въ концѣ концовъ къ отторженію западнаго края отъ Россіи, при чемъ латинство служило только однимъ изъ многихъ другихъ средствъ, ведущихъ къ цѣли, но не самою цѣлью. Іезуиты даже вовсе не были допущены въ университетъ. Не чувствуя ни возможности, ни даже надобности бороться съ сильнымъ попечителемъ, который все-таки могъ быть для нихъ полезенъ, іезуиты обратили свои усилія къ тому, чтобы совсѣмъ обособить свои школы отъ университета, составивъ изъ нихъ особый іезуитскій округъ, сосредоточенный около полоцкаго коллегіума съ возведеніемъ послѣдняго на степень академіи. По ходатайству Де Местра они достигли этого въ 1812 году.

Что касается до миссіонерской дѣятельности іезуитовъ, то она прежде всего, разумѣется, должна была найти приложеніе въ западномъ краѣ, гдѣ находился полоцкій центръ ихъ ордена. Въ уніатской церкви они производили сильное опустошеніе чрезъ обращеніе въ латинство какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ приходовъ, кромѣ того наполнили католическими монахами весь базиліанскій орденъ. Было множество даже насильственныхъ обращеній въ католичество евреевъ и особенно еврейскихъ дѣтей; послѣднихъ губернское начальство должно было иногда силой исторгать изъ іезуитскихъ монастырей. Православное юношество, обучаясь въ ихъ коллегіяхъ, разсѣянныхъ по Литвѣ и Бѣлоруссіи, насквозь пропитывалось духомъ латинства. Кромѣ того они производили множество совращеній среди военно-служащихъ православнаго исповѣданія въ Витебскѣ. Изъ Полоцка и Витебска дѣятельность ихъ простерлась на Ригу и Митаву, гдѣ жило много католиковъ изъ французскихъ эмигрантовъ, поляковъ и нѣмцевъ, среди которыхъ орденъ могъ находить себѣ дѣятельную поддержку. Вытѣснивъ служившихъ здѣсь прежде францисканъ, іезуиты усердно принялись за обращеніе въ латинство протестантовъ и православныхъ, пользуясь для этого обычными средствами проповѣди, исповѣднической дѣятельности, распространенія своихъ книгъ, вторженія въ семейныя дѣла, особенно при смѣшанныхъ бракахъ, пышныхъ религіозныхъ церемоній и обученія юношества какъ въ семействахъ, такъ и въ двухъ заведенныхъ ими школахъ, мужской и женской. Протестанты нѣмцы, какъ ни возставали противъ нихъ, ничего съ ними не могли подѣлать, потому что за нихъ стоялъ самъ губернаторъ Паулуччи, имѣвшій большой вѣсъ въ Петербургѣ.

Въ Ригѣ за нихъ стоялъ Паулуччи; въ Одессѣ покровителемъ ихъ явился генералъ губернаторъ Новороссіи герцогъ Ришелье, нарочно вызвавшій ихъ къ себѣ съ согласія кн. Голицина для просвѣщенія Новороссійскаго края. На этотъ зовъ въ Новороссію

явилось до 15 іезуитовъ, въ томъ числѣ и пресловутый петербургскій педагогъ аббатъ Николь. Во всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ страны, въ Одессѣ, въ Крыму, въ южнорусскихъ колоніяхъ разныхъ западныхъ выходцевъ, они живо понастроили костеловъ и каплицъ и принялись за пропаганду по всему пространству южной Россіи, дѣлая безпрестанныя миссіонерскія экскурсіи отъ Кіева до Симферополя, гдѣ они между прочимъ имѣли нахальство выпрашивать у государя себѣ во владѣніе даже одну православную церковь, и отъ Каменца Подольскаго до Моздока, гдѣ тоже завели себѣ притоны. Главнымъ центромъ ихъ дѣятельности была Одесса, гдѣ у нихъ прежде были заведены приходское училище и два пансіона—женскій и мужской іезуита Вольсея. По прибытіи Николя изъ пансіона Вольсея выработался такой же аристократическій іезуитскій конвиктъ, какъ Николевскій пансіонъ въ Петербургѣ, а въ 1817 г., послѣ отъѣзда Ришелье во Францію, изъ него образовался ришельевскій лицей, долго сохранявшій свой прежній іезуитскій характеръ, такъ какъ директоромъ его и послѣ этого оставался все тотъ же аббатъ Николь.

Паулуччи и Ришелье были по крайней мѣрѣ иностранцы и католики; но не менѣе ихъ іезуитамъ помогали и чисто русскіе люди, стоявшіе во главѣ администраціи. Кн. Голицынъ на первыхъ порахъ, до своего укрѣпленія въ мистицизмѣ, былъ настоящимъ ихъ орудіемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей ходатайствовалъ о посылкѣ ихъ миссій въ восточныя степи и въ саратовскія колоніи. Сибирскій генералъ-губернаторъ Пестель звалъ ихъ въ Сибирь для сношеній съ Китаемъ и для развитія цивилизаціи между сибирскими инородцами. Московскій генералъ-губернаторъ Ростопчинъ, считавшійся попреизлиху русскимъ человѣкомъ, приглашалъ ихъ даже въ Москву, гдѣ впрочемъ немало было разныхъ барынь, увлеченныхъ ими, какъ и въ Петербургѣ, въ томъ числѣ жена самого Ростопчина. Волки, разумѣется, съ радостію пользовались такими любезными приглашеніями въ овчар-

ни. Въ саратовскія колоніи понаѣхало болѣе дюжины іезуитовъ; вытѣснивъ служившихъ здѣсь прежде францисканов и доминикановъ, они дѣятельно принялись обращать въ католичество колонистовъ протестантовъ, а по временамъ и православныхъ крестьянъ, жившихъ по Волгѣ, стали, какъ и вездѣ, вторгаться въ семейства отъ смѣшанныхъ браковъ и посѣевать въ нихъ раздоры и т. п. Изъ колоній они пробрались въ Астрахань и, отнявъ тамошнюю католическую церковь у капуциновъ, завладѣли всею католическою паствой послѣднихъ, состоявшею преимущественно изъ католиковъ армянъ, потомъ при церкви устроили два пансіона, благородный и не благородный, и стали въ нихъ учить всякихъ дѣтей, не исключая православныхъ, привлекали къ себѣ на уроки даже воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи, которымъ очень нравились и увлекательные уроки и ласковость іезуитскихъ педагоговъ. Изъ Астрахани и изъ саратовскихъ притоновъ іезуиты подъ разными предлогами дѣлали экскурсіи по всей Волгѣ и внутрь Россіи, въ Пензу, Воронежъ, гдѣ только были хоть какіе нибудь жители католики. Въ Моздокѣ была основана ими особая миссія, дѣятельность которой простиралась до Тифлиса и оказывала вредное религіозное вліяніе на русскія войска на Кавказѣ. Въ Сибири іезуитскія миссіи основались въ Томскѣ и Иркутскѣ около ссыльныхъ католиковъ поляковъ, но не замедлили обнаружить свою дѣятельность и на православныхъ, совершая для нихъ по селеніямъ разныя требы подъ предлогомъ отдаленности русскихъ священниковъ. О цивилизаторскихъ подвигахъ іезуитовъ, для которыхъ ихъ приглашали въ Сибирь, разумѣется, не было и помину.

Эксплуатируя нравственныя силы населенія во всѣхъ мѣстахъ своего водворенія, іезуиты въ тоже время старались эксплуатировать и силы матеріальныя, проявляя ненасытное корыстолюбіе. И правдой и неправдой они вездѣ пріобрѣтали для себя и сво-

ихъ заведеній земли, зданія, капеллы и разныя доходныя статьи. Однихъ крестьянъ за орденомъ числилось до 13500 душъ, доставлявшихъ ему до 700,000 руб. ежегоднаго дохода и находившихся подъ его управленіемъ въ такомъ же рабствѣ и убожествѣ, какъ крестьяне польскихъ пановъ. Кромѣ того въ качествѣ священниковъ іезуиты получали по 300—3000 р. казеннаго жалованья и столько же, если не болѣе, за требы съ прихожанъ, да еще, какъ педагоги разныхъ заведеній, не менѣе 300,000 р. въ годъ съ своихъ питомцевъ въ томъ числѣ до 100.000 р. съ однихъ русскихъ православныхъ питомцевъ. Къ этому нужно прибавить доходы, какіе они получали съ мельницъ, фабрикъ, постоялыхъ дворовъ, типографій и другихъ доходныхъ статей. Наконецъ нельзя и опредѣлить, сколько перепадало имъ отъ обиранія разныхъ барынь, отъ ростовщичества, которымъ они успѣшно занимались, отъ всякаго мошенничества, обмановъ, фальшивыхъ духовныхъ завѣщаній въ ихъ пользу и т. п. При всѣхъ такихъ богатствахъ іезуиты все-таки не переставали жаловаться на свою бѣдность, попрошайничали, а сами обнаруживали величайшую безсердечность въ отношеніи къ бѣднякамъ. Самъ государь встрѣчалъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ, неспособныхъ къ работѣ, крестьянъ ихъ имѣній безъ призрѣнія, просящими милостыню,—іезуиты, не желая ихъ кормить, сами отпускали ихъ отъ себя съ плакатными паспортами по міру,—и приказалъ представить іезуитскому генералу всю несообразность такого отношенія къ крестьянамъ съ правилами христіанскаго человѣколюбія, потому что къ призрѣнію своихъ бѣдныхъ крестьянъ орденъ имѣлъ всѣ нужныя средства.

Правительство давно уже косо посматривало на дѣятельность іезуитовъ, но до времени не трогало ихъ. Съ открытіемъ библейскаго общества и мистическаго движенія въ Россіи неудобство терпѣть эту дѣятельность и всѣ ихъ происки сдѣлалось ощутительнѣе, потому что они встали въ весьма замѣтную

опозицію новому настроенію въ правительственныхъ сферахъ, высказались противъ библейскаго дѣла, обвиняли предъ папой въ измѣнѣ католичеству м. Сестренцевича, который поступилъ въ число членовъ Библейскаго комитета, и обличали мистическій индефферентизмъ. „Всѣ мудрованія, писалъ іезуитскій генералъ въ окружномъ посланіи братіи, на коихъ утверждена терпимость вѣръ, ведутъ къ тому, дабы изъ религіи I. Христа сдѣлать всеобщее смѣшеніе, чудовище вѣры, дабы человѣкъ могъ жить безъ религіи и болѣе всего безъ угрызенія совѣсти нарушать законы вѣры, которая, бывъ единою, ибо она есть истинна, необходимо должна отметать всѣ другія религіи“. Совращенія православныхъ въ католичество стали особенно часты. При усилившемся въ образованномъ обществѣ религіозномъ увлеченіи одни лица, составлявшія большинство, становились на сторону мистицизма, другія, неудовлетворявшіяся слишкомъ большой свободой и неопредѣленностью мистическихъ ученій и правилъ, нуждавшіяся въ болѣе опредѣленной и строгой духовной дисциплинѣ, особенно женщины, дѣлались жертвами іезуитской пропаганды. Въ 1814 г. въ числѣ совращенныхъ въ католичество оказался племянникъ самого оберъ-прокурора, 17-лѣтній кн. Голицынъ;—это былъ уже скандалъ. Дядя поспѣшилъ отдать его на увѣщаніе Филарету, бывшему тогда ректоромъ академіи. Филаретъ еще раньше въ 1811 г. сдѣлался извѣстенъ государю и Голицыну, какъ знатокъ католицизма, своимъ Изложеніемъ о разности между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры, которое онъ написалъ по желанію имп. Елизаветы Алексѣевны, вѣроятно тоже смущенной іезуитами. Плодомъ его успѣшныхъ увѣщаній молодому Голицыну было новое сочиненіе противъ католичества: Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ, изданное въ 1815 г. по настоянію оберъ-прокурора и возбудившее въ свое время сильную тревогу и полемику между поклонниками

папы. Съ своей стороны государь въ концѣ того же 1815 г. выдалъ первый грозный указъ противъ iезуитовъ; въ немъ было сказано, что iезуиты „начали сдѣланную имъ довѣренность употреблять во зло, стали порученныхъ имъ юношей и нѣкоторыя лица изъ слабѣйшаго женскаго пола отвлекать отъ нашего и прельщать въ свое исповѣданiе“, и повелѣвалось изгнать ихъ изъ Петербурга и Москвы съ запрещенiемъ въѣзда въ обѣ столицы. Замѣчательно, что, захвативъ въ свои руки петербургскую католическую церковь со всѣми, очень большими, доходами какъ отъ нея, такъ и отъ состоявшаго при ней пансiона, iезуиты не дѣлали никакихъ расходовъ по разнымъ, лежавшимъ на ней, платежамъ за все время своего владѣнiя ею и оставили ее всю въ долгахъ, такъ что по удаленiи ихъ правительство должно было уплатить изъ этихъ долговъ до 200,000 руб. отъ себя.

Ударъ, разразившiйся надъ iезуитами, однако вовсе ихъ не образумилъ. Сосредоточившись послѣ выѣзда изъ столицъ въ Полоцкѣ, они и отсюда вели повсюду тѣже интриги, какъ изъ Петербурга, нисколько не сдерживая своей пропаганды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были ихъ школы и миссiи. Поэтому въ началѣ 1820 г. надъ ними разразился новый ударъ, на этотъ разъ уже рѣшительный и окончательный. Кн. Голицынъ вошелъ къ государю съ докладомъ, въ которомъ перечислялъ всѣ вины iезуитовъ предъ русскимъ государствомъ, такъ великодушно ихъ прiютившимъ, и всѣ главные факты ихъ неблагодарности и измѣны вѣрноподданнической присягѣ. По этому докладу iезуиты были наконецъ совсѣмъ изгнаны изъ Россiи; ихъ полоцкая академiя съ подвѣдомственными ей iезуитскими училищами была закрыта и все образованiе католическаго бѣлаго духовенства сосредоточено въ католическихъ епархiальныхъ семинарiяхъ, а духовенства монашествующаго—въ монастыряхъ другихъ орденовъ; все движимое и недвижимое имущество iезуитовъ было конфисковано, деньги отданы въ при-

казы общественнаго призрѣнія, а недвижимыя имѣнія въ вѣденіе казенныхъ палатъ въ качествѣ особой доходной статьи на содержаніе католическаго духовенства и на разные богоугодные предметы.

Орденъ іезуитовъ былъ упраздненъ въ Россіи, но сѣмена, посѣянныя имъ, и послѣ этого долго пробивались сорными травами, которыя портили русскую землю. Къ счастью Россіи дѣятельность его не была народной, не проникала до грунтовыхъ слоевъ русской земли, а спеціальнымъ образомъ занималась легкой обработкой только ея высшихъ слоевъ съ ихъ наносной съ запада пылью и грязью. Плодомъ этой дѣятельности осталась сильная католическая порча въ религіозномъ настроеніи высшихъ классовъ русскаго общества, выражавшаяся въ многочисленныхъ ренегатствахъ среди разныхъ знатныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно въ средѣ ихъ женской половины, въ потерѣ между ними русской народности, въ ихъ польско-католическихъ симпатіяхъ, особенно тяжело отзывавшихся на судьбѣ русскаго населенія нашего западнаго края, наконецъ въ окатоличеніи и ополяченіи, такъ называемыхъ, интеллигентныхъ классовъ самаго этого населенія. Система полонизаціи западнаго края послѣ іезуитовъ, какъ и при нихъ, продолжала безпрепятственно развиваться особенно при помощи виленскаго университета по всему его округу изъ 8 западныхъ губерній, въ томъ числѣ и кіевской, до 1823 г., когда главный поборникъ этой системы Чарторыжскій оставилъ должность попечителя и былъ замѣненъ Новосильцевымъ. Католическое духовенство, завладѣвъ всѣми училищами и гимназіями края, продолжало оставаться могущественнымъ орудіемъ той же системы посредствомъ религіознаго католическаго обученія. Подъ его надзоромъ находились даже приходскія училища подольской, волынской и кіевской губерній, учрежденныя для православнаго населенія украйны; духовенству этому предписано было „пріобрѣтать довѣріе учащихся и предлагать имъ во имя

вѣры, сколь важно просвѣщеніе, по мѣрѣ надобности каждаго".

Нужно еще замѣтить при этомъ, что императоръ Александръ самъ лично былъ вовсе не расположенъ къ католичеству. Слишкомъ опредѣленная догма католической церкви и ея слишкомъ пластическая внѣшность были совершенно не согласны съ его универсальной религіей сердца и неопредѣленными порываніями къ чему-то невѣдомому и таинственному. Не согласенъ былъ католицизмъ и съ настроеніемъ кн. Голицына. Если Голицынъ и сдѣлался на первыхъ порахъ жалкимъ орудіемъ іезуитовъ, то, можно сказать, противъ воли, единственно благодаря іезуитской ловкости, умѣвшей доводить до прямаго содѣйствія ордену даже явныхъ враговъ послѣдняго, а не только такихъ влающихся всякимъ вѣтромъ космополитовъ религіи, какъ этотъ министръ всяческихъ исповѣданій въ Россіи. Несравненно болѣе простора и свободы для своего развитія имѣло вліяніе разныхъ протестантскихъ сектъ мистическаго пошиба, выступившее такъ же, какъ и католическое вліяніе, въ качествѣ противодѣйствія религіозному вольнодумству и открыто покровительствуемое самимъ правительствомъ.

IX.

Развитіе мистицизма. Масонство. Первыя мистическія изданія, противодѣйствіе имъ и ихъ пріостановка. Возобновленіе мистической пропаганды. Сперанскій, его связь съ мистиками и переписка съ Ѳеофилактомъ. Фесслеръ. Проповѣдь мистицизма послѣ основанія Библейскаго общества. Мистическая литература. Содержаніе русскаго мистицизма при Александрѣ и его отношеніе къ православію въ разныхъ пунктахъ.

Религіозный мистицизмъ былъ такимъ же наслѣдіемъ XVIII в., какъ религіозное вольнодумство, и перешелъ въ XIX в. вмѣстѣ съ масонствомъ, въ кружкахъ котораго былъ прежде его главный пріютъ. Императоръ Александръ съ самаго начала царство-

ванія относился къ масонамъ очень снисходительно. Если вѣрно извѣстіе о томъ, что съ масонствомъ имѣлъ связи самъ учитель государя Лагарпъ, то очень немудрено, что сантиментально—религіозное настроеніе Александра оказывалось близко родственнымъ съ ученіями масонства. Есть преданіе, будто бы въ 1803 г. онъ даже самъ намѣревался поступить въ число членовъ масонскаго общества и будто бы даже поступилъ на самомъ дѣлѣ. Преданіе это сомнительно, но что онъ интересовался масонствомъ и благоволилъ къ нему, въ этомъ можно несомнѣваться. Въ числѣ братьевъ масоновъ состояли цесаревичъ Константинъ, многіе очень видные люди придворной и государственной службы, представители тогдашней знати, литераторы и др. образованные люди, кромѣ старыхъ масоновъ—Новикова, Лопухина, Гамалѣи, Поздѣева, кн. Репнина, Кошелева и др. Съ дозволенія правительства въ Петербургѣ открывались даже новыя масонскія ложи; такъ въ 1805 г. ложа Коронованнаго Александра подъ руководствомъ великаго магистра Бёбера, потомъ двѣ французскія ложи Соединенныхъ друзей и Палестины подъ руководствомъ камергера Жеребцова и графа Вьельгорскаго. Въ 1810 г. правительство подчинило всѣ ложи министру полиціи, которому великій магистръ долженъ былъ отдавать отчеты объ ихъ занятіяхъ. Съ теченіемъ времени въ разныхъ мѣстахъ открылось еще нѣсколько ложъ, которыя съ 1815 г. группировались около двухъ центральныхъ ложъ, Директоріальной и Астреи. Въ запискѣ О крамолахъ враговъ Россіи говорится, что до 1822 г. ложи французскія, нѣмецкія, русскія разныхъ системъ расли, какъ грибы послѣ дождя. Въ высшемъ кругу образовалась даже поговорка: „да кто жъ нынѣ не масонъ"? Правительство закрывало только тѣ ложи, которыя учреждались самовольно и начинали удараться въ политику, соединяясь съ тайными обществами. Въ 1820 гг. ложи этого рода стали появляться особенно часто, вслѣдствіе чего въ 1822 г. и по-

слѣдовалъ общій указъ о запрещеніи всякихъ тайныхъ обществъ и вмѣстѣ о закрытіи всѣхъ масонскихъ ложъ.

Масонство не было тождественно съ религіознымъ мистицизмомъ, — вдаваясь въ религіозно-мистическія ученія и упражненія, на первый планъ оно все-таки выдвигало исканіе особенной высшей мудрости, познаніе таинствъ природы и теософіи, тогда какъ мистицизмъ спеціально проповѣдовалъ религію чувства, внутренняго Слова, непосредственнаго соединенія съ Божествомъ, совершенно отрицая въ своей сферѣ значеніе разума; но, сходясь съ мистиками въ своихъ теософическихъ мечтаніяхъ, въ понятіяхъ о внутренней церкви, о дѣйствіяхъ внутренняго Слова и др. положеніяхъ религіознаго содержанія, масоны своимъ ученіемъ и литературною дѣятельностію успѣшно подготовляли путь къ развитію въ обществѣ мистицизма. Первые дѣятели послѣдняго были именно масоны стараго направленія, еще чуждавшіеся политики и витавшіе въ области отвлеченныхъ ученій; изъ ихъ же круга вышли многіе и изъ позднѣйшихъ проповѣдниковъ мистицизма въ періодъ наиболѣе сильнаго его развитія, послѣ отечественной войны.

Нѣсколько книгъ мистическаго содержанія въ масонскихъ переводахъ были наслѣдованы еще отъ XVIII в., каковы: Таинство креста, О заблужденіяхъ и истинѣ Сенъ-Мартена, Объ истинномъ христіанствѣ І. Арндта, Политика мудраго Эккартсгаузена и др. Сюда же относится оригинальное сочиненіе Лопухина: Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, пользовавшееся большимъ уваженіемъ у мистиковъ и издававшееся нѣсколько разъ (1798, 1811 и 1816 гг). Потомъ съ самаго начала царствованія Александра явились: Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской Таулера, Христіанскія упражненія г-жи Гіонъ въ переводѣ какого-то іеромонаха и Страждущая невинность или Отрывки Еккартсгаузена. Съ 1803 г. началась энергичная литературная

дѣятельность А. Лабзина, сдѣлавшагося на долгое время самымъ главнымъ проповѣдникомъ мистицизма. Отлично знакомый съ западной мистической литературой и владѣя бойкимъ перомъ, онъ началъ цѣлый рядъ переводовъ изъ Эккартсгаузена, Ю. Штиллинга, де Салисъ, Флейшера. Болѣе замѣчательными изданіями 1803—1816 гг. были: Важнѣйшіе іероглифы человѣческаго сердца, Наставленіе мудраго, Ночи или бесѣды мудраго, Облако надъ святилищемъ, Ключъ къ таинствамъ натуры, Терпимость и человѣколюбіе,—всѣ Эккартсгаузена, Краткія нравоучительныя правила на каждый день года и Приключенія по смерти Ю. Штиллинга, Наставленіе ищущимъ премудрости и др. Съ 1806 г. Лабзинымъ начато изданіе обширнаго сочиненія Штиллинга въ 30 книжкахъ: Угрозъ Свѣтовостоковъ, кончившееся уже въ 1816 г. Въ томъ же 1806 г. въ сотрудничествѣ съ Лопухинымъ, Репнинымъ и др. представителями тогдашняго масонства и мистики онъ сталъ издавать извѣстный журналъ мистическаго направленія Сіонскій Вѣстникъ, встрѣченный на первыхъ порахъ съ большимъ сочувствіемъ со стороны самого духовенства. М. Амвросій далъ объ немъ благоволительный отзывъ; архіереи стали выписывать его для своихъ епархій и духовныхъ училищъ; Ѳеофилактъ разомъ подписался на 30 экземпляровъ. Духовенству очень нравились и благочестивое направленіе новаго журнала, и сильная полемика его противъ вольнодумства, и возвышенное, увлекательное пониманіе въ немъ христіанства; но болѣе опытные люди скоро почувствовали въ немъ и нечистую примѣсь чуждыхъ православію взглядовъ на религіозные предметы.

Въ духовной литературѣ мистическое направленіе успѣло вызвать противъ себя довольно полную критику еще задолго до изданія Сіонскаго Вѣстника въ обширномъ сочиненіи (въ 3 частяхъ) московскаго единовѣрческаго священника И. Полубенскаго О внѣшнемъ богослуженіи (1803 г), въ которомъ авторъ, человѣкъ весьма образованный и начитанный, задался

широкой задачей опровергнуть заразъ и вольтерьянцевъ и мистиковъ. Кромѣ богословскихъ опроверженій мистиковъ, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе рѣдкій практическій взглядъ автора на мистицизмъ, какъ на ученіе самое ненародное и совершенно неприложимое къ жизни простыхъ трудовыхъ народныхъ массъ, особенно къ жизни русскаго деревенскаго мужика. Послѣ полугодичнаго изданія Сіонскаго Вѣстника объ немъ далъ мѣткій отзывъ викарій митрополита Евгеній Болховитиновъ въ одномъ частномъ письмѣ отъ 7 іюля 1806 г. Онъ писалъ, что читаетъ журналъ „часто до чувствительнаго умиленія и благодарности Богу, вложившему мысли г. Лабзину издавать сей журналъ, многихъ обратившій, если не отъ развращенія жизни, то по крайней мѣрѣ отъ развращенія мыслей, бунтующихъ противъ религіи", но въ тоже время высказывалъ сожалѣніе, что большая часть журнала составлена была изъ Штиллинговыхъ и Мартинистскихъ сочиненій и что такимъ образомъ „въ чистую воду примѣшивается и отрава секты"; вчастности онъ замѣтилъ въ журналѣ: „синкретизмъ или мнѣніе, будто во всѣхъ религіяхъ подъ разными только символами была истинная религія; миѳологизмъ, платонизмъ и математицизмъ въ изъясненіи св. Троицы и др. таинствъ откровенія"; разныя странныя мнѣнія въ родѣ сравненія Евхаристіи съ какою-то воплощенною солнечной эссенціей, вездѣприсутствія Божія съ воздухомъ, недѣлимости съ пламенемъ, мысли о безпредѣльности тѣла Христова, о шаровидной формѣ духа и пр.

Въ средѣ духовенства сохранялись еще свѣжіе слѣды стараго схоластико-разсудочнаго направленія въ образованіи, совершенно противнаго сердечному и созерцательному направленію мистиковъ, а у людей болѣе новаго образованія, какъ у Ѳеофилакта, господствовали или тоже чисто разсудочные пріемы мышленія французской философіи, „Кондильяковскіе" по опредѣленію Обзора литературы Филарета черниговска-

го, или самоновѣйшій критицизмъ Канта. По воспоминаніямъ Сперанскаго и м. Филарета, это сухое разсудочное направленіе въ петербургской академіи доходило у нѣкоторыхъ студентовъ и профессоровъ даже до чистаго Вольтерьянства. Само правительство было тогда еще чуждо позднѣйшаго своего мистическаго увлеченія, смѣшивало мистиковъ съ иллюминатами, о которыхъ говорили съ ужасомъ, какъ о злѣйшихъ революціонерахъ. Въ 1806—1807 гг. въ Петербургѣ явился, кажется, первый изъ тѣхъ иновѣрныхъ мистическихъ проповѣдниковъ, которыхъ такъ много развелось здѣсь съ 1812 г., нѣкто полякъ иллюминатъ Грабянка, намѣревавшійся основать здѣсь новое іерусалимское царство и увлекавшій своимъ вдохновеннымъ вздоромъ множество представителей знати. Проповѣдь его кончилась тѣмъ, что онъ попалъ подъ арестъ. Въ тоже время правительство запретило вновь вышедшій переводъ сочиненія Ю. Штиллинга Тоска по отчизнѣ; переводчику и издателю этой книги Ѳ. Лубяновскому объявлено было „монаршее негодованіе",—послѣ въ 1816 г. книга эта опять была издана по высочайшему повелѣнію. Очень не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ изданіе Сіонскаго Вѣстника Лабзина было прекращено въ томъ же году, какъ началось, дойдя только до 6 книжки. Правительство относилось снисходительно только къ одному изданію этого рода, Другу юношества, которое съ 1807 г. сталъ издавать одинъ изъ умѣренныхъ мистиковъ и масоновъ, Невзоровъ. Изданіе мистическихъ переводовъ съ 1806 г. тоже остановилось.

Но такая остановка мистической пропаганды была только временная. При начавшемся въ обществѣ религіозномъ движеніи мистицизмъ, какъ бы ни были велики его недостатки, для людей съ душой и, хоть немного, мыслящихъ казался все-таки болѣе заманчивымъ и удовлетворительнымъ, чѣмъ католицизмъ другихъ тогдашнихъ проповѣдниковъ іезуитовъ;—о православіи, разумѣется, забывали,—это была вѣра народ-

ная, не европейская и поэтому не барская. Съ 1807 г., послѣ перваго обиднаго униженія Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ, Фридландскаго пораженія и Тильзитскаго мира, въ обществѣ особенно часто стали раздаваться рѣчи о томъ, что пора наконецъ обновиться и прійти въ разумъ истины. Ученіе мистицизма, которое дѣятельно проповѣдовали старые масоны религіознаго направленія, увлекало не только такихъ людей, какъ кн. Голицынъ, но и такихъ какъ Сперанскій, получившій серьезное богословское образованіе въ дух. школѣ и кромѣ того принадлежавшій въ молодости къ числу людей совершенно противуположнаго направленія съ мистиками. Первое обращеніе его къ религіи послѣдовало, кажется, вскорѣ послѣ страшно поразившей его потери жены (1799 г.). Въ 1804 г. онъ былъ уже въ тѣсной связи съ масонами и велъ дѣятельную переписку съ Лопухинымъ, который рекомендовалъ и доставлялъ ему для чтенія разныя мистическія книги въ переводѣ и въ оригиналѣ, заставлялъ его самого переводить ихъ, радовался, что ему нравятся сочиненія г-жи Гіонъ и т. п. Тогда же Сперанскій погрузился въ изученіе теософіи по сочиненіямъ Бэма, С. Мартена, Сведенборга и Эккартсгаузена. Съ 1805 г. онъ началъ переводъ книги Ѳ. Кемпійскаго О подражаніи Христу, которая чрезвычайно ему нравилась, и переводилъ изъ нея по листку каждое утро вмѣсто молитвы; — онъ издалъ этотъ переводъ уже въ 1819 г. Одновременно съ перепиской съ Лопухинымъ онъ велъ еще любопытную переписку (1804 — 1806 гг.) съ своимъ товарищемъ по образованію Ѳеофилактомъ, въ которой замѣтна у него наклонность даже пропагандировать поразившее его мистическое міросозерцаніе, не смотря на далеко еще не благопріятныя къ тому обстоятельства. Необходимая въ то время осторожность, заставлявшая его тутъ же предупреждать своего корреспондента о совершенной секретности сообщаемыхъ мыслей, не позволяла ему

высказаться вполнѣ, но онъ все-таки довольно ясно намѣтилъ въ этой перепискѣ почти всѣ основныя положенія мистицизма.

Въ первомъ же письмѣ онъ высказываетъ свое недовольство современною проповѣдью духовенства, которая только спорила съ невѣрующими, но не назидала вѣрующихъ, придавала слишкомъ много значенія въ дѣлѣ вѣры разуму и діалектикѣ, возбуждающей только лишнюю пытливость, но рѣдко производящей убѣжденіе, стояла на одномъ внѣшнемъ пути „обезображеннаго христіанства, покрытаго всѣми цвѣтами чувственнаго міра, соглашеннаго съ политикою человѣческихъ обществъ, христіанства слабаго, уклончиваго, самоугодливаго, различнаго отъ языческаго нравственнаго ученія только словами, въ которомъ самые обряды потеряли истинный ихъ смыслъ и превратились въ мертвую букву“, и не обращала вниманія на истинный внутренній путь очищенія духа, обновленія и соединенія со Христомъ; въ заключеніи письма онъ прямо рекомендовалъ Ѳеофилакту чтеніе Фенелона и Эккартсгаузена. Въ слѣдующихъ письмахъ, отвѣчая на разныя возраженія Ѳеофилакта о необходимости для церкви полемики съ деистами, о значеніи разума и о невозможности для человѣка какъ безусловной любви къ Богу безъ всякой мысли о будущемъ блаженствѣ и безъ страха предъ будущими мученіями, такъ и полнаго соединенія съ Богомъ въ здѣшней жизни, онъ прямо выставляетъ себя горячимъ сторонникомъ Фенелона и Гіонъ и доказываетъ, что участіе разума полезно только при изученіи физическаго міра, а для міра духовнаго есть свой и единственный разумъ — вѣра, что путемъ приложенія этого разума, умерщвленія плоти, отреченія отъ разума физическаго, истребленія самолюбія и молитвы можно достигнуть и чистой безкорыстной любви, и соединенія со Христомъ. „Совершеннаго и нельзя иначе любить, какъ по необходимости и безъ побужденія: иначе оно не было бы совершеннымъ. Какимъ образомъ можно любить

Бога для себя, когда Онъ одинъ и составляетъ то, что мы въ самихъ себѣ любить можемъ"? Своекорыстная любовь къ Богу невозможна, — это только „игра словъ". Отъ того „во всѣхъ ученіяхъ истинныхъ мистиковъ первымъ и единымъ существеннымъ догматомъ полагается самоотверженіе и любовь чистая: два слова, почти одно и тоже означающія... Если бы люди простѣе понимали св. Писаніе и менѣе его толковали, то одно прочтеніе первой заповѣди евангельской довлѣло бы къ совершенному въ сей истинѣ убѣжденію. Если любовь къ Богу объеметъ всѣ способности наши, то чѣмъ, скажете, любить мы будемъ что либо другое, кромѣ Его"? Что касается до времени откровенія въ насъ царствія Божія, то оно можетъ наступить всегда, ибо царствіе Божіе внутрь насъ, только въ разныхъ степеняхъ; въ будущей жизни мы будемъ уже не только причастницы Божественнаго естества, но и сонаслѣдницы Христу.

Ѳеофилактъ увлекался возвышенностію сообщаемыхъ ему мыслей, даже самъ сталъ рекомендовать чтеніе и Эккартсгаузена и даже Сведенборга другимъ, напр. Филарету, но мистическое міросозерцаніе тѣмъ не менѣе вовсе къ нему не привилось, оставаясь для него только занятной умственной игрой. Его увлеченіе не помѣшало ему напримѣръ въ 1810 г. возстать противъ Фесслера, ревностнаго масона и мистика, вызваннаго изъ за границы Сперанскимъ едва ли не съ намѣреніемъ узнать отъ него между прочимъ разныя тайны мистики. Голицинъ былъ въ это время уже на сторонѣ мистицизма. Самъ государь былъ тоже заинтересованъ тогда масонствомъ, иллюминатствомъ и мистическими идеями, о которыхъ любилъ бесѣдовать съ Сперанскимъ. Съ вѣдома государя Сперанскій былъ посвященъ Фесслеромъ въ масонскіе обряды въ частной домашней ложѣ. Поддержка, какую онъ оказалъ Фесслеру въ академіи и потомъ на службѣ въ коммиссіи составленія законовъ, была причиною многихъ нареканій на него со стороны его враговъ, представляв-

шихъ его виновникомъ усиленія масонства и тайныхъ сектъ. Въ 1811 году онъ самъ писалъ государю, что по показаніямъ этого рода обвинителей, онъ былъ въ теченіе одного года „попеременно мартинистомъ, поборникомъ масонства, защитникомъ вольности, наконецъ записнымъ иллюминатомъ“.

Пріѣздъ Фесслера, имѣвшаго большое вліяніе въ масонскихъ кружкахъ, противниками мистицизма былъ отмѣченъ, какъ событіе важное, какъ начало усиленія мистическихъ вліяній. Фотій записалъ въ своихъ запискахъ, что „распространеніе тайныхъ обществъ и нечестивыхъ книгъ“ началось именно съ тѣхъ поръ, какъ „выписанъ разстрига изъ католицкаго исповѣданія Фесслеръ, новый Манесъ, Лютеръ и Кальвинъ, но злѣе и непотребнѣе тѣхъ всѣхъ“, и сталъ распространять свое ученіе „силою власти и покровительствомъ вельможъ“. Съ 1809 г. мистическія изданія дѣйствительно стали снова появляться на свѣтъ и начался замѣтный поворотъ въ пользу мистицизма, но конечно не отъ пріѣзда Фесслера, а отъ перемѣны въ настроеніи высшихъ административныхъ сферъ. Въ концѣ 1812 г. пріѣхали англійскіе методисты, потомъ основано было Библейское общество и пропаганда мистицизма была упрочена. За методистами стали являться въ Россію другіе учители и всѣ получали отъ правительства самую широкую свободу для своей проповѣди мистическихъ ученій. Вліяніе ихъ не ограничивалось даже однимъ верхнимъ слоемъ русскаго общества, какъ вліяніе іезуитовъ, но стремилось спуститься и до болѣе глубокихъ ея слоевъ, гдѣ на первыхъ порахъ думало привиться къ цѣльному, почти еще непочатому религіозной культурой слою инородческихъ массъ, а потомъ къ разнымъ духовнымъ сектамъ въ самомъ русскомъ народѣ. Кромѣ изданій Библейскаго общества, среди инородцевъ дѣятельно распространялись религіозныя миссіи разныхъ мистическихъ сектъ, каковы упомянутыя выше миссіи гернгутеровъ въ калмыцкихъ степяхъ, англійская въ Си-

бири и отчасти шотландская у киргизовъ. Болѣе замѣтные успѣхи сектантская проповѣдь имѣла впрочемъ только среди нѣмецкаго населенія нашихъ западныхъ окраинъ, а также южныхъ и приволжскихъ селеній колонистовъ. Въ остзейскихъ губерніяхъ успѣхи ея далеко превзошли даже успѣхи пропаганды іезуитской. При дерптскомъ попечителѣ Ливенѣ, чистѣйшемъ гернгутерѣ, гернгутерская секта стала такъ быстро распространяться здѣсь на счетъ лютеранства, что въ короткое время число ея исповѣдниковъ, къ великому сокрушенію пасторовъ и мѣстнаго дворянства, съ 3000 возрасло до 40,000 человѣкъ.

Русскіе исповѣдники мистицизма пустились въ литературную его пропаганду и съ 1813 г., при содѣйствіи Библейскаго общества, выпускали въ свѣтъ по нѣскольку переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій каждый годъ. Самыми видными дѣятелями на этомъ поприщѣ были Лабзинъ, Уткинъ, Шампинъ, Сахаровъ, Лубяновскій, Кобрановъ, сенаторъ З. Карнѣевъ, Хвостова, кн. Мещерская и др. Въ теченіе 10 лѣтъ (1813 — 1823) изъ одного Эккартсгаузена было издано болѣе 25 сочиненій, между которыми важнѣйшими для уясненія мистицизма были: Наука числъ—продолженіе Ключа къ таинствамъ натуры (1815 и 1816), Законоположенія человѣческаго разума (1817), Богъ во плоти, Терпимость и человѣколюбіе, Религія, какъ основаніе всякой истины и премудрости (1818), Омировы наставленія (1819). Изъ сочиненій Ю. Штиллинга, кромѣ Угроза Свѣтовостокова, наибольшимъ вниманіемъ пользовались: Побѣдная повѣсть (1815), Тоска по отчизнѣ (1816), Послѣдніе дни Ю. Штиллинга (1818), Өеобальдъ или мечтатели (1819). Въ 1815 г. вышли переводы сочиненій Бема—Путь ко Христу и С. Паркера—Христосъ или вѣрующій нова тварь; въ 1819 г. издана съ посвященіемъ высочайшему имени Божественная философія Дю-Туа, которую современные мистики цѣнили чуть не выше Евангелія. Въ 1820-хъ гг. у насъ особенно посчастливилось сочиненіямъ г-жи

Гіонъ, — изъ нея переведены были: Объясненія на Дѣянія и посланія апостоловъ, О послѣдованіи младенчеству І. Христа, Краткій и легчайшій способъ молиться, Христіанскія поученія, Изъясненіе на Апокалипсисъ (всѣ въ 1821 г.), Поученіе юношеству (1822), Правила жизни, Изъясненія на Притчи, Экклезіаста, Пѣснь Пѣсней (1823), Изъясненіе на Евангелія (1824). Изъ Таулера вторично напечатаны Краткія разсужденія о важнѣйшихъ предметахъ жизни христіанской (1821) и въ новомъ переводѣ Благоговѣйныя размышленія о жизни и страданіяхъ Христа Спасителя (1823). Напечатаны были такъ же произведенія пріѣзжихъ въ Россіи учителей: Линдля,—его проповѣди,—и Госнера —Духъ жизни и ученія Христова (1820) и Блаженство вѣрующаго, въ сердцѣ котораго обитаетъ І. Христосъ (1822). Очень важное значеніе въ мистическихъ кружкахъ имѣли усердно распространявшіяся ими: сочиненіе безыменнаго автора—Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова (1820) и другое, вышедшее изъ подъ пера какого-то нѣмецкаго масона,—Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ свободныхъ каменщиковъ. Кромѣ переводныхъ, издавалось еще множество оригинальныхъ сочиненій, каковы: Плодъ полюбившаго истину—Лопухина, Мои мысли о символѣ вѣры—сенатора Карнѣева, его же Мысли при чтеніи молитвы Господней (1814), Хвостовой Письма къ другу, Совѣтъ душѣ моей, множество брошюръ Библейскаго общества и княгини С. Мещерской, частію переводныхъ, частію оригинальныхъ, частію передѣлокъ изъ иностранныхъ сочиненій. Всѣ эти книги выходили въ значительномъ числѣ экземпляровъ и разсылались отъ министра по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, епархіямъ и губерніямъ въ количествѣ по 50—2000 экземпляровъ; нѣкоторыя издавались въ короткое время по 2—3 раза. Кромѣ книгъ, выходили еще мистическіе журналы: Другъ юношества Невзорова (1807—1815), Духовный годъ жизни христіанина (1816—24 книжки) и Сіонскій Вѣст-

никъ, изданіе котораго было возобновлено Лобзинымъ въ 1817 г. по желанію самого государя, въ концѣ 1816 года пожаловавшаго Лабзину орденъ Владиміра 2 степени „за изданіе духовныхъ книгъ“. Журналъ этотъ, вышедшій въ свѣтъ съ тенденціознымъ посвященіемъ „Господу I. Христу вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ“ (1817 г. 9 кн. и 1818—6 кн.), имѣлъ множество подписчиковъ, во главѣ которыхъ стояли самъ государь, в. кн. Константинъ и кн. Голицынъ; изъ духовенства его выписывали всѣ архіереи, архимандриты, всѣ семинаріи и академіи (одна петербургская выписывала 11 экз.) и множество священниковъ; —выходъ каждой книжки журнала ожидался съ нетерпѣніемъ, потому что всѣ статьи его писались увлекательнымъ языкомъ, съ душою, поражали возвышенностію и новизной религіозныхъ воззрѣній и этими качествами рѣзко отличались отъ всѣхъ прежнихъ произведеній духовной литературы. По развитію мистическихъ идей Сіонскій Вѣстникъ можетъ считаться главнымъ и наиболѣе выразительнымъ органомъ русскаго мистицизма, по которому всего удобнѣе и даже полнѣе можно изучать всѣ отличительныя стороны послѣдняго.

Мистицизмъ съ самаго начала, еще съ XVIII в., явился у насъ въ качествѣ направленія, противодѣйствовавшаго съ одной стороны непомѣрному развитію вольнодумства, основаннаго на сухомъ, чисто разсудочномъ отрицаніи всего вышечувственнаго и всякой религіи, съ другой—слишкомъ узкому, чувственно—обрядовому направленію религіозности, господствовавшему въ большинствѣ благочестивой публики. Сообразно съ этимъ онъ поставилъ себѣ задачею съ одной стороны совсѣмъ устранить въ дѣлѣ религіи всякія мудрованія человѣческаго разума, направленныя не только противъ нея, но и въ ея пользу, и основать ее на одномъ откровеніи и вѣрѣ, съ другой—показать ея истинную возвышенную сущность, тотъ „внутренній путь“, о которомъ писалъ Ѳеофилакту Сперанскій. Потреб-

ность удовлетворенія той и другой задачѣ чувствовалась очень живо самою русскою церковію и выразилась умноженіемъ въ концѣ XVIII столѣтія полемическихъ книгъ противъ вольнодумцевъ и изданіемъ по распоряженію м. Гавріила замѣчательной книги Добротолюбіе (1793), составленной изъ сочиненій разныхъ отцевъ и иноковъ греческой церкви созерцательнаго направленія и представляющей собою прекрасный обращикъ чистой, православно-церковной мистики. Но для развитія своихъ мистическихъ понятій наши мистики не удовольствовались этою книгою, не удовольствовались и другими, давно уже извѣстными въ русской письменности переводами св. отцовъ того же направленія,—Макарія египетскаго, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника, Максима исповѣдника, Григорія Синаита, Симеона новаго богослова, и давно тоже извѣстною книгою своего русскаго подвижника—созерцателя, Нила Сорскаго, а по общей привычкѣ всѣхъ нашихъ преобразователей и передовыхъ людей обратились за христіанской мистикой на сторону, за границу, откуда явилось къ намъ и самое вольнодумство, гдѣ мистика эта казалась имъ болѣе высокой пробы, и впали въ ученія странныя и чуждыя православію.

Отрицательная сторона мистической проповѣди, представлявшая яркія картины современнаго вольнодумства и сильныя обличенія противъ лжеименнаго разума, могла справедливо нравиться духовенству и всѣмъ благочестивымъ людямъ, за исключеніемъ изъ нея развѣ нѣкоторыхъ крайнихъ мнѣній, наприм. о близкой кончинѣ міра, время которой, согласно исчисленіямъ Бенгеля и Ю. Штиллига, Сіонскій Вѣстникъ полагалъ между 1806 и 1836 гг. Отрицаніе участія разума въ дѣлѣ вѣры было настоящимъ исходнымъ пунктомъ мистицизма и проводилось въ С. Вѣстникѣ съ первой же его книжки 1806 г. (въ статьѣ о религіи). Негодность разума въ этомъ дѣлѣ, по словамъ Вѣстника, сознавали мудрые во всѣ времена исторіи, сознавали Сократъ, Платонъ, Кантъ и самъ Бэйль,

свидѣтельствовавшій, что разумъ есть начало разрушающее, а не созидающее, способенъ раждать только сомнѣнія и показывать только нужду въ иномъ открытіи (т. е. откровеніи). Необходимость откровенія указывается затѣмъ въ сознаніи всѣхъ народовъ, выражавшемся въ разныхъ миѳахъ о богахъ, сходившихъ на землю и учившихъ людей. Въ нѣсколькихъ статьяхъ, особенно въ статьяхъ О религіи, О философіи (1806) и Духъ и истина (1818), развивается мысль, что откровеніе, единственный источникъ религіи, дается не разуму естественному, который обращенъ всецѣло къ міру физическому и не можетъ разумѣть, яже суть Духа Божія, а разуму духовному, который непосредственно обращенъ къ міру духовному, непосредственно созерцаетъ незаходимый свѣтъ и прямо отъ него получаетъ свои озаренія. Этотъ разумъ въ сердцѣ человѣка, которое есть престолъ души и единственное вмѣстилище самооткрывающагося человѣку Божества, внутренняго Слова. Познаніе мозговое состоитъ въ образахъ вещей и есть мертвое; познаніе сердечное состоитъ въ чувствахъ, производимыхъ самими вещами, а потому есть опытное, живое, какое и нужно для религіи, ибо оно есть вмѣстѣ и вѣра, и любовь, и блаженство. Нужно только, чтобы сердце было чисто, чтобы упавшее въ него зерно благодати не заросло терніемъ знанія.

Участіе разума даже вредитъ религіи, мѣшая своими плотскими мудрованіями чистотѣ непосредственнаго, сердечнаго созерцанія Божества; поэтому первый актъ религіи—это отреченіе отъ разума. Никодимъ могъ бы стать апостоломъ, но ученость его въ томъ ему мѣшала, потому что ученому трудно отречься отъ своихъ понятій и дѣтски предаться водительству Духа, а Господь сказалъ: „аще не будете яко дѣти, не внидете въ царствіе небесное“. Поэтому Господь и не избиралъ въ апостолы ученыхъ, потому что они исказили бы Его ученіе своими понятіями изъ разума. Отъ вмѣшательства разума въ тайны вѣры

произошли всѣ расколы, ереси и всѣ разности церквей и сектъ. Въ статьѣ О раздѣленіяхъ между христіанами (1817 г. окт.) С. Вѣстникъ проводитъ именно ту мысль, что всѣ существующія церкви и секты держатся въ своемъ взаимномъ раздѣленіи единственно вслѣдствіе гордости разума, который своими мудрованіями о догматахъ и тайнахъ вѣры у всѣхъ у нихъ исказилъ единое истинное христіанство, возвѣщающее смерть плотскому мудрованію разума. „Въ св. Писаніи мы не видимъ никакихъ условій со стороны понятій о вещахъ божественныхъ. Христосъ не требовалъ, чтобы всѣ право мыслили, но чтобы право поступали“. Дальнѣйшее прямолинейное продолженіе такого широкаго отрицанія разума вело очевидно къ совершенному отрицанію въ религіи и догматическаго, и обрядоваго, и нравственно-законоположительнаго, и всякаго вообще опредѣленно — обязательнаго содержанія. Все это, по мнѣнію мистиковъ, принадлежность несовершенной, удалившейся отъ истиннаго христіанства или еще не возвысившейся до него, раздѣленной на секты церкви внѣшней. „И сей-то нисшій класъ собственно едва оглашенныхъ многочисленностью своею хочетъ подавить классъ вышній, думаетъ и утверждаетъ, что кромѣ ихъ сословія нѣтъ истинной церкви, ни Богу угоднаго человѣка и что Богъ ни въ комъ не можетъ возставить образа своего, не сдѣлавъ человѣка того ихъ секты,—или католикомъ, или лютераниномъ, или реформаторомъ“. Въ статьѣ—Что есть собственно христіанство, С. Вѣстникъ (1806) сообразно съ этимъ опредѣлялъ, что истинное, неискаженное христіанство состоитъ не въ различіи догматовъ, не въ холодной вѣрѣ, не въ исполненіи обрядовъ, не въ нѣкоторыхъ только чувствахъ и ощущеніяхъ, не въ крестѣ, страданіи, бореніяхъ, искушеніяхъ, даже не въ исполненіи нравственнаго закона, а въ полномъ отреченіи отъ себя и во внутреннемъ соединеніи сердца нашего съ Христомъ, въ томъ, чему именно и учитъ истинная мистика.

Мистика, по объясненію С. Вѣстника, есть ученіе о таинственномъ общеніи души съ Богомъ, когда Богъ созидаетъ въ сердцѣ человѣка храмъ Свой, въ которомъ живетъ духъ Его. Нынѣшніе учители представляютъ Христа учителемъ, который, находясь внѣ насъ, учитъ насъ, что есть добро, а не говорятъ, что Онъ долженъ быть въ насъ и самъ совершать въ насъ добрыя дѣла. Не довольно исповѣдовать Христа устами, надобно имѣть Его въ сердцѣ: Онъ хощетъ вселиться въ насъ, мыслить, дѣйствовать въ насъ и претворить насъ въ новыхъ божественныхъ человѣковъ. Вотъ ученіе мистиковъ, и это ученіе есть внутренность, чистѣйшая сущность христіанства, основаннаго самимъ Христомъ и его апостолами. Поэтому нѣтъ на свѣтѣ ни одной религіозной книги, которая бы показывала истинную религію, кромѣ книгъ мистическихъ, и нѣтъ ни одной церкви, не исказившей этой религіи человѣческими выдумками невѣжества или земной мудрости, кромѣ внутренней, невидимой церкви избранныхъ, мистиковъ, о которой говорили и Лопухинъ, и Лабзинъ, и переводныя мистическія книги въ родѣ Побѣдной повѣсти Штиллинга или Божественной философіи Дю Туа. Въ Побѣдной повѣсти русскіе мистики читали, что свѣтильникъ самой греческой церкви уже сдвинутъ съ мѣста за ея крайнее повреждение и что свѣтъ истины мерцаетъ лишь у христіанъ изъ меннонитовъ, піетистовъ, методистовъ и квакеровъ, которые и составятъ въ скоромъ времени единую внутреннюю церковь ѳіатирскую или филадельфійскую. Сіонскій Вѣстникъ съ своей стороны высказывалъ величайшее уваженіе къ гернгутерамъ (въ ст. Да исправится молитва моя—1806 г.) и квакерамъ (въ ст. О догматахъ квакеровъ—1817). Эта внутренняя, духовная церковь избранныхъ или мистиковъ и есть та единая истинная церковь, на основахъ которой основанъ св. Союзъ, провозгласившій, что христіане должны составлять одно семейство. Она не знаетъ иныхъ догматовъ, кромѣ догмата о возрожденіи и соединеніи человѣка съ

Богомъ, не знаетъ никакихъ иныхъ раздѣленій, кромѣ раздѣленія ветхаго человѣка отъ новаго. У нея одна цѣль—нова тварь о Христѣ; все остальное для нея не имѣетъ важности.

Развивая этотъ религіозный универсализмъ или сенкретизмъ, какъ называлъ его Евгеній Болховитиновъ, С. Вѣстникъ въ статьяхъ о религіи и философіи (1806), согласно съ западными мистиками, доказывалъ, что истинная христіанская религія существовала во всѣ времена, начиная съ сотворенія міра, и имѣла основаніемъ своимъ одинъ и тотъ же свѣтъ божественный, открывавшійся свѣтоспособнымъ людямъ въ книгѣ природы, въ писанномъ законѣ, прообразованіяхъ, іероглифахъ, жреческихъ священнодѣйствіяхъ, миѳахъ, таинствахъ мудрыхъ или древнихъ мистеріяхъ и пр. Въ новую эпоху въ Евангеліи эта единая религія открылась только яснѣе и полнѣе. „не въ прообразованіяхъ, а въ событіи, въ самомъ существѣ, какъ то ап. Павелъ въ своемъ посланіи къ евреямъ говоритъ, что все то, что порознь и подъ разными формами или образами было сообщаемо Богомъ прежде чрезъ разныхъ пророковъ, нынѣ все то Богъ явилъ вкупѣ, въ единствѣ, въ Сынѣ Своемъ... Симъ образомъ мы можемъ уразумѣть, отъ чего у Платона встрѣчаются такія понятія, такія истины, которыя христіанинъ долженъ признать за святѣйшія“.

Сведя всю религію къ одной идеѣ возрожденія и соединенія съ Божествомъ, наши мистики, по слѣдамъ своихъ учителей, очень много занимались изъясненіемъ разныхъ способовъ и степеней, по которымъ совершается этотъ важнѣйшій актъ религіозной жизни. Эти способы и степени подробно изображены въ созерцальныхъ и аскетическихъ твореніяхъ св. отцевъ и были хорошо извѣстны, напримѣръ хоть изъ Добротолюбія, но наши мистики въ этомъ случаѣ слѣдовали болѣе сочиненіямъ западныхъ мистиковъ, отъ того постоянно смѣшивали въ своихъ книгахъ чистое съ нечистымъ, опыты истиннаго дѣятельнаго христіанства и духовныхъ созерцаній св. подвижниковъ съ фанта-

стическими бреднями какой нибудь французской квіетистки Гіонъ или экстатическими откровеніями и видѣніями разныхъ нѣмецкихъ пророковъ. С. Вѣстникъ посвятилъ этому коренному предмету мистицизма нѣсколько статей и между прочимъ рядъ специальныхъ статей подъ названіемъ—Духъ и истина. Степени восхожденія духа до соединенія съ Божествомъ у разныхъ мистическихъ авторовъ перечисляются разныя и не въ одинаковомъ числѣ, но у всѣхъ у нихъ въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ замѣтна одна черта, рѣзко отличающая эти разсужденія отъ опытныхъ указаній чистой святоотеческой мистики. Между тѣмъ какъ послѣдняя преимущественно останавливается на предварительныхъ низшихъ степеняхъ по пути къ духовному совершенству, на степеняхъ скорбнаго духовнаго очищенія, тяжкаго покаянія, самоуничиженія, умерщвленія страстей, дѣятельнаго исполненія заповѣдей, представляя высшія степени духовнаго созерцанія едва достижимымъ идеаломъ, достояніемъ только избранныхъ изъ избранныхъ, модный мистицизмъ спѣшилъ поскорѣе перескочить чрезъ эти степени неизбѣжнаго, но непріятно утомительнаго духовнаго подвига прямо къ высшимъ, сводя всю духовную работу первыхъ къ одному только теоретическому сознанію человѣкомъ своей грѣховности, бездѣятельному сосредоточенію въ себѣ и развитію въ душѣ протестантско-мистическаго упованія на безконечную любовь Божію, а высшія степени считая довольно легкимъ и необходимымъ достояніемъ всѣхъ, кому заблагоразсудится считать себя возрожденнымъ и обновленнымъ, и открывалъ такимъ образомъ свободное поле для всякаго рода религіозныхъ фантасмагорій и самообольщеній къ удовольствію всѣхъ, которые безъ духовнаго опыта непремѣнно торопились сдѣлаться людьми духовными, созерцателями, даже причастниками Божественнаго естества.

Сообразно съ основнымъ положеніемъ мистицизма, что царствіе Божіе внутрь насъ, въ той сердечной силѣ, которая непосредственно обращена къ Бо-

гу, на первыхъ же шагахъ къ возрожденію предписывалось отстранить себя отъ всего внѣшняго, призвать всѣ силы души отъ внѣшняго разсѣянія домой, въ себя, и внимать тамъ внутреннему слову, иначе сказать — вполнѣ предаться потоку субъективныхъ представленій такого содержанія, какое кому кажется духовнымъ. С. Вѣстникъ совѣтуетъ даже „не много при этомъ разсуждать, а смотрѣть только на сердце, воспаляется ли оно тѣмъ болѣе любовію къ Богу. И ежели найдешь въ себѣ сіе доброе дѣйствіе, то съ благоговѣніемъ то прими и не озабочивай себя изслѣдованіемъ, точно ли это такъ или нѣтъ, а старайся держать въ себѣ оное и употреблять, какъ даръ Божій, посланный тебѣ для преспѣянія твоего въ любви къ Богу". Такою же субъективною произвольностію отличаются изображаемые С. Вѣстникомъ признаки первыхъ ощущеній въ душѣ Духа Божія. „Оно подобно тихому вѣянію прохладнаго вѣтерка, призывающаго человѣка къ покою. Иногда предшествуетъ оному буря, огнь, трусъ и трепетъ, но самъ Господь всегда приходитъ въ тихомъ вѣяніи. Возлюбленный братъ! Когда ты послышишь въ сердцѣ своемъ сіе вѣяніе Духа святыни, покрой лице свое, какъ Моисей и Илія, и слушай въ глубочайшемъ смиреніи, что тебѣ внутрь тебя возглаголется. Уйди въ тихое мѣстечко, удались отъ внѣшнихъ предметовъ: только смиреннымъ является Господь, токмо въ молчаніи и вниманіи познаетъ человѣкъ посѣщенія Его". Этотъ библейскій образъ явленія Бога въ духѣ хлада тонка сдѣлался любимымъ у мистиковъ, часто ими описывался и далъ сюжетъ извѣстному стихотворенію тогдашняго поэта Ѳ. Глинки: Исканіе Бога.

Однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ соединенію человѣка съ Богомъ мистики представляли умное дѣланіе или умную молитву и очень много объ этой молитвѣ писали и говорили. Главнымъ авторитетомъ для нихъ въ этомъ случаѣ была г-жа Гіонъ, которую, какъ мы видѣли, цитовалъ даже

Сперанскій. Высшею степенью этой молитвы представляется у нихъ полный покой созерцанія,—западный квіетизмъ или безмолвіе восточныхъ исихастовъ, когда въ душѣ не бываетъ ни словъ, ни мыслей, ни прошеній, ни даже сознанія своего я, когда она всецѣло погружается въ таинственный божественный мракъ, равный неизреченному свѣту Божества, состояніе упраздненія всякой человѣческой самостоятельности, состояніе полной духовной нищеты, безусловно пассивнаго погруженія въ Божество, а потому и чистѣйшей, безкорыстнѣйшей любви къ Богу безъ страха вѣчныхъ мукъ и безъ всякой мысли о своемъ личномъ спасеніи. Но и эта высшая степень созерцанія, почти тождественная у мистиковъ уже съ самою высшею степенью возрожденія и соединенія съ Богомъ, является по ихъ представленіямъ вовсе не христіанскимъ, а общечеловѣческимъ состояніемъ религіознаго экстаза, одинаково свойственнаго всѣмъ вообще религіямъ, кромѣ развѣ религій совершенно чувственнаго характера. „Этой духовной молитвой", какъ писалъ Сперанскій въ письмѣ къ Броневскому, „молятся въ Индіи и здѣсь въ Саровской пустыни, ибо о Христѣ Іисусѣ нѣсть ни іудей, ни эллинъ, но все нова тварь". Послѣ этого разныя фразы, которыми мистики описывали эту молитву, заимствованныя ими изъ христіанской терминологіи, наприм. фразы сотрудницы Лабзина Хвостовой, называвшей ее „бесѣдою живущаго въ душѣ Сына съ превѣчнымъ Отцемъ", оказываются очевидно лишь аллегоріей, въ которой подъ Сыномъ разумѣется мистическое внутреннее слово, не имѣющее ничего общаго съ ѵпостаснымъ Словомъ Божіимъ, хотя и отождествляемое съ Нимъ у всѣхъ мистиковъ.

Не мудрено, что, занявшись исключительно „внутренними путями" къ христіанскому совершенству, мистицизмъ не любилъ обращать вниманія на необходимые пути внѣшніе, на внѣшній подвигъ, на указанія внѣшняго откровенія и руководство внѣшней церкви, вообще на все, что мѣшало его субъективнымъ мечтаніямъ и указывало ему на опредѣленное обяза-

тельное содержаніе настоящаго, а не фантастическаго христіанства. С. Вѣстникъ прямо говорилъ, что религія не въ частныхъ добродѣтеляхъ, и въ одной статьѣ (О чтеніи дух. книгъ 1806 г.) сдѣлалъ рѣзкую выходку противъ монашескаго аскетизма, который, по его словамъ „забавляется постомъ, поклонами, власяницами, веригами и прочимъ сему подобнымъ внѣшнимъ"... „Тогда не было еще монастырей, когда помѣщики Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Іовъ и проч., угодили Богу". Съ внѣшнею церковію у нихъ совсѣмъ было порѣшено: есть одна церковь внутренняя, а внѣшняя, какъ говорится въ статьѣ О союзѣ Бога съ человѣкомъ (С. В. 1818 г. № 1),—это толпа оглашенныхъ, нисшихъ христіанъ, имѣющая видъ и наказаніе грѣха, подобная Іову на гноищѣ. Для соединенія человѣка съ Богомъ нѣтъ надобности ни въ „содѣйствіи лжетрудниковъ духовныхъ", ни въ какомъ либо иномъ посредствѣ, будетъ ли то молитва церкви или ходатайство святыхъ, кромѣ Ходатая единаго (1806, іюнь). Возрожденіе зависитъ отъ одной свободной воли человѣка. Въ статьѣ О состояніи человѣка на землѣ приводится мысль, что мы не имѣемъ права думать, что воля наша и раждается уже развращенною, и „обращать проступки наши въ вину прародителямъ", т. е. отрицаются слѣдствія первороднаго грѣха и извращается самая идея догмата объ искупленіи. Послѣ этого церковь, чрезъ свои таинства усвоивающая вѣрующимъ плоды всемірной тайны искупленія, оказывалась, разумѣется, совершенно не нужной и со всѣми своими таинствами.

Съ такой точки зрѣнія таинство крещенія представлялось мистицизму только обрядовымъ символомъ внутренняго крещенія духомъ. Подъ покаяніемъ мистики разумѣли только процессъ самоиспытанія совѣсти и перемѣну жизни, послѣ чего грѣхи изглаживаются всеочищающей любовію Божіей. Любовь эта представлялась въ такихъ чертахъ, что мистики, какъ обличала ихъ книга Станевича, склонялись даже къ

мысли Оригена о всеобщемъ возстановленіи падшихъ существъ, въ томъ числѣ и самого сатаны, увѣряя, что въ концѣ временъ и онъ долженъ войти во всеобщую гармонію Божественной любви. Евхаристію С. Вѣстникъ (Мысли объ Евхаристіи 1806) называетъ „принятіемъ универсальной тинктуры или духовной тѣлесности Христовой, всю природу неограниченно наполняющей". Эта универсальная тинктура оказывается далѣе не чѣмъ инымъ, какъ пантеистическою божественною жизнью Христа, которая разлита во всемъ Его твореніи, животворитъ самую матерію и всякую вообще пищу. „Вкушающіе оную пищу съ таковымъ понятіемъ и вѣрою, насыщая тѣло свое, обновляютъ и духъ". Такимъ образомъ евхаристическое причащеніе можно совершать всякою пищею, только съ извѣстною мыслью о присутствіи въ ней духовной тѣлесности Христа. Заповѣдуя вкушать Своего тѣла и крови, Христосъ поэтому и сказалъ, что Его слова духъ, т. е. должны быть понимаемы духовно, а плоть не пользуетъ ничтоже.

Отрицаніе всего внѣшняго въ мистицизмѣ простерлось отчасти даже на внѣшнее письменное откровеніе, которое при вѣщаніяхъ внутренняго слова становилось почти не нужнымъ. Въ 1817 г. С. Вѣстникъ цѣликомъ изложилъ на своихъ страницахъ догматы квакеровъ, выражая совершенное съ ними согласіе. „Свящ. книги, по его словамъ, приносятъ только ту пользу читающему, что возбуждаютъ и наставляютъ сердце его внимать внутреннему слову и пріуготовляютъ оное къ принятію ученія, внутрь Христомъ преподаннаго, или, что все одно: св. Писаніе есть нѣмый наставникъ, указующій знаками на живаго Учителя, обитающаго въ сердцѣ". Этотъ живой учитель просвѣщалъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, и тогда, когда внѣшняго Писанія еще вовсе не было, находится и теперь у каждаго человѣка въ совѣсти (О чтеніи книгъ, 1806 г.). Заботы мистиковъ о распространеніи Библіи направлялись къ тому, чтобы этимъ

внѣшнимъ словомъ откровенія возбудить въ народныхъ массахъ вниманіе къ животворящимъ глаголамъ слова внутренняго. Кто внимаетъ этому внутреннему слову, тотъ уже не требуетъ внѣшняго учительства, потому что Слово это само учитъ его о всемъ. Внутреннія озаренія Слова понимались не въ смыслѣ только уясненія и болѣе сердечнаго, живаго воспріятія возрожденнымъ человѣкомъ истинъ единаго истиннаго откровенія —внѣшняго, внѣ котораго не можетъ быть еще никакого иного истиннаго откровенія, аще и ангелъ благовѣститъ, а въ смыслѣ именно такихъ невозможныхъ новыхъ откровеній, составляющихъ достояніе только избранныхъ и недоступныхъ толпѣ, именуемой внѣшнею церковію. Въ самой Библіи возрожденные видятъ больше, чѣмъ внѣшняя церковь, коснѣющая на одномъ буквальномъ смыслѣ текстовъ, видятъ глубокій таинственный смыслъ. Отъ того въ мистическихъ объясненіяхъ Библіи, въ родѣ объясненій г-жи Гіонъ или Божественной Философіи Дю—Туа, постоянно употреблялось толкованіе текстовъ исключительно въ таинственномъ смыслѣ съ произвольнымъ примѣненіемъ ихъ къ ученію о возрожденіи, при чемъ все буквальное содержаніе Библіи, и догматическое и нравственное, и вся библейская и евангельская исторія превращались въ сплошную аллегоріею субъективной жизни возрожденнаго христіанина, самъ Христосъ евангельскій совершенно заслонялся Христомъ внутреннимъ и превращался въ чисто психологическое понятіе.

Внутреннее слово у мистиковъ вообще постоянно отождествлялось съ Словомъ Божіимъ ипостаснымъ, —это одно и тоже Слово, Христосъ. Ему приписывалось поэтому троякое рожденіе: превѣчное отъ Отца, временное однократное—отъ Дѣвы Маріи и временное постоянное—въ каждой христіанской душѣ. Процессъ послѣдняго рожденія тожественъ съ процессомъ перваго и составляетъ высшую форму, въ какой Богъ является въ отдѣльной душѣ. Мистики, занимавшіеся теософическимъ изученіемъ природы, прибавляютъ (Ле-

пухинъ О внутр. церкви) еще новую черту въ опредѣленіи Слова, открывая „въ самой послѣдней изъ тварей образъ воплощеннаго Слова, образъ всѣхъ Его таинствъ, зачатія, рожденія и всего хожденія Его въ мірѣ“, потому что Оно же воплотилось и въ природѣ, гдѣ повсюду разлита Его все животворящая духовная тѣлесность. Въ своей Бесѣдѣ на гробѣ младенца Станевичъ, опровергая мистиковъ, говоритъ, что они, хвалясь своей наукой числъ, сами преткнулись о камень ея; они забыли, что двѣ величины равныя третьей равны между собою и что, если Христосъ есть Слово Божіе, и натура тоже Слово Божіе, то слѣдовательно ихъ Христосъ и натура суть одно и тоже.

Исторія внутренняго Слова у мистиковъ изображалась въ полной параллели съ Евангельской исторіей. Оно раждается въ душѣ незамѣтно, въ ясляхъ, отъ бѣдной, горькой Маріи, но это скромное рожденіе есть истинная великая эра для каждаго возрожденнаго, какъ рождество Христа есть эра для всѣхъ христіанскихъ народовъ. Отселѣ человѣкъ уже не самъ начинаетъ жить, но живетъ въ немъ Христосъ. „Кто о семъ ничего не вѣдаетъ, говоритъ С. Вѣстникъ, тотъ столько же удаленъ отъ истиннаго христіанства, какъ турокъ или язычникъ“. Послѣ своего незамѣтнаго рожденія въ душѣ вѣрующаго Христосъ становится для него мало по малу все ощутительнѣе, возрастаетъ, укрѣпляется, затѣмъ учитъ, творить чудеса, преображается, страдаетъ, воскресаетъ, является во славѣ, пока вѣрующій съ непостижимой для себя радостію не узритъ Его наконецъ во всей Его силѣ и не воскликнетъ: „такъ это Онъ, Господь мой и Богъ мой“! Высшая степень совершенства для человѣка — это пріискреннее общеніе съ Богомъ, обоженіе человѣка, составляющее конечную цѣль всей тайны искупленія, которая въ томъ и состоитъ, что Богъ принялъ наше естество, чтобы сдѣлать насъ причастниками Своего естества. Цѣль эта достигается отчасти еще въ настоящей жизни, — сектантская мистика утверждала даже, что достигается вполнѣ и человѣкъ прямо дѣ-

лается Христомъ, Богомъ. Доходили ли до такого крайняго убѣжденія простые мистики, сказать нельзя, но они всѣ приписывали возрожденному человѣку необычайно высокія свойства.

Нравственное состояніе возрожденнаго, по ихъ ученію, до того возвышенно, что онъ уже не можетъ грѣшить и не дѣлать добра. Онъ непрестанно ходитъ предъ Богомъ и въ Богѣ, желаетъ и дѣлаетъ только то, что внушаетъ ему и дѣлаетъ чрезъ него внутреннее Слово. Онъ превыше закона, потому что самъ себѣ становится закономъ. „Дѣйствующу Іисусу въ душѣ возрожденнаго, говоритъ Лопухинъ, весь ея подвигъ долженъ состоять только въ бездѣйствіи, въ преданности Духу Дѣйствующаго". Отсюда оставался одинъ только шагъ къ извѣстному въ духовныхъ сектахъ положенію, что для такого человѣка самый грѣхъ уже не есть грѣхъ и что все, что онъ ни дѣлаетъ, есть одно добро, проистекающее отъ влеченія живущаго въ немъ Духа Божія. Далѣе, мистицизмъ приписывалъ возрожденнымъ необычайное нравственное и физическое могущестро, силу пророчествъ, знаменій и чудесъ. Отъ того С. Вѣстникъ охотно помѣщалъ на своихъ страницахъ многочисленныя извѣстія о чудесныхъ изцѣленіяхъ и нравственныхъ превращеніяхъ, совершавшихся надъ разными коллежскими совѣтниками и другими штабъ-и-оберъ-офицерскаго чина людьми, о пророчествахъ и видѣніяхъ, случившихся въ Россіи и за границей, о магнетическихъ сеансахъ и т. п. Наконецъ мистики приписывали возрожденнымъ высочайшее вѣденіе вещей божескихъ, человѣческихъ и изъ области натуры. Для того, чтобы знать предметъ, говоритъ С. Вѣстникъ, нужно самому стать этимъ предметомъ, жить его жизнію, нужно, чтобы предметъ родился въ насъ; думать, что разумному существу можно отвнѣ сообщить какое либо знаніе, которое не есть произведеніе его собственной жизни, такъ же безразсудно, какъ помышлять выростить дубъ съ его вѣтвями внѣ земли и приставить его потомъ къ корню, выросшему изъ земли.

Поэтому только тотъ можетъ познавать Бога, у кого Богъ родился въ душѣ и кто живетъ Его жизнію; по мѣрѣ возрастанія въ немъ жизни Божіей возрастаетъ и его познаніе Бога. Точно такъ же вѣденіе натуры возможно только тогда, когда въ насъ раждается Слово—творецъ, верховная идея и основа всей натуры. Только уйдя отъ міра и соединившись съ Богомъ, войдешь въ то, изъ чего міръ произошелъ, войдешь въ самое таинство натуры, о которомъ особенно пространно толковали Путь ко Христу Бема, творенія Эккартсгаузена и Божественная философія Дю-Туа. Вещи, каковы онѣ суть, только и можно знать въ Богѣ; въ Немъ духъ возрожденнаго зритъ самую истину вещей, а не одни ихъ образы и формы, только и доступныя для жалкаго естественнаго разума. Къ этимъ идеямъ мистицизма легко прививались и старая масонская теософія, и стремленіе къ изученію разныхъ тайныхъ знаній древнихъ и новыхъ мудрецовъ, которыми особенно любили заниматься Лопухинъ и Лабзинъ.

Изучая природу съ специфическою цѣлью открывать въ ея предметахъ и явленіяхъ отображеніе вещей духовныхъ, образъ самого Слова и всѣхъ Его таинствъ, зачатія, рожденія, земной жизни, страданій, смерти и проч., теософія поступала съ природой совершенно такъ же, какъ мистицизмъ вообще—съ Библіей, обращая всѣ ея предметы и явленія въ аллегоріи и символы на основаніи своихъ произвольныхъ измышленій и мечтаній, и становилась въ такое же отношеніе къ естественнымъ наукамъ, какъ мистицизмъ къ богословской. При этомъ любители теософіи, носясь съ своимъ совершеннымъ познаніемъ всѣхъ вещей въ самомъ Богѣ, обнаруживали такое невѣжество въ естественныхъ наукахъ, которое у людей истинно ученыхъ, не мечтавшихъ въ микрокосмѣ или микротеѣ-человѣкѣ увидать самую сущность макрокосма и макротея, а скромно трудившихся надъ изученіемъ самыхъ фактовъ естествознанія, возбуждало только сострадательную улыбку. Опираясь на авторитеты средневѣковыхъ астрологовъ и алхимиковъ, считая Пара-

цельса выше Лавуазье, Бема выше Кеплера, ссылаясь даже на миѳическаго Меркурія Трисмегиста, теософы въ родѣ Лопухина горячо порицали астрономовъ за то, что они насчитали на небѣ планетъ болѣе таинственнаго числа седми, на которомъ теософія основывала такъ много своихъ остроумныхъ соображеній, бранили физиковъ и химиковъ за то, что они отвергли старое ученіе о четырехъ стихіяхъ, надѣлили науку „какими-то газами, т. е. словами, не имѣющими ни силы, ни значенія“. Нападки ученыхъ на невѣжество обожаемыхъ мистиками авторитетовъ, начавшіяся еще въ XVIII столѣтіи и продолжавшіяся почти до министерства Голицына, они могли опровергать только такими туманными и странными тезисами, какъ наприм. Невзоровъ, вступившійся въ своемъ Другѣ юношества (1813 г.) за Эккартсгаузена, котораго за его книгу о фосфорной кислотѣ С.-петербургскій Вѣстникъ 1812 г. уличалъ въ кругломъ невѣжествѣ и шарлатанствѣ: Эккартсгаузенъ де могъ лучше знать химію и созерцать тайны природы, чѣмъ всѣ французскіе химики и естествовѣды, потому что, какъ христіанинъ возрожденный, былъ водимъ высшимъ свѣтомъ. Вслѣдствіе увлеченія премудростію разныхъ Эккартсгаузеновъ къ теософіи старались приспособить даже математику. Профессоръ математики въ казанскомъ университетѣ въ попечительство Магницкаго защищалъ магію и каббалистику и искалъ въ математическихъ законахъ и формулахъ указаній на христіанскіе догматы и образовъ верховнаго Геометра—зиждителя вселенной; точка, линія, треугольникъ, крестообразное пресѣченіе линій давали ему поводъ къ высокимъ таинственнымъ толкованіямъ; гипотенуза прямоугольнаго треугольника представлялась, какъ символъ соединенія правды и любви чрезъ единаго Ходатая Бога и человѣковъ и т. д.

Таково было это модное религіозное ученіе, то истинно возвышенное, уносившее духъ въ недосязаемыя сферы религіознаго созерцанія, сближавшееся

съ идеями высокихъ подвижниковъ православной церкви, то впадавшее въ наивныя бредни больной фантазіи, мнимо—возвышенную болтовню нервныхъ экстатиковъ и визіонеровъ,—то доходившее до самой глубины основъ Евангельскаго ученія, то поражавшее рѣшительнымъ отступленіемъ отъ Христовой церкви и крайнимъ еретичествомъ, но постоянно увлекавшее современное общество своею новизною и захватывающею религіозный духъ таинственностію. Не мудрено, что во все время своего распространенія оно постоянно встрѣчало множество и самыхъ увлеченныхъ послѣдователей, и такихъ же увлеченныхъ противъ него враговъ, и что среди такого страстнаго и, можно сказать повальнаго увлеченія религіозныхъ людей въ ту или другую сторону только не многіе изъ нихъ успѣвали сохранить твердое православное самообладаніе, оказались способными отнестись къ новому ученію съ соблюденіемъ мудраго, но въ эпохи такихъ повальныхъ увлеченій чрезвычайно труднаго правила: „Вся искушающе, добрая держите“.

X.

Противники мистицизма. Полемика противъ него. Сила его вліянія. Вліяніе на духовную литтературу. Представители православной мистики. Филаретъ. Сперанскій. Примѣры увлеченія мистицизмомъ между духовными и свѣтскими людьми. Опошленіе мистицизма среди заурядныхъ членовъ русскаго общества. Переходъ мистицизма въ сектантство.

Противники мистицизма не могли высказываться противъ него открыто во все время, пока былъ въ силѣ кн. Голицынъ. Непріятности, какимъ подверглись болѣе откровенные изъ нихъ, Смирновъ, Станевичъ, Иннокентій, были очень сильнымъ предостереженіемъ для всѣхъ, не раздѣлявшихъ религіозныхъ вкусовъ министра и самого государя. Отъ того послѣ упомянутаго сочиненія О. Полубенскаго до книги Станевича (1818) не было напечатано ни одного духов-

наго сочиненія противумистическаго направленія. Самая книга Станевича была напечатана безъ спроса министра и сейчасъ же была запрещена, какъ только вышла въ свѣтъ. Раньше Станевича другой противникъ мистицизма Смирновъ хотѣлъ открыто провести въ печать свое сочиненіе: Вопль жены, облеченной въ солнце, и просилъ на то (1816 г.) дозволенія отъ самого государя, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Сочиненіе его не было напечатано, не смотря на то, что за него стоялъ довольно сильный и уважаемый человѣкъ, начальникъ морскаго корпуса, кн. С. А. Ширинскій—Шихматовъ, впослѣдствіи іеромонахъ Аникита, извѣстный своими религіозными стихотвореніями, и что самъ кн. Голицинъ, когда Стурдза прочиталъ ему рукопись Вопля, не могъ не согласиться съ многими указаніями автора. Станевичъ тоже нашелъ себѣ заступника въ статсъ—секретарѣ у принятія прошеній Кикинѣ, для котораго и написалъ свою Бесѣду на гробѣ младенца; но эта книга съ своими рѣзкими разоблаченіями неправославныхъ сторонъ мистицизма была для мистиковъ еще тяжелѣе Вопля и Кикину пришлось уже хлопотать болѣе о спасеніи самого автора, чѣмъ объ ея дозволеніи. Послѣ этого самые горячіе враги мистицизма должны были затаить свое негодованіе противъ него въ себѣ и могли изливать его лишь въ интимныхъ бесѣдахъ съ единомысленными людьми или въ своихъ домашнихъ запискахъ и критическихъ замѣткахъ на самыхъ книгахъ, нравившихся мистикамъ. Въ 1820 г. противъ мистиковъ рѣшился выступить открыто въ одной своей проповѣди законоучитель кадетскаго корпуса Фотій; смѣлость его сильно поразила тогда петербургское общество и обратила на проповѣдника особенное вниманіе его почитательницы граф. Орловой, которая увидала въ этой смѣлости необычайный православный героизмъ,—но въ томъ же году проповѣдникъ былъ удаленъ изъ Петербурга въ Деревяницкій монастырь. Послѣ сверженія Голицына такъ долго сдерживаемое негодованіе противъ

мистическихъ увлеченій наконецъ нашло себѣ исходъ и прорвалось бурнымъ потокомъ въ запискахъ и письмахъ Фотія, въ приписываемой Ширинскому-Шихматову запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи, въ докладахъ, оффиціальныхъ мнѣніяхъ и запискахъ новаго министра Шишкова и въ представленіяхъ государю м. Серафима. При Шишковѣ же надъ главными мистическими книгами, находившимися подъ особымъ покровительствомъ бывшаго министра, въ первый разъ изреченъ былъ судъ самого св. Синода; были осуждены: 1) Воззваніе къ человѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію Христа, 2) Таинство креста, 3) Путь ко Христу, 4) Побѣдная повѣсть, 5) Письма къ другу и завѣщаніе сыну объ орденѣ свободныхъ каменьщиковъ, 6) Сіонскій Вѣстникъ, 7) Краткія разсужденія о предметахъ жизни христіанской, 8) Сочиненія г-жи Гіонъ, 9) Краткій и легчайшій способъ молиться ея же и 10) Божественная философія. Въ началѣ слѣдующаго царствованія явились и первыя обстоятельныя рецензіи на эти и другія мистическія книги, написанныя по порученію духовнаго начальства разными представителями богословской науки изъ духовенства.

Не встрѣчая себѣ никакого серьезнаго противодѣйствія, даже явно поддерживаемыя самою властью, мистическія воззрѣнія до 1824 г. свободно распространялись во всемъ образованномъ обществѣ, проникали въ преподаваніе съ университетскихъ каѳедръ, въ воспитательную практику разныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ свѣтскую и духовную литературу и искусство. Въ литературѣ они нашли художественное воспроизведеніе въ поэмѣ Хераскова Владиміръ возрожденный, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Ѳ. Глинки, въ разныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ, помѣщавшихся въ С. Вѣстникѣ и Другѣ юношества, отчасти въ стихотвореніи Державина: Христосъ. Религіозной мистикѣ не мало такъ же поработала тогдашняя церковная живопись, выказывавшая особен-

ное расположеніе къ разнымъ тенденціознымъ и аллегорическимъ сюжетамъ на мистическія темы, преимущественно изъ библейскихъ притчей. Въ церковной архитектурѣ вліяніе ея обнаружилось въ размноженіи церквей съ тенденціознымъ посвященіемъ ихъ не во имя уважаемыхъ святыхъ, а Богу Спасителю, Кресту Христову, Рождеству, Преображенію и т. п. Духовное начальство должно было иногда даже останавливать въ этомъ храмостроителей: въ московской епархіи при Августинѣ т. совѣтница Мелиссино просила освятить одинъ свой вотчинный храмъ во имя Бога Вседержителя,—Августинъ распорядился освятить его во имя св. Троицы. Наиболѣе полнымъ выраженіемъ мистическихъ идей былъ проектъ величественнаго храма, который по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ государь вознамѣрился устроить во имя Бога Спасителя въ Москвѣ, которую, какъ говорилось въ высочайшей граматѣ, „всемогущій Богъ избралъ, да страданіями своими избавитъ она не токмо Россію, но и всю Европу, и изъ поруганія храмовъ которой возникло торжество вѣры“.

Проектъ этого храма принадлежалъ художнику Витбергу—мистику и теософу—и имѣлъ цѣлію воплотить въ зданіи основныя идеи христіанской религіи во всей ихъ чистотѣ, свойственной „нашему вѣку“. По мысли слова Божія: „вы есте храмъ Бога жива“, устройство храма въ этомъ проектѣ извлекается изъ устройства самого человѣка. Согласно съ представленіями мистиковъ о троечастномъ составѣ человѣка (духъ, душа, тѣло) и о такомъ же тройственномъ раздѣленіи жизни Спасителя на три періода,—воплощеніе или принятіе на Себя тѣла, преображеніе или возвышеніе тѣла до состоянія тѣла душевнаго и воскресеніе или періодъ тѣла духовнаго, весь храмъ долженъ былъ состоять изъ трехъ ярусовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы особымъ храмомъ,— нижняго во имя Рождества Христова, средняго во имя Преображенія и верхняго во имя Воскресенія, выстроенныхъ по разнымъ формамъ. Формы эти

Витбергъ выводилъ изъ такихъ соображеній. Творца можно представлять точкой, твореніе—описанною изъ этой точки окружностію, отъ нея зависящей и соединенной съ нею безконечнымъ множествомъ линій—радіусовъ, которые, пресѣкаясь въ центральной своей точкѣ, образуютъ кресты—символъ соединенія Единаго со множественностію или твореніемъ. Нижній храмъ —тѣлесный, при самой землѣ, въ видѣ параллепипеда, имѣетъ въ основѣ простѣйшую изъ формъ, входящихъ въ составъ описанной круговой фигуры,—линію; по освѣщенію онъ долженъ представлять мрачную катакомбу; второй храмъ—душевный, высясь надъ первымъ, имѣетъ въ основѣ другую форму, крестъ, изображающій соединеніе тѣла съ духомъ и человѣка съ Богомъ, и освѣщается полусвѣтомъ, обозначающимъ смѣсь добра и зла въ мірѣ; третій, ярко освѣщенный храмъ духовный образуетъ собою кругъ—слѣдствіе креста. Идея Витберга увлекла и государя и Голицына. Въ 1817 г. подлѣ Москвы на Воробьевыхъ горахъ совершено было блестящее торжество закладки новаго храма, но ему не суждено было украшать первопрестольной столицы: грунтъ земли не выдержалъ давленія затѣянной мистиками громадной постройки и возведеніе ея остановилось.

Вліяніе мистицизма отразилось даже въ духовной литературѣ. Отголоски его слышны въ тогдашнихъ проповѣдяхъ, сохранившихся въ многочисленныхъ по духовнымъ семействамъ рукописяхъ и отчасти въ изданныхъ въ печати; многія духовныя лица успѣшно усвоивали языкъ мистиковъ и очень близко подражали статьямъ С. Вѣстника. Изъ печатныхъ проповѣдей мистическимъ пошибомъ отзываются проповѣди священника А. Малова (1822—1824 г.) и м. Михаила Десницкаго. Почтенный святитель, самъ пострадавшій не мало отъ фанатизма мистиковъ, конечно не раздѣлялъ ихъ противоправославныхъ воззрѣній, но складъ его мыслей, образовавшійся еще въ молодости подъ вліяніемъ лекцій Шварца, постоянно склонялъ его къ раз-

работкѣ съ церковной каѳедры темъ, особенно любимыхъ мистиками, о духовномъ рожденіи въ насъ Христа, о степеняхъ восхожденія души въ небесный храмъ Господень и т. п. Направленіе его характеризуютъ отчасти самыя названія его сочиненій и сборниковъ бесѣдъ: Плачъ человѣка христіанина надъ духовнымъ плѣненіемъ Израиля, Изображеніе ветхаго, внѣшняго, плотскаго,—и новаго, внутренняго, духовнаго человѣка, О внутреннемъ состояніи человѣка, Трудъ, пища и покой духа человѣческаго. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ мистическія изданія были почти обязательнымъ чтеніемъ воспитанниковъ. Въ петербургской академіи студенты, по свидѣтельству Фотія, зачитывались Ю. Штиллингомъ, „иновѣрцемъ бѣснымъ". Академическій журналъ Христіанское Чтеніе, первый по времени дух. журналъ, начавшій издаваться съ 1821 г., года два или три своимъ направленіемъ близко напоминалъ С. Вѣстникъ. Подобно послѣднему онъ очень много говорилъ о чудесныхъ дѣйствіяхъ Слова Божія, чудесныхъ изцѣленіяхъ разныхъ лицъ, обращеніяхъ къ жизни о Христѣ и т. п. (Статьи 1821 г.: Сила слова Божія, Чудесныя приключенія съ однимъ негромъ, Чудесное изцѣленіе одной дѣвицы въ Нижнемъ, Сила молитвы, Чудесное изцѣленіе одного инвалида, Обращеніе одного проповѣдника; въ 1822 г.: Благотворныя дѣйствія отъ чтенія Новаго Завѣта, Чудесное изцѣленіе и т. д.). Большая часть его статей занята разрѣшеніемъ вопросовъ о возрожденіи, о степеняхъ и плодахъ его, о молитвѣ, чистой любви, отношеніи возрожденнаго къ внѣшнему закону и другихъ предметахъ, занимавшихъ современный мистицизмъ (1821 г.: Назидательныя мысли и чувствованія, Напоминаніе о всеобщемъ соединеніи христіанъ для молитвы и испрошеніи изліянія св. Духа, Блаженство доставляемое молитвой, О кн. Пѣснь Пѣсней, Праведнику законъ не лежитъ; 1822: О различіи состоянія подъ закономъ и благодатію, О различіи между плотію и духомъ, О преданіи себя чистой любви, Письмо о 7 степеняхъ,

на которыхъ должно видѣть единственно Бога во Христѣ, а себя забыть и не видѣть и проч.). Въ статьѣ 1821 года: Древность христіанства, встрѣчаемъ мысли, даже прямо выражающія религіозный мистическій универсализмъ. „Христіанство, говорится здѣсь въ заключеніи, есть единая истинная религія, равняющаяся міру своею древностію, а главные источники онаго суть всѣ писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Іудейство въ собственномъ смыслѣ есть нѣчто посредствующее. Относящееся къ обрядамъ и др. гражданскимъ и церковнымъ постановленіямъ имѣетъ для него историческое достоинство, а все прочее такъ же принадлежитъ къ христіанству, какъ Евангеліе отъ Іоанна и посланія Павла. Можно надѣяться, что писанія пророковъ Исаіи, Іезекіиля, Даніила теперь скоро возвратятъ должное себѣ уваженіе, которое со времени І. Христа было у нихъ похищено. Читающій да разумѣетъ!“ Мистическій вкусъ замѣтенъ отчасти въ выборѣ статей даже переводнаго святоотеческаго отдѣла Христіанскаго чтенія, въ переводахъ изъ Симеона Новаго Богослова, Антонія Великаго, Исаака Сирина, Марка подвижника, Ѳалассія и Діонисія Ареопагита (Письма и о Таинств. богословіи).

Духовная литература разработывала впрочемъ уже сглаженный видъ мистицизма, болѣе или менѣе примиренный съ требованіями православной церкви и переходящій уже въ чисто-православную мистику святоотеческаго характера. Къ числу представителей этого очищеннаго мистицизма въ описываемое время принадлежалъ Филаретъ московскій. Искренній почитатель его Сушковъ со словъ его самого разсказываетъ, что съ молоду все таинственное плѣняло его возвышенный умъ и воображеніе, что по пріѣздѣ его изъ Москвы на службу въ Петербургъ не только кн. Голицынъ и Лабзинъ, но даже м. Амвросій, Ѳеофилактъ и Михаилъ наводили его вниманіе на труды Сведенборга, Эккартсгаузена, Штиллинга и Гіонъ и что близкое знакомство съ представителями мистицизма не

осталось для него безъ слѣда; по его желанію для него нарочно были переведены съ незнакомаго ему нѣмецкаго языка Превотскія видѣнія (мечтанія ясновидящей), о которыхъ очень много тогда говорили; онъ съ уваженіемъ отзывался о Лабзинѣ, хотя и видѣлъ особенности его религіознаго направленія и пробовалъ даже уговаривать его воздержаться отъ нихъ и отъ изданія нѣкоторыхъ мистическихъ книгъ. „Всякая птица своимъ голосомъ Бога хвалитъ", отвѣчалъ на его рѣчи Лабзинъ и продолжалъ свое дѣло. Послѣ 1812 г., когда въ русскомъ обществѣ открылось быстро усиливавшееся религіозное мистическое движеніе, Филаретъ съ радостію привѣтствовалъ это движеніе, видя въ немъ, какъ онъ тогда же высказался м. Амвросію, начало къ водворенію царства Божія на землѣ; престарѣлый митрополитъ почелъ тогда нужнымъ даже нѣсколько охладить его радость, замѣтивъ ему: „Подожди, что будетъ, — ты еще не опытенъ". Не мудрено, что при такомъ настроеніи онъ никакъ не могъ сойтись съ Ѳеофилактомъ, человѣкомъ совсѣмъ другаго строя мыслей, и за свои первыя проповѣди подвергся отъ него обвиненію въ пантеизмѣ. Обвиненія въ пантеизмѣ и франкмасонствѣ преслѣдовали его и потомъ и завершились крайне тяжелымъ униженіемъ его при Шишковѣ, хотя ни одинъ изъ его порицателей не могъ бы серьезно поддержать своихъ обвиненій при болѣе внимательномъ разборѣ самыхъ его словъ, какъ это и обнаружилось при разборѣ его первой проповѣди въ Петербургѣ. Въ Исторіи словесности Галахова представлены подробныя извлеченія изъ первыхъ словъ Филарета, которыя могутъ напоминать отчасти мысли тогдашняго мистицизма, какъ-то: изъ двухъ словъ на Рождество 1811 и 1812 гг. о самоуничиженіи, какъ пути къ рожденію въ насъ Христа, изъ слова 1812 г. на освященіе храма въ домѣ Голицына о внутреннемъ храмѣ, изъ бесѣды 1814 г. на текстъ: „Коль возлюбленна селенія Твоя", о томъ, что соединяющіеся съ Богомъ еще на землѣ

могутъ отчасти испытывать блага, которыя обѣщаны въ небѣ, и даже такое „восхищеніе, котораго по видимому самыя небеса не вмѣщаютъ", наконецъ изъ знаменитаго слова 1813 г. на в. пятокъ приведены даже примѣры довольно близкаго подражанія,—отъ словъ: „Кто измѣритъ всемірный сей крестъ", до словъ: „Долго носилъ Іисусъ крестъ свой",—14-й главѣ Таинства креста, а потомъ далѣе до словъ: „Она была прискорбна даже до смерти", бесѣдѣ Дю-Туа на в. четвергъ во II ч. Бож. Философіи. Но эти же самыя мѣста показываютъ и всю неизмѣримую разницу между высокими православными идеями знаменитаго витіи и увлеченіями разныхъ Бемовъ и Дю-Туа. Сильный діалектическій анализъ, необычайная внимательность къ себѣ, къ каждой своей мысли, къ каждому выраженію, рѣдкая осторожность и самообладаніе, составлявшія отличительныя черты его характера съ ранней молодости, давали ему возможность болѣе, чѣмъ кому либо изъ современниковъ, отнестись къ современнымъ увлеченіямъ сознательно, критически и, искушая все, удерживать только доброе. Все вліяніе на него этихъ увлеченій ограничилось лишь тѣмъ, что давало ему побужденія въ свое время чаще устремлять свою мысль въ глубины и высоты православной мистики, чѣмъ онъ дозволялъ себѣ это въ послѣдующее время, и создать нѣсколько образцовыхъ ораторскихъ опытовъ въ этомъ родѣ. Той же необыкновенной и, можно сказать, даже излишней его строгости къ себѣ нужно приписать то, что при послѣдующихъ изданіяхъ своихъ словъ (1844, 1848 и 1861 гг.) онъ постоянно выпускалъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста и даже цѣлыя проповѣди ранняго періода своей проповѣднической дѣятельности.

Другимъ замѣчательнымъ представителемъ православнаго направленія мистики, хотя и въ меньшей степени, былъ Сперанскій. Несчастіе, постигшее его въ 1812 г., побудило его еще усерднѣе предаться

религіи, чѣмъ прежде, въ переходное время его религіознаго развитія, когда онъ дружилъ съ старыми масонами. Во время своей пермской ссылки и въ Великопольскомъ уединеніи, уходя, какъ онъ выражался, отъ гоненій человѣческихъ въ небо, онъ очень много читалъ, переводилъ Ѳ. Кемпійскаго и Таулера, изучалъ творенія св. отцевъ и житія святыхъ. Занятія эти все болѣе и болѣе убѣждали его въ томъ, что за истиннымъ мистическимъ ученіемъ вѣрнѣе обращаться не къ западнымъ авторитетамъ мистицизма, а къ авторитетамъ церковнымъ. Онъ съ удивленіемъ узналъ, что монахи сосѣдняго съ Великопольемъ Саввино-Вишерскаго монастыря знакомы съ высшими степенями созерцательной молитвы безъ всякаго знакомства съ г-жей Гіонъ и подобными учителями. Потомъ ему попалась книга Добротолюбіе и привела его въ восторгъ. „Все, что я читалъ когда либо о вершинахъ самаго возвышеннаго созерцанія какъ полатини, такъ и пофранцузски, писалъ онъ въ 1816 г. своему другу Цейеру, все это я на дняхъ нашелъ пространно изложеннымъ и разъясненнымъ въ аскетической книгѣ, напечатанной Синодомъ въ 1793 г. подъ названіемъ О добротолюбіи“. Къ 1814 г. онъ уже совсѣмъ бросилъ свои прежнія занятія теософіей, увидавъ, какъ онъ писалъ тогда тому же Цейеру, что всѣ „творенія Бема, С.-Мартена, Сведенборга и т. п. лишь азбука“. Ко времени наибольшаго развитія у насъ мистицизма онъ успѣлъ уже твердо опредѣлить свои воззрѣнія на мистическіе предметы и на современное мистическое движеніе. Онъ восторженно отнесся къ св. союзу, но въ то же время хорошо видѣлъ шаткую неопредѣленность его акта и въ одномъ письмѣ къ Цейеру вѣрно предсказалъ его вредныя послѣдствія въ случаѣ извращенія его смысла: „онъ раскроетъ двери всѣмъ злоупотребленіямъ власти;.... всѣ недовольные отнынѣ ожесточатся противъ религіи; ей припишутъ они всѣ свои разочарованія, всѣ свои личные недочеты“. Восхищался онъ

и дѣломъ Библейскаго общества, но въ то же время не закрывалъ глазъ и на оборотную сторону рьяныхъ увлеченій библейцевъ. Въ одномъ отрывкѣ объ антихристѣ онъ писалъ, что князь тьмы хитро пользуется въ свою пользу всякими обстоятельствами; замѣтивъ религіозное увлеченіе вѣка, онъ даетъ своему воинству обманчивый видъ ополченія Христова и первый кричитъ за религію, первый является съ Библіей въ рукахъ и восхваляетъ ее: „Нѣтъ ничего лучше и въ то же время нѣтъ ничего простѣе,—за 6 рублей вѣчное спасеніе“!

Мистическое ученіе Сперанскаго изложено въ его письмахъ къ друзьямъ, Словцову, Цейеру и Броневскому, и отчасти въ письмахъ къ дочери. Письмо къ Словцову отъ 1813 г. содержитъ въ себѣ нѣчто въ родѣ подробнаго конспекта мистическаго ученія о возрожденіи и ведущихъ къ нему путяхъ, какъ оно выработалось у автора послѣ первыхъ попытокъ согласовать его съ требованіями православія и подъ вліяніемъ почти однихъ иноземныхъ мистиковъ. Письма къ Цейеру (1814—1818 г.) и одно къ Броневскому (1818) содержатъ рядъ подробныхъ и интимныхъ бесѣдъ о средствахъ и пріемахъ, способствующихъ къ раскрытію царства Божія въ душѣ, и различныхъ духовныхъ опытахъ и состояніяхъ на пути къ возрожденію, бесѣдъ, основанныхъ уже не на однихъ западныхъ, но и на церковныхъ авторитетахъ и, какъ по всему видно, даже на собственныхъ духовныхъ опытахъ. Имѣя совершенно частный, неоффиціальный и даже интимный характеръ, они составляютъ поэтому драгоцѣнный матеріалъ для изученія какъ самой личности Сперанскаго, такъ особенно интереснаго въ его религіозномъ развитіи перехода отъ мистицизма къ православной мистикѣ и стремленія сблизить мистическія убѣжденія съ ученіемъ церкви. Основныя мысли и самая терминологія здѣсь почти тѣ же, что у всѣхъ мистиковъ, встрѣчаемъ не мало и одинаковыхъ съ ними погрѣшностей. Такъ, внутреннее слово, какъ и у другихъ мистиковъ, у Сперанскаго смѣшивается съ Словомъ ѵпостаснымъ;

рожденіе въ насъ Христа понимается не въ православномъ смыслѣ возрожденія насъ самихъ по образу Христа, облеченія во Христа, пріобрѣтенія единаго духа съ Господомъ или преобразованія своихъ настроеній по свойствамъ Христа, а именно въ мистическомъ смыслѣ рожденія въ душѣ самого ѵпостаснаго Слова, отъ того наприм. о таинствѣ причащенія Сперанскій выражается, что чрезъ это таинство Господь сочетавается въ вѣрующемъ Самъ съ Собою и чрезъ то оживляетъ въ насъ чувство Своего постояннаго пребыванія въ насъ. При чтеніи св. Писанія, какъ и всѣ мистики, онъ смѣшивалъ единственно возможный прямой смыслъ Писанія съ многообразными, субъективными, даже просто аллегорическими приложеніями его со стороны вѣрующихъ къ собственнымъ духовнымъ своимъ состояніямъ и мыслямъ и поэтому допускалъ въ одномъ и томъ же текстѣ множество смысловъ, считая при этомъ „истиннымъ смысломъ“ именно смыслъ наиболѣе духовный (IX письмо къ Цейеру). Не вполнѣ освободился онъ и отъ наклонности мистиковъ къ новымъ откровеніямъ и видѣніямъ; онъ не совѣтовалъ Цейеру увлекаться ими, но все-таки училъ „принимать ихъ съ благодарностію“ и давалъ понять, что и самъ былъ ихъ не чуждъ въ своемъ умномъ дѣланіи. Черты, какими онъ характеризуетъ высшія проявленія этого умнаго дѣланія, тоже напоминаютъ отличительныя черты мистическаго квіетизма, погруженія духа въ полную пустоту безмыслія, совершенно чуждую созерцательнаго предстоянія Богу св. подвижниковъ, которое даже на степени такъ называемаго въ отеческихъ твореніяхъ „плѣненія ума“ всегда совершается подъ вліяніемъ на сознаніе и чувство опредѣленнаго духовнаго предмета. Но вся эта изгарь мистическихъ вліяній была у него только невольною, почти неизбѣжною въ его положеніи данью предубѣжденіямъ и ошибкамъ вѣка и очень мало вредила общей

чистотѣ его православныхъ убѣжденій и приверженности къ церкви.

Въ самомъ раннемъ изъ разбираемыхъ писемъ, въ письмѣ къ Словцову, когда Сперанскій только лишь выходилъ изъ переходнаго состоянія своего религіознаго развитія, читаемъ уже такія слова: „Стихійная мудрость, составивъ себѣ какую-то философо-ѳеософо-христіанскую метафизику, вообразила себѣ, что она открыла какой-то путь къ истинѣ удобнѣйшій и чистѣйшій, нежели тотъ, который представляетъ намъ церковь съ ея установленіями. Заблужденіе гордое и плачевное. Какъ будто, отвергнувъ слова, фигуры, формы и изображенія, церковью принятыя, мудрецы сіи не принуждены были ввести такъ же свои слова, формы и изображенія, церковью не принятыя.... Установленія церковныя поистинѣ удовлетворяютъ всѣмъ человѣческимъ положеніямъ. Одна литургія Іоанна Златоустаго или Василія Великаго можетъ занять на всю жизнь и даже поглотить въ себѣ всѣ размышленія самаго глубокомысленнаго испытателя, ежели только онъ будетъ размышлять съ надлежащимъ совѣсти и духа очищеніемъ“. Самъ онъ усердно исполнялъ всѣ церковныя установленія, не пропускалъ церковныхъ службъ и слушалъ ихъ съ величайшимъ благоговѣніемъ, находилъ высокое духовное утѣшеніе въ говѣніи, исповѣди и причащеніи, совѣтовалъ чаще прибѣгать къ участію въ этихъ св. таинствахъ и другимъ, своей дочери, Словцову и даже Цейеру, не смотря на то, что этотъ былъ лютеранинъ. Въ письмѣ къ Словцову, излагая свои мысли о таинствѣ Евхаристіи, онъ не говоритъ уже о какой-то духовной тѣлесности Христа или универсальной тинктурѣ въ этомъ таинствѣ, какъ мистики, а указываетъ прямо на догматъ о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христовы. Въ письмахъ къ Цейеру у него еще можно находить кое-гдѣ протестантско-мистическую сбивчивость въ догматическихъ объясненіяхъ, наприм. въ объясненіи Евхаристіи названіе ея

„символическимъ“ причащеніемъ тѣла и крови Христовой, въ объясненіи устной исповѣди предъ священникомъ мысль о томъ, что священникъ при этомъ есть только „представитель церкви“ и прощаетъ грѣхи кающагося только отъ лица всей церкви, а не отъ лица самого Христа—главы ея по свыше данной власти вязать и рѣшить и т. п.; но не безъ основанія можно думать, что подобныя выраженія съ его стороны были однимъ только приноровленіемъ къ протестантскимъ вѣрованіямъ самого Цейера точно такъ же, какъ и частыя ссылки въ подтвержденіе своихъ мыслей на западные авторитеты. Въ тѣхъ же письмахъ находимъ свидѣтельства о глубокой вѣрѣ его въ отвергаемые протестантами и мистиками православные догматы о ходатайствѣ за насъ предъ Богомъ Богоматери и святыхъ: „Тотъ не знаетъ, пишетъ онъ въ письмѣ 1815 г., что такое Сынъ, кто въ молитвахъ своихъ не обращается къ Его Матери. Тотъ такъ же не знаетъ, что такое Единый Святый, кто не покланяется Ему во всѣхъ святыхъ Его“. Въ одномъ письмѣ къ дочери встрѣчается прекрасное и трогательное мѣсто о служеніи ангела хранителя. „Какъ мертва, какъ груба религія безъ сихъ идей, замѣчаетъ онъ. Посуди изъ сего, какъ жалки лютеране и все то, что называютъ реформою. Религія душъ холодныхъ, чувствъ матеріальныхъ, между тѣмъ какъ они хвалятся чистотою. Изрядная чистота! Еще бы лучше было все привести въ математическія исчисленія и линіи“. Даже въ нравственныхъ своихъ наставленіяхъ онъ постоянно ссылается на свидѣтельства и примѣры св. созерцателей православнаго востока, съ почтеніемъ заимствуетъ изъ ихъ писаній самыя мелкія и частныя указанія способовъ умнаго дѣланія, наприм. о положеніи въ это время тѣла, объ устремленіи глазъ на одинъ пунктъ тѣла (какъ у омфалопсихастовъ по Симеону нов. богослову) и т. п., и сурово отзывается о ложномъ мистицизмѣ съ его духовною гордостію, разными ощущеніями и трясеніями

тѣла, экстазами, видѣніями и пророчествами. Единственной и безпогрѣшительной руководительницей въ духовной жизни онъ выставляетъ церковь: „она тутъ, чтобы исправлять заблужденія по мѣрѣ того, какъ мы въ нихъ впадаемъ“. Въ письмѣ 1818 г. онъ писалъ Цейеру о Лабзинѣ: „Если бы г. Лабзинъ зналъ сію молитву (духовную), то во 1-хъ не написалъ бы онъ и десятой части того, что написалъ, во 2-хъ скорѣе и самъ бы пришелъ и другихъ привелъ бы къ истинѣ. Никогда не возмечталъ бы онъ, что посланъ отъ Бога созидать новый храмъ духовный, ибо онъ зналъ бы тогда, что храмъ сей и основанъ, и созданъ, и усовершенъ уже безъ насъ единымъ Господомъ нашимъ I. Христомъ“.

Понятно, что такихъ богословски-образованныхъ и осторожныхъ мистиковъ, постоянно наблюдавшихъ границу между православной мистикой и скользкими путями мистицизма, могло быть очень не много, что несравненно болѣе было людей, увлекавшихся далѣе этой границы, и не только между людьми свѣтскаго общества, но и среди самого духовенства. Къ числу такихъ, болѣе или менѣе увлеченныхъ людей относились: архіереи Іона тверскій, котораго за направленіе не одобряли не одни Фотій и Шишковъ, но и самъ Филаретъ московскій, Симеонъ Крыловъ тульскій, (потомъ тверскій и черниговскій), о которомъ имѣемъ обидно одобрительный отзывъ путешествовавшихъ въ 1818 г. по Россіи квакеровъ, Онисифоръ вологодскій, видѣвшій однажды какое-то тайное видѣніе на ладоняхъ своихъ рукъ и въ 1822 г. вызывавшійся для сообщенія этого видѣнія государю въ Петербургъ, и отчасти Димитрій Сулима кишеневскій, изъ архимандритовъ — извѣстный одесскій архимандритъ Ѳеофанъ и другіе. Изъ бѣлаго духовенства, начитавшагося мистическихъ книгъ, выходили иногда весьма рьяные проповѣдники въ духѣ современнаго настроенія умовъ. Такъ, въ 1818 г. въ г. Балтѣ явился увлеченный проповѣдникъ близкой кончины міра

свящ. Θеодосій Левицкій, а потомъ еще такой же проповѣдникъ подольскій священникъ Θедоръ Лисѣвичъ. Оба они, первый въ 1823, второй въ 1824 гг., по распоряженію государя и Голицына, были вызваны въ Петербургъ; здѣсь оба они нашли себѣ радушный пріютъ на тверскомъ подворьѣ архіепископа Іоны и спеціально предались чтенію С. Вѣстника, сочиненій Штиллинга и др. мистическихъ книгъ, какія получали отъ Голицына и Іоны. Левицкій, явившійся раньше, успѣлъ прославиться въ Петербургѣ своими проповѣдями, которыя онъ говорилъ въ церкви тверскаго подворья, и написалъ сочиненіе о кончинѣ міра, которое понравилось государю, но не было издано за несогласіемъ на то св. Синода. Въ 1824 г., при перемѣнѣ обстоятельствъ противъ мистиковъ, онъ былъ сосланъ въ Коневскій монастырь, откуда былъ отпущенъ опять на прежнее мѣсто въ Балту уже въ 1827 г. До чего могло доходить увлеченіе мистицизмомъ болѣе горячихъ головъ изъ духовенства, показываетъ дѣло іеромонаха Іоны, законоучителя морскаго кадетскаго корпуса. Приставъ къ партіи Лабзина, онъ дошелъ до такого фанатизма въ своемъ отрицаніи всего внѣшняго въ религіи, что совсѣмъ потерялъ голову,—въ 1818 г. вошелъ однажды предъ литургіей въ корпусную церковь и, какъ новый Θома цирюльникъ, началъ колоть церковнымъ копіемъ иконостасные образа,—говорятъ даже — осквернилъ св. престолъ въ алтарѣ. Его схватили и засадили въ лаврскую больницу. По изслѣдованіи дѣла Фотіемъ Спасскимъ оказалось, что онъ былъ членомъ общества Лабзина. Это обстоятельство въ свое время надѣлало много шума въ Петербургѣ и сильно скомпрометировало приверженцевъ мистицизма. Виновный кончилъ жизнь въ уединенной монастырской кельѣ на покаяніи.

Въ Автобіографіи священника Левицкаго упоминаются разныя свѣтскія лица, занявшіяся мистическою проповѣдью о покаяніи и скорой кончинѣ міра,

которыхъ онъ считаетъ подвигнутыми на эту проповѣдь отъ Духа Божія. Въ Мозырѣ такою проповѣдью въ 1819 г. занялся мѣстный предводитель дворянства и написалъ цѣлую мистическую книгу о занимавшихъ его предметахъ, которую послалъ для напечатанія въ петербургскій комитетъ Библейскаго общества; комитетъ почему-то ее не напечаталъ. Въ Пензѣ тогда же явился проповѣдникомъ покаянія нѣкто Тихонъ Смирновъ „благороднаго происхожденія" и самъ показалъ примѣръ такого покаянія, совершивъ въ в. четвергъ въ церкви публичную исповѣдь во всѣхъ своихъ грѣхахъ. На Дону около 1822 г. открылось новое ученіе духоносцевъ, которое проповѣдывалъ отставной донской эсаулъ Евлампій Котельниковъ. Начитавшись мистическихъ книгъ, онъ сталъ фанатически чуждаться церкви, ея богослуженія, иконопочитанія и всего внѣшняго въ религіи, и изъ небольшаго числа своихъ послѣдователей завелъ свои особыя религіозныя собранія съ чтеніемъ Библіи и мистическихъ книгъ, пѣніемъ церковныхъ пѣсней, даже пророчествами и еженедѣльнымъ преломленіемъ хлѣба по примѣру апостоловъ. Ученіе свое онъ изложилъ въ книгѣ: Начатки съ Богомъ остраго серпа, которую и послалъ къ кн. Голицыну для передачи государю съ просьбой о разрѣшеніи независимыхъ отъ церкви собраній для преломленія хлѣба, какія завелъ самъ. Собранія эти онъ называлъ новою церковію духоносцевъ и предсказывалъ ей быстрое распространеніе по всей вселенной. Импер. Александра онъ представлялъ мужемъ этой церкви, Христомъ Господнимъ, который древнюю церковь истребитъ, какъ любодѣйцу, послѣ чего настанетъ 1000-лѣтнее царство Христово на землѣ. Въ 1824 г. онъ былъ арестованъ, привезенъ въ Петербургъ и отданъ на увѣщаніе Фотію. Чрезъ нѣсколько времени, по свидѣтельству Фотія о его раскаяніи, его отпустили домой даже съ денежнымъ пособіемъ въ 1000 рублей; но на Дону онъ опять возвратился къ своимъ беднямъ, написалъ еще новую

книгу: Острый серпъ, гдѣ между прочимъ смѣялся надъ властями, которыя повѣрили его покаянію, представлялъ себя пророкомъ, даже Христомъ. Въ 1825 году онъ былъ снова отправленъ въ Юрьевъ монастырь на покаяніе. Замѣчательно, что даже въ этомъ монастырѣ, подъ настоятельствомъ самого Фотія, между монахами находились люди мистическаго направленія; такимъ оказался іеромонахъ Аполлосъ, человѣкъ очень видный между братіей, котораго самъ Фотій избралъ въ увѣщатели для Котельникова, но который вмѣсто того самъ сталъ за послѣдняго, за что и былъ заключенъ въ уединенную келью для покаянія. Въ сентябрѣ 1825 г. Котельниковъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а потомъ въ слѣдующемъ году на Соловки, гдѣ и умеръ уже въ 1850 г. въ полномъ раскаяніи. Вмѣстѣ съ нимъ въ 1825 г. въ Шлиссельбургѣ заключена была одна изъ его дочерей Марья Кустова, особенно усердно преданная его ученію и правиламъ „нашего Сіона", какъ она выражалась въ одномъ письмѣ къ отцу, но въ 1827 г. раскаялась и была возвращена къ мужу на Донъ.

Въ самомъ Петербургѣ существовало нѣсколько кружковъ изъ лицъ разныхъ слоевъ общества, преимущественно изъ дворянъ и чиновниковъ, которые занимались мистическими предметами и упражненіями. Мистики высшаго общества собирались въ нѣсколькихъ, спеціально занимавшихся мистицизмомъ гостинныхъ, наприм. въ домѣ кн. Мещерской и А. С. Голициной. Въ 1821 г. въ домѣ послѣдней открыла свои бесѣды о царствіи Божіемъ извѣстная авантюристка г-жа Криднеръ, вернувшаяся изъ-за границы еще въ 1817 г. и жившая доселѣ въ своемъ имѣньѣ въ Лифляндіи. Ей впрочемъ не долго пришлось заниматься здѣсь своей „священной миссіей"; своими пророчествами о побѣдѣ надъ турками и основаніи 1000-лѣтняго царства Христова имп. Александромъ она безтактно касалась самаго больнаго мѣста тогдашней русской политики по вопросу о возста-

ніи Греціи и получила строгое внушеніе отъ государя, послѣ чего должна была опять удалиться изъ Петербурга въ Лифляндію. Кн. Голицынъ до того былъ увлеченъ этой пророчицей и чудотворицей, что продолжалъ съ ней свои сношенія и послѣ ея опалы. Въ письмахъ своихъ (1822 г.) онъ бесѣдовалъ съ ней о чудесахъ князя Гогенлое, о которыхъ ходила тогда по рукамъ нѣмецкая брошюра, о томъ, какъ она сама изцѣляла больныхъ и накормила однажды 18 хлѣбами 900 голодныхъ и т. п. Въ новый годъ (1822) онъ писалъ къ ней: „Прошу Вашихъ молитвъ о томъ, чтобы я, ничтожный атомъ, совершенно возобновился къ новой жизни и сдѣлался членомъ духовнаго тѣла Христова, чтобы люди добровольно стали дѣтьми, у которыхъ нѣтъ воли и которые бы обратились въ ничто, а Господь былъ бы все во всѣхъ,... чтобы нашъ дорогой государь сдѣлался пассивнымъ орудіемъ Господа и дѣлалъ лишь то, что согласно съ Божественной волей, чтобы онъ видѣлъ свѣтъ въ свѣтѣ Тріединаго въ І. Христѣ, чтобы онъ былъ предохраненъ отъ всякихъ вліяній и чтобъ имѣлъ силу и мужество идти по истинно-царской дорогѣ, чтобъ онъ исполнялъ то, что возложилъ на него св. союзъ св. Духомъ для того, чтобы подготовить царство Царя славы и сложить у ногъ этого всеобщаго Пастыря его корону вмѣстѣ со всѣми народами".

Громадное большинство свѣтскихъ людей, сопричислявшихъ себя къ истинной духовной церкви, конечно не въ состояніи было не только усвоить, но даже просто понять тѣхъ мистическихъ идей, какія передавались въ мистическихъ изданіяхъ, потому что, какъ бы эти идеи ни были упрощены русскими ихъ распространителями въ родѣ Лабзина, для своего усвоенія онѣ требовали головъ, все-таки довольно привыкшихъ къ отвлеченному мышленію, и душъ способныхъ значительно возвышаться надъ уровнемъ обыденной житейской суеты до серьезныхъ идеальныхъ стремленій. Какъ и слѣдовало ожидать, это большин-

ство спокойно довольствовалось одной внѣшней стороной дѣла, которая была больше по вкусу его легкомыслію, не углубляясь въ самую сущность тѣхъ религіозныхъ требованій, съ какими выступало мистическое ученіе. Въ этомъ отношеніи съ мистицизмомъ слово въ слово повторялась та же исторія, что прежде съ масонствомъ; чѣмъ болѣе онъ распространялся, тѣмъ болѣе мельчалъ и пошлѣлъ. Въ ученіи его толпѣ едва ли не больше всего нравилась его крайняя эластичность, способность обнимать собою и оправдывать самыя разнообразныя религіозныя воззрѣнія, такъ какъ оно не обязывало никого ни къ опредѣленнымъ вѣрованіямъ, кромѣ вѣрованія, что Христосъ въ насъ, ни къ опредѣленнымъ стѣснительнымъ правиламъ жизни, давало человѣку полную свободу предаваться теченію внутреннихъ чувствъ и влеченій, какія кому нравились, даже освящало эти чувства и влеченія, приписывая ихъ внутреннему Слову, Христу; оно было такъ снисходительно ко всѣмъ проступкамъ противъ внѣшняго нравственнаго закона, считая ихъ ничтожными предъ внутренней правдой возрожденія и предъ безконечной любовію Бога, и при этомъ еще такъ азартно возставало противъ внѣшней церкви съ ея опредѣленнымъ ученіемъ и опредѣленными требованіями, считая ее по характеру іудейской, подзаконной, стѣснительной для свободы чадъ Божіихъ, что къ нему свободно могли приставать даже люди съ самыми шаткими религіозными убѣжденіями и даже сами вольтерьянцы, вольнодумство которыхъ очень рѣдко простиралось дальше разныхъ острословныхъ выходокъ противъ обрядовъ и поповъ, въ чемъ мистицизмъ съ своей стороны нисколько имъ не уступалъ. Для религіозно-сантиментальныхъ душъ, робѣвшихъ и передъ религіознымъ подвигомъ, который помѣшалъ бы обычному теченію ихъ свѣтской жизни, и вмѣстѣ передъ будущимъ наказаніемъ за грѣхи, успокоительныя положенія мистицизма были чистой находкой; для нихъ такъ было теперь удобно, не утруждая себя разными

обрядами и добродѣтелями, навѣрное достигать спасенія, предаваясь наприм. каждый день на ночь предъ засыпаніемъ умной молитвѣ и размышляя о безконечной любви Спасителя. „Вы не можете себѣ представить, какъ Онъ насъ любитъ!“ восторженно восклицала въ своихъ письмахъ г-жа Криднеръ, а за ней повторяли это восклицаніе и другія великосвѣтскія грѣшницы.

При извѣстной степени нервозности и развитія фантазіи можно было легко вообразить себя даже на самыхъ высшихъ степеняхъ мистическаго экстаза, принимая чисто физіологическія внутреннія движенія за ощущенія близости своей къ духовному міру, испытывать и радости, и восторги, и таинственныя откровенія точь вточь, какъ это описывалось мистиками-экспертами. Люди въ родѣ Сперанскаго старались быть подальше отъ подобныхъ самообольщеній и доказывали, что „никогда не слѣдуетъ допускать, чтобы внутреннее чувство распространялось на тѣло и оказывало на него воздѣйствіе“, что не слѣдуетъ дозволять себѣ ни трясеній, ни экстазовъ, ни видѣній, какъ вещей „порядка нисшаго“. Но другіе руководители мистицизма въ родѣ Лабзина или г-жи Татариновой старались особенно заманчиво рисовать именно эти тѣлесныя, болѣе понятныя ощущенія наитія Духа,— духъ хлада тонка, пріятную теплоту въ сердцѣ и во всемъ тѣлѣ, чудесный подъемъ или сладостное онѣмѣніе тѣлесныхъ силъ и т. п. Находилось много людей, которые, спѣша поскорѣе ощутить въ себѣ наитіе Духа, старались нарочно употреблять для этого средства, осужденныя Сперанскимъ и всѣми православными созерцателями, вызывая у себя искусственную экзальтацію сильными тѣлодвиженіями скаканія и верченія, какъ исповѣдники хлыстовства. Мистицизмъ переходилъ такимъ образомъ въ простонародное хлыстовское сектантство. Полнымъ выраженіемъ такой грубой формы мистицизма можетъ служить возникшій въ самомъ Петербургѣ духовный союзъ Екат. Филипп.

Татариновой, съ котораго можно начать обозрѣніе русскаго сектантства при Александрѣ I.

XI.

Духовный союзъ Татариновой. Секты хлыстовъ и скопцевъ. Духоборцы. Молокане. Расколъ старообрядства.

Г-жа Татаринова, урожденная Буксгевденъ (род. 1783 г.), была вдова заслуженнаго полковника И. Татаринова, состоявшаго подъ конецъ жизни на статской службѣ въ должности директора рязанской гимназіи. Въ Петербургъ она явилась въ 1815 г. по смерти мужа и поселилась сначала у матери въ Михайловскомъ замкѣ, бывшемъ дворцѣ импер. Павла, потомъ получила здѣсь особую казенную квартиру. Ища, какъ многія другія дамы того времени, царствія Божія, она вошла въ близкія сношенія съ хлыстами и скопцами, бывала на ихъ радѣніяхъ и слушала ихъ пророковъ. Въ Петербургѣ она завязала связи съ семействомъ Ненастьевыхъ, бывшихъ сначала хлыстами, потомъ скопцами, и усвоила у нихъ обряды радѣнія; самое скопчество казалось ей мерзкимъ. Въ 1817 г. она рѣшилась присоединиться изъ лютеранства къ православію. „Оная женка, разсказываетъ Фотій въ автобіографіи, была зловѣрія лжехристіанскаго, раскола лютеранскаго; священникъ же ее помазалъ муромъ противу всѣхъ запрещеній м. Михаила и присоединилъ къ церкви православной, дабы удобнѣе (ей) въ сѣти свои ловить православныхъ“. Съ этого времени дѣйствительно и началась ея сектантская дѣятельность; она сама увѣряла, что почувствовала въ себѣ даръ пророчества въ самую минуту своего присоединенія. Первыми членами ея кружка были: ея мать, братъ капитанъ П. Буксгевденъ, деверь Татариновъ, надв. сов. Мартынъ Пилецкій-Урбановичъ, человѣкъ весьма образованный, благочестивая и любящая душа, беззавѣтно преданный

Татариновой, но странный чудакъ, нѣсколько тронутый разумомъ, академикъ живописецъ Боровиковскій и музыкантъ кадетскаго корпуса Никита Ѳедоровъ (Никитушка), по своему пророческому дару игравшій такую видную роль въ сектѣ, что послѣдняя называлась иногда Никито-Татариновскою. Потомъ къ ней постепенно примкнуло еще человѣкъ до 40 разнаго пола и состоянія, между прочимъ генералъ Е. Головинъ, кн. Енгалычевъ, Лабзинъ и директоръ департамента народнаго просвѣщенія, секретарь библейскаго комитета В. Поповъ съ тремя дочерьми, изъ которыхъ одну по своему усердію къ сектѣ онъ чуть потомъ не уморилъ побоями и домашней тюрьмой за ея отвращеніе отъ сектантскихъ обрядовъ. На собраніяхъ у Татариновой бывалъ извѣстный проповѣдникъ свящ. А. Маловъ и умилялся отъ ея пѣсней и пророчествъ. Посѣщалъ ихъ и самъ министръ кн. Голицынъ, тоже принимавшій прорицанія пророковъ, и Кошелевъ.

Татаринова не приняла ни догматическаго, ни нравственнаго ученія скопцовъ и хлыстовъ (объ ихъ христахъ-искупителяхъ, о безбрачной жизни и пр.) и держалась вѣроятно обыкновенныхъ мистическихъ понятій, но почти цѣликомъ усвоила у нихъ обрядность радѣній, какъ способовъ доходить до состоянія мистическаго экстаза. Въ одномъ письмѣ къ пріятельницѣ, маіоршѣ Фрицъ, она писала, что тайна ея секты основывается на смыслѣ начальныхъ стиховъ 1 Коринѳ. гл. XIV о дарѣ пророчества. Собранія ея открывались обыкновенно чтеніемъ свящ. книгъ; потомъ пѣлись разныя пѣсни, положенныя большею частію на простонародные напѣвы главнымъ уставщикомъ Никитушкою, въ томъ числѣ пѣсни хлыстовскія: „Царство ты, царство", „Дай намъ, Господи, І. Христа" и друг., и нѣкоторыя церковныя („Спаси, Господи, люди Твоя"); затѣмъ начиналось радѣніе или круженіе, производившееся, какъ у скопцовъ, въ особыхъ костюмахъ, и кончавшееся тѣмъ, что на кого нибудь изъ кружившихся „накатывалъ" Духъ св. и онъ начиналъ пророчество-

вать; чаще всѣхъ пророчествовали сама Татаринова, Никитушка и нѣкая Лукерья. Пророчества эти, произносившіяся необыкновенно быстро и состоявшія изъ разныхъ безсвязныхъ рѣчей, подъ складъ народныхъ прибаутокъ съ риѳмами, относились частію къ общей ближайшей судьбѣ всего круга, частію къ судьбѣ частныхъ членовъ. Круженіе, „святое плясаніе, движенія въ нѣкоемъ какъ бы въ духовномъ вальсѣ“, и пророчества составляли самую замѣтную для всѣхъ особенность секты и были причиною того, что членовъ ея называли русскими квакерами. Употребленіе своеобразнаго пѣнія на голосъ простыхъ пѣсней въ молитвѣ Пилецкій объяснялъ такъ: „Духъ міра и лести присвоилъ себѣ пѣніе голоса, музыку, живопись, безцѣнный даръ слова и прочія дарованія: но они должны быть опять возвращены Богу, своему началу“. Кромѣ музыки, сектѣ служили и др. искусства, — живопись въ украшавшихъ ея молельную картинахъ Боровиковскаго и хореграфическое искусство радѣльныхъ плясокъ, которыя сектанты сравнивали съ танцемъ Давида предъ ковчегомъ.

Собранія въ Михайловскомъ замкѣ продолжались свободно и даже далеко не секретно почти до 1822 г., до помѣщенія здѣсь инженернаго училища и до запрещенія тайныхъ обществъ. Объ нихъ знали, кромѣ Голицына, имп. Елизавета Алексѣевна, благоволившая къ Татариновой, и самъ государь, давшій однажды Татариновой аудіенцію и долго съ ней бесѣдовавшій. Никитушка тоже былъ ему представленъ и получилъ чинъ 14 класса. Одинъ бѣдный чиновникъ изъ Татариновскихъ пророковъ, по свидѣтельству воспоминаній Филарета московскаго, былъ пожалованъ лентой. Въ одномъ письмѣ къ гофмейстеру Кошелеву Александръ писалъ, что сердце его „пламенѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда только онъ читаетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ г-жи Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ“. Въ 1818 г. т. сов. Милорадовичъ былъ сильно обезпокоенъ тѣмъ, что въ обще-

ство Татариновой былъ вовлеченъ сынъ его гвардейскій офицеръ; государь успокоилъ его нарочнымъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „Я старался проникнуть его связи и по достовѣрнымъ свѣденіямъ (вѣроятно отъ Голицына) нашелъ, что тутъ ничего такого нѣтъ, что бы отводило отъ религіи; напротивъ онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ церкви и исправнымъ въ своей должности, посему заключаю, что связи его не могутъ быть вредны". Съ выѣздомъ изъ Михайловскаго замка Татаринова не прекратила своихъ собраній и держала ихъ на своей квартирѣ, потомъ въ 1825 г., съ ближайшими изъ своихъ послѣдователей, братомъ, Пилецкимъ, Ѳедоровымъ, Поповымъ и нѣкоторыми другими, изъ опасенія предъ полиціей, преслѣдовавшей собранія тайныхъ обществъ, выселилась за городъ и недалеко отъ московской заставы основала нѣчто въ родѣ цѣлой сектантской колоніи, гдѣ радѣнія ея совершались цѣлыхъ 12 лѣтъ. Въ 1837 г., по распоряженію правительства, колонія эта была наконецъ порушена и г-жа Татаринова со всѣми своими приверженцами попала подъ судъ, кончившійся разсылкой всѣхъ захваченныхъ сектантовъ по монастырямъ.

Хлыстовство Татариновскаго союза было хлыстовствомъ мистическимъ, цивилизованнымъ, въ которомъ участвовали преимущественно люди изъ высшихъ классовъ общества; въ народѣ продолжала распространяться старинная русская хлыстовщина, получившая теперь болѣе свободы среди общаго мистическаго настроенія и уже не боявшаяся тѣхъ страшныхъ преслѣдованій, какимъ она подверглась особенно въ половинѣ XVIII. Въ самомъ Петербургѣ и его окрестностяхъ насчитывалось до полдюжины хлыстовскихъ кораблей. Но болѣе всего хлыстовщина, какъ и прежде, распространялась въ Москвѣ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. При Александрѣ на нее не обращали никакого вниманія, такъ что главные притоны ея сдѣлались извѣстными правительству уже въ слѣ-

дующее болѣе строгое царствованіе. Въ костромской губерніи занималась пропагандой ереси весьма уважаемая и богатая богородица Ульяна Васильева, родственница самого лжесаваоѳа Данилы Филипповича, перваго организатора секты, слѣдовательно личность въ нѣкоторомъ родѣ божественнаго происхожденія; къ ней отвсюду стекались хлыстовскіе паломники на поклоненіе; нерѣдко она и сама разъѣзжала по хлыстовскимъ собраніямъ, чтобы осчастливить ихъ своимъ посѣщеніемъ, наприм. въ Москву. Къ числу ревностныхъ посѣтителей ея собраній принадлежалъ даже одинъ сельскій священникъ костромской епархіи Дороѳеевъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Въ тамбовской губерніи въ с. Перевозѣ былъ извѣстенъ хлыстовскій христосъ изъ крестьянъ Аввакумъ Копыловъ съ богородицей Татьяной, человѣкъ грамотный, великій мистикъ, видѣвшій видѣнія и однажды съ помощію ангеловъ восходившій до седьмаго неба, гдѣ ему велѣно было доходить до спасенія по книгамъ, учить тому и другихъ; откровеніе это было выразительнымъ признакомъ начавшаго между хлыстами распространенія книжнаго образованія, противъ котораго сильно ратовалъ первый учитель хлыстовства Данило Филипповичъ, отрицавшій даже чтеніе св. Писанія. Замѣчательно, что въ то время, какъ мистики роднились съ хлыстами, заимствуя у нихъ ихъ радѣнія, хлысты въ свою очередь сближались съ мистиками, выбирая для своего книжнаго чтенія именно мистическія сочиненія г-жи Гіонъ, Эккартсгаузена Облако надъ святилищемъ и Ключъ къ таинствамъ натуры, Штиллинга Побѣдную повѣсть и Тоску по отчизнѣ, такъ же Таинство креста и др. Кромѣ указанныхъ мѣстностей, хлыстовщина распространялась внизъ по Волгѣ въ губерніяхъ владимірской, нижегородской, симбирской, самарской, по Окѣ въ губерніяхъ рязанской, калужской, орловской, изъ тамбовскаго края переходила въ воронежскій и на Донъ, то оставаясь въ своемъ чистомъ видѣ, то смѣшиваясь съ скопчествомъ.

При открытіи хлыстовской ереси въ калужской епархіи между прочимъ была составлена первая обстоятельная записка объ этой ереси, ближе познакомившая духовное начальство съ ея ученіемъ и культомъ. Въ хлыстовствѣ были обвинены здѣсь священникъ с. Князь-Иванова Конст. Ивановъ съ своимъ пономаремъ Семеновымъ. По порученію епископа калужскаго Ѳеофилакта, свящ. села Забѣльни Ив. Сергѣевъ нарочно сблизился съ Ивановымъ, чтобы „развѣдать до точности заблужденіе онаго священника“, даже самъ вступилъ въ общество хлыстовъ с. Князь-Иванова, участвовалъ въ ихъ собраніяхъ и пѣлъ ихъ распѣвцы, познакомился кстати тутъ же и со скопцами. Собравъ достаточныя свѣденія, онъ составилъ свое Изъясненіе раскола, именуемаго хлыстовщина или христовщина, которое въ 1809 г. чрезъ архіерея и представилъ въ св. Синодъ. Обвиненные въ ереси были разосланы по разнымъ монастырямъ, но скоро были опять освобождены изъ заточенія; священникъ Ивановъ получилъ было даже мѣсто пономаря, но, спустя нѣкоторое время, ушелъ съ него и снова присталъ къ хлыстамъ.

Вѣротерпимостью правительства и мистическимъ настроеніемъ въ административныхъ сферахъ еще успѣшнѣе хлыстовства воспользовалось скопчество, справедливо считающее 1802—1820 годы самымъ счастливымъ временемъ, „золотымъ вѣкомъ“ своей жизни. Петербургъ, гдѣ на полной свободѣ жилъ тогда скопческій искупитель Кондратій Селивановъ, все это время былъ для скопцовъ настоящимъ Сіонъ—градомъ, какъ они величали его въ своихъ пѣсняхъ, зеленымъ райскимъ садомъ, Христовымъ вертоградомъ. Съ самаго же начала царствованія Александра въ 1801 г. по дѣлу, производившемуся тогда о калужскихъ скопцахъ, послѣдовало высочайшее распоряженіе „оставить ихъ отъ суда свободными, поелику они подобнымъ невѣжествомъ и вреднымъ поступкомъ сами себя уже довольно наказали“. Потомъ вскорѣ учреждена была особая комиссія для пересмотра старыхъ

дѣлъ о скопцахъ, находившихся въ заключенiи, и для новыхъ объ нихъ рѣшенiй въ болѣе снисходительномъ духѣ. Тогда же многiе изъ заключенныхъ скопцовъ были освобождены изъ заключенiя и отправлены въ монастыри, а нѣкоторые прямо отпущены на свободу. Въ 1802 г. самъ искупитель Селивановъ былъ освобожденъ изъ Обуховской больницы, куда былъ помѣщенъ, какъ съумасшедшiй, при Павлѣ I, и по высочайшему повелѣнiю, какъ выздоровѣвшiй, отправленъ на жительство въ богадѣльню. Скопцамъ только это и было надобно. Одинъ изъ нихъ, камергерръ (бывшаго польскаго двора Станислава Августа Понятовскаго) Елянскiй, полусумасшедшiй мистикъ, принявшiй оскопленiе въ кораблѣ Ненастьевыхъ, взялъ искупителя изъ богадѣльни къ себѣ подъ росписку на жительство и немедленно передалъ его Ненастьевымъ. Послѣ этого домъ Ненастьевыхъ, какъ жилище искупителя, сдѣлался настоящимъ центромъ скопческаго изувѣрства и его преступной пропаганды. Скопчество до того почувствовало себя сильнымъ, до того зазналось, что въ 1804 г. въ лицѣ Елянскаго предприняло попытку сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ центра всей Россiйской имперiи.

Это было въ самую горячую эпоху преобразовательной дѣятельности молодаго государя и его молодыхъ сподвижниковъ. Камергерръ Елянскiй рѣшился съ своей стороны сказать слово о преобразованiи государства на началахъ таинственной, т. е. скопческой церкви, долженствующемъ „увѣнчать всероссiйскаго монарха новымъ лавромъ“, и подалъ Новосильцеву для поднесенiя государю полный проектъ этого преобразованiя съ приложенiемъ „Извѣстiя, на чемъ скопчество утверждается“. „Предстою Вамъ, писалъ онъ, яко таинственно возрожденному и по сердцу цареву избранному мужу, поднося сокровище таинственное на прославленiе истины Господней и на возвышенiе отечества, Россъ-Мосоха именуемаго“. По этому проекту во главѣ Россiи должна была встать истинная

невидимая церковь и обратить все государство въ какой-то скопческій корабль. Государь, подобно Іисусу Навину, долженъ управлять государствомъ по гласу небесному, а для этого при немъ долженъ постоянно находиться „боговдохновенный сосудъ", искупитель Кондратій Селивановъ, и „аппробовать всѣ тайные совѣты", такъ какъ „въ немъ полный Духъ небесный Отцемъ и Сыномъ присутствуетъ". Себѣ самому Елянскій скромно предоставлялъ только второе мѣсто по искупителѣ и власть надъ войсками, при которыхъ обязывался присутствовать постоянно „ради небеснаго совѣта и воли Божіей", а о „недовѣдомыхъ" вещахъ „для исполненія совѣта небеснаго" докладывать самому искупителю. При такомъ устройствѣ государства проектъ обѣщалъ Россіи вѣрную побѣду надъ всѣми врагами внѣшними и внутренними и безъ великихъ силъ военныхъ. Затѣмъ Елянскій распространялся о великомъ таинствѣ скопчества, преданномъ отъ Христа и апостоловъ и сохраненномъ вѣрно только у скопцовъ, отрицалъ всю видимую церковь, какъ испорченную, со всею ея іерархіею, таинствами и обрядами, и идеализировалъ свое скопческое общество, какъ родъ избранный, чистый и святой. Нѣтъ въ немъ „обряднаго моленія",—есть только сіонскія пѣсни и Давидскія пляски: „рабы Божіи въ дому Давидовомъ скачутъ и играютъ, яко младенцы благодатные, пивомъ новымъ упоенные"; не нуждаются они въ книгахъ, потому что есть у нихъ одна живая книга—самъ Духъ святой; всѣ они чисты, прозрачны и непорочны, какъ хрустальный сосудъ, истинные молитвенники, свободные отъ преданій человѣческихъ, дабы Слово было къ Богу и Богъ былъ Слово. Результатомъ этого сумасброднаго проекта было то, что авторъ его былъ отправленъ въ суздальскій монастырь, а на скопцовъ обращено было бо́льшее вниманіе, которое ограничилось впрочемъ только тѣмъ, что съ Селиванова взято было обѣщаніе не производить больше оскопленій. Обѣщаніе это было конечно ложное, но правительство вполнѣ имъ удоволь-

ствовалось и считало его вполнѣ удовлетворительной гарантiей для своихъ подданныхъ противъ всякаго изувѣрнаго уродованія ихъ скопцами. Нѣсколько времени оно даже хвалилось этимъ гуманнымъ своимъ пріемомъ и старалось распространить его дѣйствіе на другія мѣста, кромѣ Петербурга. Въ 1806 г. по поводу донесеній о случаяхъ оскопленія разныхъ людей въ Москвѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей писалъ московскому губернатору, что самая лучшая мѣра для предотвращенія подобныхъ явленій есть именно та, которую два года тому назадъ правительство успѣшно употребило въ Петербургѣ, т. е. взятіе съ начальниковъ секты указаннаго обѣщанія прекратить оскопленія, и что напротивъ разныя формальныя слѣдствія и публичныя наказанія изувѣровъ не только не прекращаютъ, но еще усиливаютъ ихъ заблужденія.

Самъ Селивановъ былъ оставленъ въ покоѣ и продолжалъ пользоваться божескими почестями между скопцами, которые отвсюду стекались въ домъ Ненастьевыхъ на поклоненіе своему христу богу и искупителю. Отъ него въ разные концы Россіи шли посланія къ послѣдователямъ скопчества и разсылались утвержденія разныхъ лицъ въ учительскомъ и пророческомъ званіи. Отъ многочисленныхъ пожертвованій около него стекались громадныя богатства, съ помощію которыхъ нѣкоторые слуги его, особенно Солодовниковъ, нажили большіе капиталы. Изъ дома Ненастьевыхъ въ 1811 г. онъ переселился въ домъ Кострова, потомъ въ 1817 въ домъ Солодовникова, и во всѣхъ этихъ домахъ почти открыто и съ небывалой прежде торжественностію совершались скопческія торжества и радѣнія, въ которыхъ участвовало иногда до 300 человѣкъ обоего пола. При помощи сильныхъ покровителей онъ достигъ даже того, что входъ полиціи въ его жилище былъ запрещенъ по высочайшему повелѣнію. Значеніе его все возрастало и не только между скопцами, но даже среди православнаго обще-

ства Петербурга. Таинственность, которая его окружала, и молва о его святости и прорицаніяхъ привлекали къ нему множество суевѣрныхъ посѣтителей, особенно посѣтительницъ изъ купчихъ и знатныхъ барынь съ болѣе или менѣе богатыми приношеніями, за которыя онъ одѣлялъ ихъ сухариками, пряниками, баранками, цѣлованіемъ своей руки и пророчествами. Въ 1805 г. его посѣтилъ даже самъ государь предъ отправленіемъ въ заграничный походъ противъ Наполеона. Такая свобода скопчества и непостижимое ослѣпленіе въ отношеніи къ нему правительства продолжались до 1819 г. Обѣщаніе скопческихъ коноводовъ не производить оскопленій, разумѣется, и не думало приводиться въ исполненіе и оскопленія совершались въ огромныхъ размѣрахъ, массами, не только надъ взрослыми, но и надъ малолѣтними, а правительство все-таки продолжало считать ихъ частными преступленіями только нѣкоторыхъ изувѣровъ, упорно отказываясь отъ обвиненія въ нихъ самой секты и ея благоденствовавшихъ коноводовъ въ родѣ Селиванова. Съ 1807 г. скопцы, попадавшіеся подъ уголовный судъ, по высочайшему повелѣнію были отдаваемы по наказаніи въ солдаты съ зачетомъ за нихъ рекрутовъ. Въ 1816 г. комитетъ министровъ замѣтилъ, что мѣра эта вовсе не достигаетъ своей цѣли, что скопцы, оставаясь по отдачѣ въ солдаты на старыхъ мѣстахъ, продолжаютъ содѣйствовать распространенію случаевъ оскопленія, и положилъ было ссылать ихъ на службу въ Сибирь и въ Грузію, а неспособныхъ къ военной службѣ на поселеніе въ иркутскую губернію, но государь не согласился утвердить это мнѣніе и указалъ подвергать такой ссылкѣ только однихъ „главныхъ зачинщиковъ изъ скопцевъ или кто производитъ оскопленіе"; почти черезъ полтора уже года онъ согласился присоединить къ той же категоріи преступниковъ еще самооскопителей. Всѣ остальные скопцы оставляемы были безъ всякаго преслѣдованія.

Наконецъ въ 1819 г. возникло болѣе серьезное дѣло о скопцахъ, на которое уже нельзя было не обратить вниманія. Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ узналъ, что двое его двоюродныхъ племянниковъ,—одинъ полковникъ, другой подпоручикъ,—принадлежавшіе прежде къ союзу Татариновой, были увлечены въ собранія Селиванова, что второй изъ нихъ склонялся даже на оскопленіе и что скопчество вообще успѣло сильно распространиться между военными чинами въ арміи и флотѣ, и просилъ кн. Голицына довести о такомъ важномъ обстоятельствѣ до свѣденія государя. Но правительство и теперь прибѣгло сначала къ старой мѣрѣ увѣщаній. Любопытно, что для уговариванія Селиванова, чтобы онъ не позволялъ своимъ слугамъ производить оскопленій, были посланы самые ярые татариновцы, Поповъ и Пилецкій. Первый такъ восхитился бесѣдами съ скопческимъ искупителемъ, что воскликнулъ, всплеснувъ руками: „Господи! Если бы не скопчество, то за такимъ человѣкомъ пошли бы полки за полками". А послѣдній въ томъ же 1819 г. написалъ и напечаталъ по порученію государя книгу о скопцахъ, въ которой, опровергая самое скопчество, оправдывалъ его ученіе о внутреннемъ словѣ и его радѣнія. Кн. Голицынъ принялся все-таки распространять ее обычными своими мѣрами (чрезъ разсылку по архіереямъ и проч.) и очень огорчился, когда даже снисходившій къ его слабостямъ Филаретъ, получивъ 10 экземпляровъ и заплативъ за нихъ слѣдующія деньги, на отрѣзъ отказался распространять это сочиненіе въ обществѣ. Канитель увѣщаній тянулась до іюня слѣдующаго 1820 г., пока наконецъ не порѣшено было захватить Селиванова подъ арестъ и секретно сослать въ суздальскій Евѳиміевъ монастырь, гдѣ онъ и оставался до конца своей жизни († 1832 г.), не смотря на всѣ происки и ходатайства со стороны сильныхъ и богатыхъ его обожателей о возвращеніи его опять на свободу. Не смотря впрочемъ на строгій надзоръ за нимъ въ мо-

настырѣ, скопцы продолжали имѣть съ нимъ постоянныя сношенія, получали отъ него совѣты, ободренія и разные предметы на благословеніе въ родѣ его волосъ, обрывковъ отъ его одеждъ и объѣдковъ съ его стола.

Съ 1820 г. мѣры противъ скопцовъ оставались почти тѣ же,—отдача въ военную службу съ переводомъ въ Грузію или Сибирь или ссылка на поселеніе въ Сибирь,—но стали строже приводиться въ исполненіе. На ряду съ другими вредными сектантами ихъ не велѣно было избирать въ общественныя должности. Женамъ ихъ указомъ 1824 г. дозволено вступать по желанію въ бракъ съ другими лицами. Но долговременная свобода, какою пользовалось прежде скопчество, успѣла уже сильно укрѣпить его успѣхи, такъ что бороться съ нимъ стало чрезвычайно трудно. Кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно было распространено раньше, въ Москвѣ, Петербургѣ, Ригѣ, въ губерніяхъ тульской, калужской, тамбовской, орловской, иркутской, оно проникло еще въ губерніи новогородскую, рязанскую, тверскую, владимірскую, костромскую, нижегородскую, симбирскую, саратовскую, смоленскую, пермскую, архангельскую и херсонскую. Въ числѣ его исповѣдниковъ попадались не только простыя, но и духовныя лица, причетники, монахи и монахини. Въ 1820-хъ гг. оно обнаружилось даже въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которомъ ссыльные скопцы успѣли завести цѣлый скопческій корабль съ обычными радѣніями и стали производить свои операціи надъ монастырскими слугами. Дѣятельность ихъ остановилась въ 1824 г., благодаря усиліямъ вновь назначеннаго въ настоятели монастыря ученаго и энергичнаго архимандрита Досиѳея Нѣмчинова, автора Описанія Соловецкаго монастыря и перваго серьезнаго изслѣдователя скопческой ереси, написавшаго въ 1834 г. „Открытіе тайностей или обличеніе ереси скопцовъ“ по свѣденіямъ, добытымъ изъ письменныхъ показаній соловецкихъ скопцовъ.

Еще большимъ вниманіемъ и благосклонностію сильной въ администраціи партіи мистиковъ пользовались секты духовныя, распространявшіяся въ русскомъ народѣ съ половины XVIII в. Духоборцы съ самаго начала царствованія успѣли разжалобить гуманное правительство жалобами на свои страданія и раззоренія отъ духовныхъ и свѣтскихъ властей. Жалобы эти были подкрѣплены представленіями ревизовавшихъ тогда Новороссійскій край сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго, принявшихъ горячее участіе въ положеніи сектантовъ. Съ цѣлію освободить послѣднихъ отъ тягостнаго для нихъ сожительства съ православными и „по уваженію претерпѣннаго сими людьми раззоренія“ ихъ начали выселять съ мѣстъ ихъ жительства въ Новороссію на Молочныя воды мелитопольскаго уѣзда; при этомъ имъ давалась на подъемъ ссуда изъ казны, а на мѣстѣ поселенія они получали земельные надѣлы до 15 десятинъ на душу, льготу отъ податей на 5 лѣтъ и полную свободу вѣроисповѣданія. Указомъ 1801 г. (10 декабря) на отчетъ губернаторовъ возложены „какъ спокойство духоборцевъ, такъ и защита отъ всѣхъ притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію“. Въ февралѣ 1803 г. вышелъ замѣчательный указъ о свободѣ вѣры духоборцевъ. „Общее правило, говорилось здѣсь, принятое мною на заблужденія сего рода, состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однако же никакихъ внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка“. На этомъ основаніи предписывалось, чтобы священники, не входя съ сими людьми въ споры и распри, старались обращать ихъ не состязаніями и принужденіями, а единственно кротостію примѣра и святостію жизни, избѣгали раздражать ихъ посѣщеніемъ въ ихъ домахъ и т. п., граж-

данскія же начальства чтобы воспрещали имъ лишь явные соблазны и нарушеніе общаго порядка разглашеніемъ ереси, и доколѣ не обнаружено будетъ съ ихъ стороны явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не судили и не обвиняли ихъ въ семъ преступленіи по единому смыслу ихъ ереси. Въ тѣхъ же видахъ чиновникамъ при слѣдствіяхъ не велѣно было входить съ духоборцами и др. раскольниками ни въ какія религіозныя разсужденія о верховной власти. При опредѣленіи духоборцевъ на службу по рекрутской повинности, отъ которой правительство не согласилось освободить ихъ, позволено, согласно съ ихъ религіозными убѣжденіями, не приводить ихъ къ узаконенной присягѣ. За пропаганду ереси и за нарушеніе общаго порядка они по прежнему предавались суду и по обвиненіи или отдавались въ военную сибирскую службу, или ссылались на нерчинскіе и селенгинскій заводы.

Духовное начальство съ своей стороны старалось выяснить вредъ духоборческаго ученія для церкви и государства. Для этого въ 1805 г. Евгеній Болховитиновъ, которому тогда поручено было увѣщевать находившихся въ Петербургѣ подъ судомъ тамбовскихъ духоборцевъ, написалъ первое научное Изслѣдованіе исповѣданія духоборческой секты, (остающееся доселѣ въ рукописи), но въ то же время по мыслямъ Лопухина написана была другая записка въ пользу духоборцевъ, которая и послужила къ утвержденію правительства въ мнѣніи объ нихъ, какъ о людяхъ, невинно гонимыхъ. На Молочныхъ водахъ духоборцамъ жилось очень хорошо; ихъ слобода Терпѣніе въ скоромъ времени сдѣлалась богатѣйшимъ селеніемъ на югѣ. Число ихъ все увеличивалось отъ прибытія новыхъ единовѣрныхъ поселенцевъ изъ разныхъ мѣстностей. Въ 1810 г. они было хлопотали даже о томъ, чтобы къ нимъ возвращены были на жительство духоборцы, сосланные въ разное время въ Сибирь, но въ этомъ имъ было отказано.

Сибирскимъ духоборцамъ впрочемъ и въ Сибири жилось не дурно, потому что еще въ 1804 г. они получили тамъ всѣ права мелитопольскихъ поселенцевъ. Въ 1816 г. правительство оказало новую милость духоборческимъ колоніямъ, переведя ихъ изъ вѣдомства министерства полиціи, которому поручены были прежде всѣ дѣла, касавшіяся раскольниковъ и сектантовъ, въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ на ряду съ другими колонистами Новороссійскаго края, т. е. поставило ихъ въ такое положеніе, которое всегда возбуждало зависть къ колонистамъ въ коренномъ русскомъ и православномъ населеніи имперіи.

Въ 1816 г. мелитопольскіе поселенцы подверглись опасному нападенію отъ херсонскаго губернатора Ланжерона; послѣдній послалъ объ нихъ два представленія въ Петербургъ, обвиняя ихъ въ развратной жизни и зловредныхъ для общества правилахъ и прося о переселеніи ихъ на другое мѣсто. Они съ своей стороны подали на высочайшее имя жалобу о притѣсненіяхъ отъ губернатора, государь принялъ ихъ сторону и сдѣлалъ Ланжерону весьма выразительное внушеніе. „Просвѣщенному ли правительству, писалъ онъ въ указѣ 9 дек., приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами въ продолженіи 30 лѣтъ до 1801 г., не токмо не истребили сей секты, но паче и паче пріумножали число послѣдователей ея». Разъяснивъ смыслъ предпринятаго въ 1801 г. переселенія сектантовъ на Молочныя воды,

государь рѣшительно объявлялъ, что „не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять надлежитъ, но объ огражденіи ихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти" и объ устройствѣ ихъ безопасности, „чтобы они могли почувствовать, что они состоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ". Когда Ланжеронъ вздумалъ послѣ этого требовать наказанія жалобщиковъ за нанесенное ему безчестіе, государь еще суровѣе напомнилъ ему объ обязанности христіанина прощать обиды. Свѣтскія начальства впрочемъ постоянно почти заступались за духоборцевъ и безъ подобныхъ внушеній. Такъ наприм. за нихъ очень много заступался предъ духовною властью Сперанскій во время своего пензенскаго губернаторства.

Въ 1817 г., ободренные милостивымъ расположеніемъ государя, духоборцы снова стали домогаться того, чтобы къ нимъ приселены были на Молочныя воды ихъ ссыльные братья изъ Сибири; о томъ же переселеній на югъ просили правительство духоборцы, сосланные еще прежде, во времена строгостей, въ кольскій уѣздъ архангельской губерніи. Министръ внутреннихъ дѣлъ отказалъ имъ въ этомъ; но въ 1818 г. мелитопольскіе духоборцы прибѣгнули съ той же просьбой къ самому государю, проѣздомъ посѣтившему ихъ селенія, и на этотъ разъ достигли своей цѣли: государь указалъ не только возвратить всѣхъ ссыльныхъ изъ Колы и изъ Сибири, за исключеніемъ лишь обвиненныхъ не въ одной ереси, а еще въ явныхъ преступленіяхъ, но и выдать имъ для переселенія прогоны, что обошлось тогда казнѣ болѣе, чѣмъ въ 6500 р. Тогда же велѣно было—вслучаѣ открытія духоборцевъ предавать ихъ суду не прежде, какъ по представленіи о томъ комитету министровъ для доклада государю императору. Исключеніе изъ этого правила сдѣлано было въ 1820 г. по представленію Сперанскаго только для явныхъ распространителей ереси въ Сибири, которыхъ, какъ и всякихъ другихъ

расколоучителей, во уваженіе дальнихъ разстояній повелѣвалось немедленно предавать уголовному суду, но все-таки „не за расколъ, а за внѣшніе поступки, съ буйствомъ или нарушеніемъ благочинія и порядка сопряженные".

Правительство было такъ милостиво къ духоборцамъ, что только въ 1819 г. подвело ихъ подъ общее распоряженіе, простиравшееся на сектантовъ и всѣхъ раскольниковъ безпоповцевъ, не допускать ихъ къ выбору въ общественныя должности. Въ 1820 г. въ виду умноженія числа мелитопольскихъ духоборцевъ имъ отведены были даже новыя прибавочныя земли. Не болѣе, какъ черезъ два года послѣ этого правительство узнало, что обиліе земель въ рукахъ сектантовъ стало увлекать въ сектантство и православныхъ людей „единственно для пріобрѣтенія подобныхъ выгодъ", и должно было распорядиться, чтобы надѣлъ духоборцевъ землею не превышалъ обычныхъ надѣловъ казенныхъ крестьянъ (по 15 дес. на душу). Вслѣдствіе такого постояннаго снисхожденія къ духоборцамъ секта ихъ, кромѣ Новороссійскаго края, гдѣ ихъ старались сосредоточить въ отдѣльнныя отъ православныхъ селеній колоніи, и Сибири, куда ихъ ссылали за слишкомъ рѣзкое оказательство своихъ вѣрованій и за явную пропаганду, благополучно держалась и въ прежнихъ мѣстахъ своего распространенія, въ пензенской, тамбовской, воронежской и харьковской губерніяхъ.

Не меньшими выгодами отъ правительства воспользовалась и другая духовная секта, однородная съ духоборчествомъ, — молоканская. Узнавъ о предоставленіи свободы вѣры духоборцамъ, тамбовскіе молокане поспѣшили сбросить съ себя давнишнюю лицемѣрную личину православія, подъ которой они доселѣ таились отъ преслѣдованій, и открыто заявить свое сектантство. Смѣшивая ихъ съ духоборцами, правительство по временамъ и ихъ переселяло въ Новороссію и на Кавказъ. Права выборовъ въ общественв-

ныя должности они были лишены раньше духоборцевъ; въ 1814 г. встрѣчаемъ даже указъ „выбираемымъ вмѣсто нихъ обывателямъ христіанскаго исповѣданія опредѣлять на счетъ ихъ достаточное вознагражденіе“, которое съ ихъ общества на Кавказѣ опредѣлено было въ размѣрѣ третьей части всей суммы жалованья, получавшагося городскимъ головою, судьею и старостою. Тяготясь сожительствомъ съ православными, въ 1811 и 1814 гг. молокане сами просили правительство объ отводѣ имъ земель для поселенія въ Бессарабіи. Въ 1818 г. тамбовскимъ молоканамъ предложено было селиться на Молочныхъ водахъ вмѣстѣ съ духоборцами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ поселены были эти, и съ тѣми же земельными надѣлами. Но, прибывъ сюда съ радостію, они не надолго ужились съ духоборцами, съ которыми имѣли давнюю и постоянную вражду, и просили правительство отвести имъ другія земли въ днѣпровскомъ уѣздѣ. Послѣ этого въ 1821 г. имъ отведено было для поселенія до 29,700 десятинъ земли въ томъ же мелитопольскомъ уѣздѣ, гдѣ жили духоборцы, но не вмѣстѣ съ послѣдними, а среди меннонитскихъ колоній и бывшихъ ногайскихъ владѣній. Первое здѣсь молоканское селеніе Васильевка образовалось изъ молоканъ, переселившихся изъ тамбовской, орловской и екатеринославской губерній; потомъ къ нимъ присоединились другіе переселенцы молокане изъ разныхъ мѣстностей и образовали еще два селенія, Астраханку и Новоспасскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по прежнему продолжалась ихъ колонизація въ астраханской и саратовской губерніи, усилившаяся особенно съ 1811 и 1814 гг. Ихъ колонисты изъ тамбовской, рязанской, пензенской и симбирской губерній массами шли съ мѣстъ прежняго тревожнаго житья среди православнаго народонаселенія на отдаленныя отъ церковной и полицейской власти, богатыя и пустынныя мѣста по Волгѣ, Ахтубѣ и на Узеняхъ, гдѣ могли устроиться и спокойно и богато и даже безъ

помѣхи распространять свою ересь среди православныхъ, жившихъ тамъ почти совершенно безъ церковнаго надзора. Для цѣлей своей пропаганды они постоянно указывали православнымъ на свободу своей вѣры, какъ на ясное доказательство признанія ея истинности со стороны самого правительства; другимъ такого же рода доказательствомъ служили для нихъ Библіи Библейскаго общества, въ которыхъ при изданіи, какъ извѣстно, исключены были всѣ прибавленія, относящіяся къ чину богослуженія православной церкви, какія печатались въ прежнихъ изданіяхъ,—по толкованію молоканъ это значило, что всѣ члены Библейскаго общества и сами архіереи были молоканами, только до болѣе удобнаго времени тайными, и что въ язычествѣ (т. е. православіи) оставались только деревенскіе попы да невѣжды мужики. Молокане отдали такъ же должную честь мистическимъ изданіямъ Александровскаго времени; особенно понравилась имъ побѣдная повѣсть Ю. Штиллинга, въ которой они примѣняли къ православной церкви то, что Штиллингомъ было сказано о церкви латинской, а къ себѣ—его восторженныя рѣчи о духовныхъ христіанахъ, гернгутерахъ и истинной Ѳіатирской церкви.

Кромѣ духовныхъ сектъ, вѣротерпимость правительства съ первыхъ годовъ царствованія Александра простерлась и на другія секты, которыя, кажется, вовсе не подходили ни къ первоначальному либеральному, ни къ послѣдующему мистическому настроенію въ правительственныхъ сферахъ, на секты старообрядческаго раскола. Въ рескриптѣ отъ 9 апр. 1801 г. относительно раскола было высказано общее требованіе: „съ заблуждающимися по простотѣ и невѣжеству, уклоняющимися отъ правовѣрія и правилъ, св. церковію утвержденныхъ, вмѣсто строгости, съ каковою до сего было съ ними поступаемо и которая не къ исправленію, но къ единому ожесточенію ихъ служить можетъ, отныпѣ впредь не дѣлать имъ ни малѣйшаго притѣсне-

нія, но предоставлялось бы духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истинный безъ всякаго и съ ихъ стороны принужденія, но съ кротостію, съ терпѣніемъ и съ усерднымъ настояніемъ,... имѣть только попеченіе, чтобы повсемѣстное спокойствіе вездѣ нарушаемо не было. Нарушителей же онаго отсылать къ сужденію по законамъ, куда слѣдуетъ". Въ 1803 г. на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора о томъ, какъ ему поступать съ раскольническими попами, являющимися въ разныхъ слободахъ ввѣренныхъ ему губерній, высочайшимъ рескриптомъ отвѣчено: „Какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ волостей могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ крещенія и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ сказать, сквозь пальцы, и не подавая однако же имъ явнаго вида покровительства". Вмѣстѣ съ этимъ правительству нужно было конечно допустить такое же смотрѣніе сквозь пальцы на совершеніе между раскольниками всякаго рода богослужебныхъ обрядовъ, а такъ же на существованіе у нихъ церквей и часовенъ. Въ 1811 г. на просьбу монахинь раскольническаго Климовскаго монастыря черниговской губерніи объ освященіи церкви государь по докладу о томъ министра полиціи отозвался, что „считаетъ справедливымъ не чинить помянутымъ монахинямъ препятствія въ продолженіи богослуженія, но и формальнаго разрѣшенія на освященіе церкви не давать". Встрѣчаемъ нѣсколько примѣровъ формальнаго запрещенія строить новыя раскольническія церкви, часовни и монастыри; но если они являлись не формально, церкви и часовни безъ церковныхъ главъ и крестовъ, а обители въ видѣ наприм. богадѣленъ, ихъ не трогали. Поэтому возникновеніе ихъ было въ полной зависимости отъ степени добросовѣстности и бдительности мѣстныхъ властей, которыхъ раскольники прежде всего и старались задобривать. Въ 1817 г. св. Синодъ жаловался государю,

что саратовскій губернаторъ формально разрѣшилъ раскольникамъ выстроить одну церковь въ Вольскѣ; сенатскимъ указомъ подобныя вмѣшательства свѣтскихъ начальствъ въ предметы духовнаго вѣдомства были воспрещены. Но въ томъ же году открылось, что раскольники выстроили цѣлый монастырь близъ самого Саратова; послѣ этого губернатору былъ сдѣланъ отъ сената выговоръ, дабы „гражданскія начальства, видя оное, были осмотрительнѣе". Такой же выговоръ тогда же былъ объявленъ еще губернатору слободоукраинскому. Въ 1822 г. вышелъ общій указъ о раскольническихъ бѣглыхъ попахъ и церквахъ;—первыхъ велѣно оставлять безъ всякаго вниманія, если только они не учинили до своего побѣга къ раскольникамъ какого либо уголовнаго преступленія; что касается до церквей, то вновь строить ихъ не дозволялось ни по какому случаю, но о старыхъ указывалось „не входить ни въ какое дальнѣйшее разсмотрѣніе".

Старыя раскольническія обители и церкви, благодаря ловкимъ покровителямъ и ходокамъ, не разъ вызывали въ свою пользу даже слишкомъ милостивыя распоряженія правительства. Наприм. Иргизскіе монастыри, поставлявшіе бѣглыхъ поповъ чуть не на всю Россію, успѣли получить себѣ во владѣніе до 12500 десятинъ земли и безпрепятственно обстраивали и украшали свои церкви. Богатые и вліятельные московскіе раскольники съумѣли придать своимъ московскимъ центрамъ безпоповщинскаго и поповщинскаго раскола совершенную независимость отъ церковнаго и полицейскаго надзора. Хитрый и ловкій ктиторъ знаменитаго Преображенскаго кладбища ѳедосѣевцевъ Илья Ковылинъ, благодаря покровительству знатныхъ людей, въ 1809 г. выхлопоталъ высочайшее утвержденіе плана на устройство этого центра ѳедосѣевщины подъ видомъ Преображенскаго богадѣленнаго дома; дому этому, какъ учрежденію благотворительному, предоставлены были всѣ права подобнаго рода учрежденій „въ распоряженіи и управленіи капиталовъ, въ

пріемѣ людей съ вѣдома полиціи, въ совершеніи законныхъ актовъ на вклады и приношенія, въ выборѣ попечителей и людей для управленія нужныхъ, въ защитѣ пользъ сего дома по дѣламъ суднымъ". Въ 1820 г. правительство обратило особенное вниманіе на безпоповщинскія секты, признавъ ихъ особенно вредными по ученію о бракѣ и по отрицанію нѣкоторыми молитвы за царя, безусловно запретило выбирать безпоповцевъ во всякія общественныя должности, дозволивъ въ то же время, въ случаѣ недостатка православныхъ кандидатовъ, выбирать въ эти должности поповцевъ, и поручило ѳедосѣевцевъ особому наблюденію полицейскихъ властей, но относительно правъ, дарованныхъ Преображенскому кладбищу, и теперь не сдѣлало никакихъ особенныхъ ограниченій, только обязало полицію наблюдать за тѣмъ, чтобы туда не принимались люди безпаспортные, и за послѣдствіями незаконнаго рожденія дѣтей, за подкидываніемъ или даже убійствомъ младенцевъ. Въ одномъ изъ указовъ 1820 г. отъ 3 іюля на имя московскаго генералъ-губернатора государь выразилъ мысль, что губернское и полицейское начальства совершенно напрасно втянулись во внутренніе раздоры, которые еще съ 1816 г. возникли на Преображенскомъ кладбищѣ изъ-за выбора новыхъ попечителей и сопровождались разными взаимными доносами боровшихся партій, и указалъ, чтобы они не вмѣшивались ни въ какія дѣла внутренняго управленія кладбища, предоставляя раскольникамъ самимъ разбираться въ своихъ несогласіяхъ, какъ знаютъ, а въ случаѣ жалобъ „разбирали оныя въ обидахъ личныхъ каждаго, а отнюдь не религіознаго общества, кое никакого законами утвержденнаго существованія не имѣетъ". По поводу тѣхъ же дѣлъ о ѳедосѣевцахъ въ указѣ отъ 11 апр. государь еще разъ высказалъ свой постоянный принципъ въ отношеніи къ расколу, что за свои мнѣнія и обряды, совершаемые безъ публичнаго оказательства, раскольники преслѣдуемы быть не должны.

Въ такомъ же духѣ въ 1823 г. составлены были новыя правила о надзорѣ за Преображенскимъ кладбищемъ; здѣсь снова опредѣлялось, чтобы гражданскія начальства во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ этому учрежденію постоянно имѣли въ виду, что оно заведеніе богоугодное, богадѣльня, и не позволяли ему являться въ качествѣ средоточія религіозной секты, наприм. не вводили въ немъ метрическихъ книгъ вмѣсто обыкновенныхъ полицейскихъ списковъ обывателей, не допускали жительства иныхъ лицъ, кромѣ подкидышей младенцевъ, больныхъ до излеченія и призрѣваемыхъ престарѣлыхъ особъ, а такъ же умноженія моленныхъ и келій и совращеній въ ѳедосѣевскую секту. Другія средоточія безпоповцевъ въ Москвѣ, поморская Покровская и Филипповская часовни не обращали на себя вниманія правительства, но тоже съ успѣхомъ воспользовались его духомъ вѣротерпимости, разбогатѣли, устроились и умножили число своихъ прихожанъ; такъ, первая изъ нихъ, имѣвшая въ началѣ царствованія 1000 прихожанъ, подъ конецъ его насчитывала ихъ до 6000 человѣкъ. — На Рогожскомъ кладбищѣ для управленія заведена была особая контора подъ вѣденіемъ попечителей изъ поповщинскаго согласія, къ которому правительство оказывало всегда большее благоволеніе, чѣмъ къ безпоповщинѣ. Бѣглые попы свободно проживали здѣсь вмѣстѣ съ своими семействами и епархіальное начальство не могло ихъ истребовать къ себѣ по силѣ указовъ, попускавшихъ поповцамъ свободно держать ихъ у себя. Рогожская контора безконтрольно завѣдывала ихъ служеніемъ, разсылала ихъ по своему усмотрѣнію даже въ отдаленныя губерніи и крѣпко заступалась за нихъ въ случаѣ ихъ притѣсненій отъ начальствъ.

Москва была настоящимъ центромъ раскольническаго міра. Ни одна распря, ни одно важное дѣло между раскольниками по разнымъ мѣстамъ, въ Саратовѣ, въ Сибири и пр., не рѣшалось безъ Москвы. Подъ покровъ сильныхъ московскихъ вожаковъ и

воротилъ старались встать почти всѣ раскольническія общества по провинціямъ. Многіе раскольники совсѣмъ переселялись въ Москву. Около старовѣрческихъ кладбищъ какъ бы волшебствомъ возникали цѣлыя улицы и кварталы, фабрики и др. промышленныя заведенія, куда принимались всякаго рода пришельцы, бѣглые крестьяне, солдаты, даже мошенники съ фальшивыми видами, только бы они соглашались принять расколъ. Умноженіе числа раскольниковъ замѣчалось повсюду, но духовенство напрасно приносило на это жалобы, указывая на прогрессивное уменьшеніе числа своихъ пасомыхъ. Само правительство тщетно пыталось привести въ извѣстность общее число раскольниковъ. Въ 1805 г. для этого по мысли м. Амвросія указано было, вмѣсто метрическихъ книгъ, къ которымъ раскольники выказывали непреодолимое отвращеніе, ввести между ними простыя полицейскія записи о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ чрезъ земскую полицію, подъ надзоромъ исправниковъ. Въ 1811 г. начальникамъ губерній поручено было представлять министру полиціи полугодичныя вѣдомости о всѣхъ раскольникахъ ихъ губерній. Въ 1812 г. нужныя для того свѣденія велѣно собирать чрезъ довѣренныхъ чиновниковъ негласно, подъ рукой, чтобы не открыть нѣкоторымъ образомъ способовъ записываться въ расколъ православнымъ.

Свобода раскольническаго богослуженія практиковалась въ очень широкихъ размѣрахъ. Въ раскольническихъ монастыряхъ, церквахъ и многочисленныхъ моленныхъ по городамъ ей никто не препятствовалъ. Раскольническіе попы открыто исправляли всѣ требы. Были примѣры, что они совершали въ городахъ крестные ходы на воду въ Богоявленье, какъ это случилось въ 1820 г. въ г. Бронницахъ (московск. епархіи). Мѣстныя власти на требованіе духовнаго начальства остановить такое противузаконное оказательство раскола отвѣчали, что боятся произвести этимъ раздраженіе въ народѣ при большомъ его стеченіи. Надѣясь на

вѣротерпимость правительства, раскольники нѣсколько разъ (въ 1802 и 1805 гг.) обращались къ начальству съ просьбой открыть для нихъ даже особую типографію въ родѣ той, какая у нихъ была въ Клинцахъ (черниг. губ.) и только недавно въ 1800 г. остановлена въ своей дѣятельности. Поводомъ къ такому домогательству между прочимъ послужило то, что въ 1801 г., при посѣщеніи импер. Александромъ засѣданія св. Синода, здѣсь было дѣйствительно разсуждаемо объ открытіи такой типографіи въ Москвѣ для печатанія книгъ сходныхъ съ старопечатными для единовѣрческихъ церквей; св. Синодъ склонялся было къ положительному рѣшенію этого вопроса, но былъ остановленъ энергическимъ протестомъ бывшаго тогда синодальнымъ членомъ архіепископа ярославскаго Павла, который доказывалъ, что такое рѣшеніе поведетъ къ усиленію раскола, признанію за нимъ въ нѣкоторомъ родѣ церковныхъ правъ и къ соблазну простаго народа. Въ 1818 г. по просьбѣ московскихъ единовѣрцевъ комитетъ министровъ согласился на открытіе такой типографіи при московской единовѣрческой церкви на ихъ иждивеніи и отвѣтственности подъ надзоромъ духовной власти для исправленія по ея книгамъ богослуженія какъ въ единовѣрческихъ церквахъ, такъ и у раскольниковъ; типографіи этой предположено быть одной для всей Россіи и для этого велѣно прекратить печатаніе подобныхъ книгъ въ другихъ мѣстахъ, въ Клинцахъ и мѣстечкѣ Махновкѣ подольской губерніи, уничтожить самыя эти типографіи и запретить ввозъ таковыхъ книгъ изъ-за границы. Предположенія эти, по обсужденіи ихъ св. Синодомъ, приведены въ исполненіе въ 1820 г., при чемъ изданы подробныя правила для самой дѣятельности единовѣрческой типографіи и о надзорѣ за нею.

Устраняя въ борьбѣ съ разными противуправославными заблужденіями всякія такъ называемыя внѣшнія мѣры, правительство постоянно требовало отъ духовнаго вѣдомства, чтобы съ своей стороны оно ста-

ралось развивать для этой борьбы преимущественно духовныя средства вразумленія и просвѣщенія народа. Мысль о просвѣщеніи народа была завѣтною мыслью императора съ самаго начала царствованія; непосредственно послѣ восшествія его на престолъ у насъ, какъ извѣстно, наступила самая горячая пора умноженія и улучшенія всякаго рода учебныхъ заведеній въ имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ самой оживленной литтературной дѣятельности. Духовное вѣдомство не осталось глухо къ призыву правительства и приняло въ этомъ новомъ просвѣтительномъ движеніи едва ли не самую значительную долю участія, чѣмъ всѣ другія вѣдомства.

XII.

Участіе духовенства въ умноженіи народныхъ школъ. Духовныя школы. Ихъ новая организація, средства содержанія, число учениковъ, сословный характеръ и учебный составъ курсовъ. Введеніе преобразованія духовныхъ школъ по округамъ и его результаты. Духовная литтература. Проповѣдь. Произведенія экзегетическія. Произведенія по разнымъ отраслямъ Богословія. Церковная исторія и археологія.

Духовенство съ одушевленіемъ откликнулось на безсмертный указъ государя отъ 24 января 1803 г. объ открытіи сельскихъ школъ для народа при участіи приходскаго духовенства. Одушевленіе это представляется тѣмъ болѣе высокой чертой тогдашнихъ нашихъ приходскихъ пастырей, что его не раздѣляли съ своей стороны ни сельскія общества, не видѣвшія пока еще никакой для себя надобности въ школахъ, ни даже дворяне помѣщики, на содѣйствіе которыхъ правительство особенно разсчитывало, отнесшіеся къ образованію своихъ крестьянъ болѣе, чѣмъ холодно. Ни тѣ, ни другіе не заботились ни о средствахъ, ни даже о помѣщеніи новыхъ школъ, такъ что множество этихъ школъ всѣ средства для своего существованія получали единственно отъ одного духо-

венства, хотя одинъ директоръ училищъ (олонецкій Крыловъ) и почелъ нужнымъ предупредить своего попечителя (петербургскаго Строгонова) еще заранѣе, что духовенство неспособно ни на какія жертвы въ пользу народнаго просвѣщенія „частію по скупости и невѣжеству, частію и по дѣйствительно недостаточному своему состоянію", и предлагалъ даже самыя духовныя училища соединить съ народными. Въ одной новогородской губерніи духовными лицами открыто было до 110 приходскихъ школъ и едва ли не большая часть ихъ помѣщалась въ домахъ самихъ же священниковъ, которые жертвовали для нихъ не только своимъ временемъ и трудомъ, но даже своими домашними удобствами и скудными достатками на учебныя для нихъ пособія и отопленіе.

Въ то же время особенно усиленно стали заводиться по епархіямъ нисшія духовныя школы, на которыя отвсюду собирались пожертвованія, преимущественно, разумѣется, тоже съ духовенства. Не малое вліяніе на открытіе новыхъ дух. училищъ имѣло такъ же послѣдовавшее въ 1807 г. общее возвышеніе окладовъ на духовныя школы—съ 181,931 руб. на 338,863. Къ 1808 г., ко времени общей духовно-учебной реформы, въ рѣдкой епархіи не было 2—3 нисшихъ училищъ, кромѣ семинаріи, а всѣхъ считалось до 115. Комитетъ 1808 г. своими трудами послужилъ къ еще большему усиленію духовнаго образованія и произвелъ крупную эпоху во всей жизни духовныхъ школъ.

Прежде всего, найдя, что духовныя училища, устраиваемыя врозь, безъ общихъ правилъ, не имѣли ни общей системы образованія, ни общаго полнаго устава, ни тѣсной связи по управленію съ академіями, комитетъ произвелъ правильное и въ первый еще разъ до конца выдержанное распредѣленіе ихъ по степенямъ образованія — на высшія, среднія и низшія. По выработанному имъ проекту, академіи уже не должны были обременять себя нисшимъ и среднимъ курсами, какъ прежде, а давать только высшее образо-

ваніе уже кончившихъ курсъ въ семинаріяхъ. Семинаріи, по одной въ каждой изъ 36 епархій, назначались для образованія средняго, для приготовленія своихъ учениковъ въ академіи и на священнослужительскія мѣста. Уѣздныя училища, по одному на каждый уѣздъ, и училища приходскія по важнѣйшимъ приходамъ или благочиніямъ должны были раздѣлить между собою трудъ низшаго образованія дѣтей; первыхъ предполагалось завести по 10 на епархію, т. е. 360 на всю Россію, вторыхъ по 30, т. е. всего 1080,—всѣхъ же вмѣстѣ 1440. Предположенія комитета касательно этого числа школъ не совсѣмъ были осуществлены на дѣлѣ: академій, вмѣсто старыхъ 4, открыто было только 3, такъ какъ одна изъ нихъ—казанская въ 1818 г. обращена была въ семинарію, а число нисшихъ училищъ дошло всего до 300 съ небольшимъ; но другія предположенія: касательно распредѣленія духовныхъ школъ по степенямъ образованія и однообразія въ ихъ устройствѣ, были осуществлены въ полной мѣрѣ. При новой, уже описанной выше, организаціи ихъ управленія мѣстнымъ архіереямъ нельзя уже стало измѣнять по произволу ни состава ихъ курсовъ, ни принятыхъ въ нихъ основныхъ педагогическихъ правилъ, какъ это возможно было и на самомъ дѣлѣ дѣлалось въ прежнее время.

Къ большему однообразію приведено было и содержаніе духовныхъ школъ по новымъ, значительно увеличеннымъ противъ прежняго окладамъ. По примѣрному штату положено было ежегодно ассигновать: на содержаніе академій по 55,800 р., на содержаніе семинарій, раздѣленныхъ на три разряда, на каждую по 17000, 14375 и 12850 р., на содержаніе уѣздныхъ училищъ, тоже по тремъ разрядамъ, на каждое по 1500, 1200 и 950 р.,—приходскихъ училищъ по 550, 475 и 400 руб. Окладъ профессора академіи возвысился до 1200 р., баккалавра до 600, учителей семинарій до 600—500, учителей училищъ до 250—75 р., студента академіи

до 125, казеннокоштнаго семинариста до 100—70 р. Въ петербургскомъ округѣ, по большей дороговизнѣ содержанія, оклады эти назначены съ нѣкоторой прибавкой. Въ 1820 г., вслѣдствіе усилившейся послѣ войнъ дороговизны на все, комиссія духовныхъ училищъ исходатайствовала еще новое увеличеніе содержанія духовныхъ школъ; вмѣсто прежняго оклада на всѣ школы, простиравшагося до 926,350 р., положено ассигновать на ежегодное содержаніе ихъ 1,674,120 руб., послѣ чего оклады академій возвысились до 78600 р. (петербургской 111,350), семинарій—до 31060 26650 и 20390 р. (петербургской—45250), уѣздныхъ училищъ—2650, 2360 и 2050 (петерб. 3800—3000), приходскихъ—1060, 895 и 730 (петерб. округа—1600—1300). Оклады эти были небогаты сравнительно съ окладами свѣтскихъ учебныхъ заведеній того времени, но на первыхъ порахъ произвели замѣтную перемѣну въ благосостояніи дух. школъ. Повсюду поднялись стройки и перестройки ихъ прежде очень плохихъ и тѣсныхъ помѣщеній; нѣкоторымъ изъ нихъ удалось обзавестись даже богатыми и прекрасными зданіями. Содержаніе преподавателей тоже улучшилось, между прочимъ при помощи вновь назначенныхъ для нихъ классныхъ окладовъ по ученымъ степенямъ и разныхъ доходовъ—для монашествующихъ отъ монастырей, для свѣтскихъ отъ разныхъ прибавочныхъ школьныхъ должностей, тоже обложенныхъ небольшими окладами. Замѣтны были улучшенія и въ самой слабой сторонѣ экономіи дух. школъ,—въ содержаніи бѣдныхъ учениковъ въ семинарскихъ и училищныхъ бурсахъ; академическія общежитія сравнительно съ прежнимъ временемъ содержались даже роскошно.

Содержаніе семинарскихъ и училищныхъ бурсъ и теперь впрочемъ оказывалось все еще далеко не удовлетворительнымъ. На содержаніе бѣдныхъ училищныхъ учениковъ первоначально до 1820 г. особыхъ окладовъ даже вовсе не назначалось и семинаріи

должны были выдѣлять на этотъ предметъ часть изъ своихъ собственныхъ бурсацкихъ окладовъ. Кромѣ того, изъ этихъ же окладовъ постоянно отдѣлялись значительныя суммы на содержаніе и ремонтъ школьныхъ зданій, такъ какъ домовой суммы на это не доставало, на обзаведеніе школъ послѣ преобразованія новыми учебными пособіями и на содержаніе лишнихъ, сверхъ положеннаго штата, казеннокоштныхъ и полуказенныхъ воспитанниковъ изъ бѣдняковъ, такъ какъ штатъ ихъ разсчитанъ былъ на меньшее число такихъ воспитанниковъ, чѣмъ ихъ оказывалось въ дѣйствительности,—всего круглымъ числомъ на 100 человѣкъ для каждой семинаріи. Жалкое положеніе бѣдняковъ, не попавшихъ въ это число, вынуждало школьныя начальства къ урѣзыванію содержанія, положеннаго на казенныхъ воспитанниковъ, для того, чтобы пособить большему числу нуждавшихся. Воспособленіемъ къ штатнымъ окладамъ бурсъ служили кое какіе доходы отъ имѣвшихся у разныхъ семинарій доходныхъ статей въ родѣ отдаваемыхъ въ наемъ зданій, лавокъ, огородовъ и проч., суммы отъ продажи по церквамъ погребальныхъ вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, деньги отъ продажи книгъ, штрафные сборы, а болѣе всего по старому разныя пожертвованія отъ архіереевъ, монастырей, духовенства и свѣтскихъ лицъ. Содержаніе своекоштныхъ, квартирныхъ учениковъ и теперь продолжало страдать тѣми же недостатками, что прежде; тѣ же оставались и средства къ пособію ихъ нищетѣ: зачисленіе мѣстъ при церквахъ, практиковавшееся едва ли еще не въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде, такъ называемыя кондиціи или уроки по домамъ, затѣмъ письменныя и др. работы и испрашиваніе на разные лады подаяній отъ доброхотныхъ дателей. Архіереи и другіе благотворители не забывали и этихъ бѣдняковъ, давали имъ пособія и открывали для нихъ при школахъ стипендіи.

Благодаря просвѣтительному духу времени и лучшему обезпеченію дух. школъ, число учениковъ въ нихъ все возрастало. Въ академіяхъ число студентовъ стало правда несравненно менѣе, чѣмъ прежде, —по штатамъ всего по 120 въ каждой вмѣсто прежняго числа въ нѣсколько сотъ и даже свыше 1000, но эти студенты были за то людьми, получавшими дѣйствительно академическое образованіе въ собственномъ смыслѣ, какихъ въ старыхъ академіяхъ было еще меньше, такъ какъ тѣ многія сотни учениковъ, какія въ нихъ насчитывались, учились собственно въ низшихъ классахъ, теперь уже упраздненныхъ въ новыхъ академіяхъ, и большею частію не доходили до высшихъ, настоящихъ академическихъ классовъ. Въ семинаріяхъ же и училищахъ число учившихся вездѣ увеличилось очень замѣтнымъ образомъ, не смотря на то, что понудительныя мѣры стараго времени къ привлеченію дух. дѣтей въ школы повсюду были ослаблены. При разборѣ неграмотныхъ изъ этихъ дѣтей свыше 15-лѣтняго возраста въ 1806 г. такихъ оказалось еще 1166 человѣкъ, а учившихся въ школахъ—24167; черезъ 2 года послѣ этого по счету комитета 1808 г. число послѣднихъ во всѣхъ школахъ возрасло уже до 29,000, а черезъ 16 лѣтъ послѣ преобразованія школъ, въ 1824 г.—46,000. Къ концу царствованія, особенно во внутреннихъ губерніяхъ, священниковъ, кончившихъ полный семинарскій курсъ, было очень довольно даже по селамъ. Конечно, и теперь были примѣры уклоненія отцовъ отъ отдачи дѣтей въ школы, равно какъ ранняго исключенія учениковъ до окончанія курса и побѣговъ ихъ отъ ученія, но подобные примѣры сдѣлались сравнительно очень рѣдкимъ и даже исключительнымъ явленіемъ.

По характеру своему духовныя школы и послѣ преобразованія продолжали развиваться въ своемъ прежнемъ сословномъ направленіи; направленіе это было закрѣплено за ними и новыми уставами. Въ числѣ основныхъ началъ учебнаго преобразованія бы-

ло принято, что назначеніе дух. училищъ состоитъ въ приготовленіи духовнаго юношества къ духовному служенію и что съ этимъ назначеніемъ должны сообразоваться и порядокъ ихъ курсовъ и образъ воспитанія учащихся. Въ общемъ введеніи къ училищнымъ уставамъ тоже было сказано, что духовное образованіе „должно образовывать благочестивыхъ и просвѣщенныхъ служителей слова Божія, — посему всѣ учрежденія, въ составъ дух. училищъ входящія, должны непосредственно относиться къ сему главному намѣренію и отъ него заимствовать свою силу". Внѣшнія мѣры, съ помощію которыхъ администрація старалась дать силу этимъ предположеніямъ на практикѣ, удерживая воспитанниковъ духовныхъ школъ на духовной же службѣ, были разсмотрѣны раньше. Ученики духовныхъ школъ, съ дѣтства воспитывавшіеся въ мысляхъ о будущемъ духовномъ своемъ служеніи, и сами рѣдко поступали въ свѣтское званіе; даже студенты академіи, получившіе теперь по гражданской службѣ права равныя съ правами студентовъ университета, на первыхъ порахъ всѣ почти поступали на духовную службу, на которой они имѣли тоже важныя преимущества предъ другими и кромѣ того получали классные оклады по ученымъ степенямъ и особые кресты по степенямъ магистровъ и докторовъ. Сословный характеръ послѣ преобразованія получили даже тѣ духовныя школы, которыя еще доселѣ сохраняли нѣкоторыя черты своего стараго всесословнаго характера,—кіевская академія, черниговская и переяславская семинаріи и харьковскій коллегіумъ.

Составъ школьныхъ курсовъ не сдѣлался впрочемъ и теперь вполнѣ спеціальнымъ, хотя духовное сословіе для первоначальнаго общаго образованія своихъ дѣтей могло бы обращаться къ помощи явившихся уже въ достаточномъ числѣ свѣтскихъ общеобразовательныхъ заведеній и содержать на свои средства однѣ только спеціально-сословныя школы для приготовленія кандидатовъ на одну церковную служ-

бу. Комитетъ 1808 г., задался задачей оставить духовныя школы попрежнему въ видѣ полныхъ и самодостаточныхъ сословныхъ школъ смѣшаннаго типа. Сообразно съ этой задачей курсы ихъ опредѣлены и въ новыхъ уставахъ.

Курсъ нисшихъ школъ, разсчитанный на 6 лѣтъ, организованъ на началахъ преимущественно общаго образованія, для приходскихъ училищъ—изъ чтенія, чистописанія, четырехъ правилъ ариѳметики, начатковъ русской грамматики, краткаго катихизиса и нотнаго пѣнія, для училищъ уѣздныхъ—изъ грамматики, ариѳметики, катихизиса пространнаго, классическихъ языковъ, краткой исторіи и географіи, церковнаго устава и пѣнія. Отъ того въ эти училища, особенно въ приходскія, дозволено было принимать въ число своекоштныхъ учениковъ дѣтей и изъ другихъ сословій, кромѣ духовнаго.

Семинарскій курсъ, тоже шестилѣтній, состоялъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ первыя два были общеобразовательнаго же характера. Члены комитета 1808 г., и комиссіи училищъ хорошо понимали, чѣмъ особенно были сильны духовныя школы прежняго времени въ общеобразовательномъ отношеніи,—это было образованіе словесное и философское, пріучавшее учениковъ къ правильному и упорядоченному изложенію мыслей и развивавшее въ нихъ сильную мыслительность. По новому уставу словесное образованіе выдвинуто было на первый планъ въ нисшемъ отдѣленіи семинаріи; руководствомъ служилъ старый Бургій, пособіями — риторики Ломоносова и Рижскаго и Руководство къ церковному краснорѣчію. Въ среднемъ отдѣленіи главною наукою была философія, изучавшаяся по Баумейстеру и Карпе. Философское образованіе противъ прежняго восполнено было изученіемъ исторіи философіи по Буддею и Бруккеру. Въ тѣхъ же отдѣленіяхъ „особенное расширеніе и пространство“ дано наукамъ историческимъ съ географіею, — общая исторія изучалась по

Шрекку, русская по учебнику, изданному для народныхъ училищъ,—и почти вновь введено изученіе математики въ полномъ объемѣ средняго курса и физики,—тоже по учебникамъ народныхъ училищъ, — съ присовокупленіемъ еще пасхаліи. На спеціальное богословское образованіе назначены были два года высшаго отдѣленія. Оно состояло въ изученіи св. Писанія по руководству м. Амвросія, герменевтики по Рамбахію, догматики по системамъ Иринея Фальковскаго, Прокоповича, Карпинскаго и Сильвестра Лебединскаго, нравственнаго богословія по второй части Ѳеофилактовой теологіи de agendis, пастырскому по книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ, церковной археологіи по Новой Скрижали Веніамина Румовскаго и по запискамъ учителей. Кромѣ того съ особеннымъ расширеніемъ богословы стали изучать церковную исторію общую по запискамъ учителей, потомъ съ 1820-хъ гг. по Библейской исторіи Филарета и Церковной исторіи Иннокентія. Кругъ изученія языковъ обнималъ языки латинскій, греческій, еврейскій и новые (не обязательно)—французскій и нѣмецкій, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ еще языки мѣстныхъ инородцевъ. Комитетъ 1808 г., принимая во вниманіе историческую связь русскаго образованія съ греческимъ, намѣревался дать греческому языку преобладающее значеніе въ духовномъ образованіи, но это намѣреніе не осуществилось на практикѣ; по старому преданію такое значеніе продолжало оставаться за языкомъ латинскимъ;—на немъ производилось и чтеніе уроковъ, по крайней мѣрѣ по богословію и философіи, и писаніе большей части ученическихъ упражненій, а греческій попрежнему изучался съ меньшимъ стараніемъ.—Опредѣляя „методы ученія", уставы возставали противъ механическаго ученія уроковъ, запрещали диктовку ихъ, требовали, чтобы учитель полагалъ свое дѣло „не въ томъ, чтобы дать урокъ, но чтобы урокъ былъ принятъ", требовали самодѣятельности учениковъ, возбужденія ихъ умственныхъ силъ посредствомъ требова-

нія отъ нихъ отчетовъ въ занятіяхъ и усиленія письменныхъ упражненій.—Въ нравственномъ воспитаніи учениковъ уставы выставляли въ качествѣ общихъ началъ благочестіе, повиновеніе начальству и постоянный трудъ: „самые часы отдохновенія должны имѣть родъ занятій, самыя прогулки должны быть поучительны". Надзоръ за воспитанниками оставленъ въ прежнемъ видѣ на обязанности инспектора съ помощниками и старшихъ,—комнатныхъ, квартирныхъ и классныхъ,—изъ лучшихъ учениковъ; въ училищахъ оставлены и прежніе нотаторы или авдиторы.

Курсъ академическаго ученія, раздѣленный на два двухлѣтнихъ отдѣленія и занимавшій четыре года, поставленъ въ точное соотвѣтствіе съ курсомъ семинарій, для которыхъ онъ долженъ былъ приготовлять преподавателей. Комплектъ студентовъ, уменьшаясь чрезъ каждые два года вслѣдствіе выпуска старшей половины ихъ, восполнялся новыми студентами изъ лучшихъ учениковъ всѣхъ семинарій академическаго округа, являвшихся въ академію или по вызову академическаго начальства, или въ качествѣ волонтеровъ. Преподаваніе наукъ раздѣлено было между 6 профессорами и 12 при нихъ баккалаврами. Всѣ науки поставлены въ высшемъ объемѣ противъ семинарскаго курса. Составъ словеснаго курса организованъ былъ изъ литературной эстетики и подробнаго обзора примѣненія эстетическихъ началъ къ частнымъ отраслямъ словесности и у авторовъ разныхъ вѣковъ и народностей. При изученіи философіи слѣдовало объяснять истинный духъ философіи и пріучать студентовъ къ философическимъ изслѣдованіямъ; профессору указано обращать особенное вниманіе на исторію философіи и философію нравственную и, какъ путеводной нити, держаться истины евангельской. „Вообще, сказано въ уставѣ, да не будетъ никогда въ академіяхъ слышно то различіе, которое къ соблазну вѣры и въ укоризну даже простому доброму смыслу столь часто въ школахъ было допускаемо, что одно и тоже предложеніе можетъ быть

справедливо въ понятіяхъ философскихъ и ложно въ понятіяхъ христіанскихъ". Въ исторической области „истиннымъ предметомъ академическаго ученія, по указанію устава, долженствовала быть философія исторіи". Преподаваніе математики обнимало всѣ части математики до исчисленія дифференціаловъ и варіаціоннаго включительно и физику. Въ преподаваніи богословскихъ наукъ уставъ рекомендовалъ обращать бо́льшее вниманіе на чтеніе св. Писанія и на нравственное богословіе, чѣмъ на подробности богословской полемики, и помнить, что слово Божіе не состоитъ въ преніяхъ и умствованіяхъ человѣческихъ. Въ богословскій курсъ предположено было ввести новую науку каноническаго права.—Въ теченіе перваго же академическаго курса въ 1810 г. начальство петербургской академіи нашло, что студенты были непосильно отягощены количествомъ изучавшихся ими наукъ, такъ что имъ приходилось до 8 часовъ въ сутки употреблять только на слушаніе лекцій, имѣя при этомъ на рукахъ еще множество домашнихъ занятій, тоже весьма обременительныхъ, что вслѣдствіе этого многіе, болѣе ретивые изъ нихъ, просиживаютъ за занятіями цѣлыя ночи въ ущербъ своему здоровью; это побудило комиссію дух. училищъ раздѣлить академическія науки на общеобязательныя для студентовъ и частныя, къ которымъ отнесены исторія и математика, имѣвшія изучаться студентами по выбору;—чрезъ это академическій курсъ значительно облегчился и получилъ нѣкоторыя выгоды факультетской спеціализаціи наукъ.

Преобразованіе духовныхъ школъ вводилось постепенно, по округамъ, начиная съ петербургскаго. Въ преобразованіи петербургской академіи, которая должна была служить образцомъ для другихъ, члены комиссіи приняли непосредственное участіе, взявшись лично устроять ея классы, каждый по одному классу, м. Амвросій—богословскій, Державинъ—историческій, кн. Голицынъ—математическій, Сперанскій—философскій, Ѳеофилактъ—словесный, въ который самъ же за-

числился и профессоромъ; они выбрали, каждый въ свой классъ, профессоровъ и баккалавровъ изъ лучшихъ преподавателей разныхъ семинарій, разсматривали ихъ программы, производили испытанія студентамъ и устроили дѣйствительно образцовую академію. Въ доказательство этого достаточно указать на то, что въ числѣ преподавателей ея перваго курса были такія лица, какъ Филаретъ, самъ Ѳеофилактъ, Иннокентій Смирновъ, математики Гурьевъ и Гроздовъ, историкъ Орловъ, профессоры философіи Фесслеръ, потомъ фонъ Горнъ, греческаго языка Грефе и др., что въ теченіе первыхъ же 4 лѣтъ академія успѣла представить такія ученыя руководства по своимъ наукамъ, какъ Записки Филарета на книгу Бытія, библейская исторія его же и церковная исторія Иннокентія, что изъ перваго курса ея вышли такіе студенты, какъ Григорій Постниковъ (послѣ митрополитъ петербургскій), Аѳанасій Дроздовъ, Моисей Платоновъ, Кириллъ Платоновъ, Герасимъ Павскій, Иродіонъ Вѣтринскій, Іоакимъ Кочетовъ, что даже по математическому классу образовались такіе спеціалисты, какъ В. Сербжинскій и С. Райковскій, Всѣ эти студенты оставлены были при академіи преподавателями. Не удивительно, что первый выпускъ студентовъ былъ настоящимъ праздникомъ для академіи, который она отпраздновала (1814 г.) весьма торжественно. На этомъ торжествѣ между прочимъ провозглашены были первые доктора богословія: изъ членовъ св. Синода м. Амвросій, Михаилъ черниговскій и Серафимъ минскій, ректоръ академіи Филаретъ, инспекторъ Филаретъ Амфитеатровъ и ректоръ семинаріи Иннокентій Смирновъ. Государь удостоилъ м. Амвросія и ректора Филарета особыми рескриптами, а въ указѣ на имя комиссіи выразилъ желаніе, чтобы дух. училища были „въ прямомъ смыслѣ училищами истины. Просвѣщеніе, писалъ онъ, по своему значенію есть распространеніе свѣта и конечно должно быть того, который во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ. Сего свѣта держась во всѣхъ

случаяхъ, вести учащихся къ истиннымъ источникамъ и тѣми способами, какими Евангеліе очень просто, но премудро учитъ; тамъ сказано, что Христосъ есть путь, истина и животъ; слѣдовательно внутреннее образованіе юношей по дѣятельному христіанству да будетъ единственною цѣлію сихъ училищъ". Напряженіе, съ какимъ работала преобразованная академія въ теченіе перваго своего курса, продолжалось и въ послѣдующіе курсы, которые тоже выставили изъ своей среды много людей извѣстныхъ въ исторіи нашей іерархіи и духовной литтературы. На степень доктора возведены были: Григорій Постниковъ (1817 года), Г. Павскій (1821), Моисей Платоновъ, Кириллъ Платоновъ, Поликарпъ Гайтанниковъ (1822), І. Кочетовъ (1823) и Іоаннъ Доброзраковъ (1825). Съ 1821 г. академія начала издавать свой академическій журналъ — Христіанское Чтеніе.

Въ 1814 г., по окончаніи перваго курса петербургской академіи, приступлено было къ преобразованію московской академіи съ ея округомъ, къ которому на время, до открытія казанской академіи, присоединенъ былъ и казанскій учебный округъ. При этомъ преобразованіи московская академія съ прежняго своего мѣста, изъ Заиконоспасскаго монастыря, переведена была въ лавру на мѣсто троицкой семинаріи, а послѣдняя въ Перервинскій монастырь. Изъ петербургской академіи въ московскую опредѣлено баккалаврами 8 студентовъ перваго курса. Ректорами, послѣ короткаго управленія прежняго ректора Симеона Крылова и Филарета Амфитеатрова, съ 1819 г. были тоже воспитанники того же курса петербургской академіи, Кириллъ Платоновъ и Поликарпъ Гайтанниковъ. Первый курсъ вновь преобразованной московской академіи далъ ей знаменитыхъ потомъ преподавателей П. Делицина по математикѣ и Ѳ. Голубинскаго по философіи. Затѣмъ она постепенно стала наполняться другими преподавателями изъ своихъ воспитанниковъ. Особаго литтературнаго органа, академическаго жур-

нала, московская академія у себя не завела, но съ 1818 г. издавала сборники разныхъ трудовъ своихъ воспитанниковъ, по одному сборнику черезъ 2 года, за каждый новый академическій курсъ.—Въ 1819 г. очередь преобразованія дошла до кіевскаго округа. Кіевская академія при своемъ преобразованіи получила отъ петербургской 7 преподавателей, затѣмъ въ слѣдующій курсъ еще 4. Ректоромъ былъ назначенъ въ нее Моисей Платоновъ, за нимъ слѣдовали другіе изъ петербургскихъ же воспитанниковъ, Мелетій Леонтовичъ, Смарагдъ Крыжановскій, Іеремія Соловьевъ.—Преобразованіе казанскаго округа было отложено на неопредѣленное время. Сама старая казанская академія въ 1818 г. была обращена въ преобразованную семинарію, въ каковомъ положеніи и осталась навсегда. При образованіи казанскаго учебнаго округа, послѣдовавшемъ въ 1842 г., была основана уже новая казанская академія.

Духовная литтература и наука при Александрѣ значительно оживилась, особенно послѣ преобразованія дух. школъ, успѣвшихъ въ короткое время выпустить изъ своихъ стѣнъ нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ духовной литтературы.

Проповѣдное слово, кромѣ извѣстныхъ ораторовъ прежняго времени, которые уже оканчивали теперь свое общественное служеніе, м. Платона, Анастасія, І. Леванды, Амвросія Подобѣдова, Меѳодія Смирнова и др., въ царствованіе Александра нашло много новыхъ видныхъ представителей. Въ Петербургѣ въ началѣ царствованія славился своимъ ораторскимъ талантомъ Ѳеофилактъ Русановъ; слова его изданы въ Москвѣ 1806 и 1809 г. Въ Москвѣ на смѣну м. Платона выступилъ его ученикъ и потомъ преемникъ іерархическаго служенія Августинъ, ораторъ-поэтъ, прославившійся особенно двумя своими словами: На память воиновъ, павшихъ на Бородинскомъ полѣ (1813), и на взятіе Парижа 1814 г., помѣщавшимися въ нашихъ реторикахъ и христоматіяхъ въ качествѣ образцовыхъ по стилю. Преем-

никомъ м. Амвросія былъ Михаилъ Десницкій, начавшій свое проповѣдническое служеніе еще съ 1785 года въ должности священника московской церкви Іоанна Воина, послѣ м. Платона одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ проповѣдниковъ конца XVIII и начала XIX столѣтія. Собраніе его сочиненій, состоящее преимущественно изъ катихизическихъ, литургическихъ и нравственно-назидательныхъ бесѣдъ глубоко-христіанскаго и общедоступнаго характера, въ 1855—56 году вышло въ 16 томахъ (раньше 1815—16 г. 10 томовъ, 1823—1824—9). Высшую степень развитія проповѣднаго слова представляютъ конечно слова знаменитѣйшаго витіи нашего вѣка, Филарета московскаго, поразившія всѣхъ современниковъ и глубиною богословскаго созерцанія, и необычайною силою стройной діалектики, и увлекательностію сжатаго, но въ высшей степени художественнаго языка. Въ этотъ первый Александровскій періодъ своего проповѣдническаго служенія онъ не былъ проповѣдникомъ общедоступнымъ для пониманія, былъ церковнымъ ораторомъ исключительно высшаго, образованнаго класса, увлекавшагося религіознымъ мистицизмомъ, но его проповѣдь тѣмъ не менѣе имѣла высокое церковно-общественное значеніе, какъ выраженіе истинно православнаго созерцанія въ противовѣсъ шаткимъ и нечистымъ идеямъ наноснаго съ запада мистицизма разныхъ Эккартсгаузеновъ, Штиллинговъ, Дю-Туа, Гіонъ и т. п.—Кромѣ столичныхъ архипастырей, было извѣстно нѣсколько архипастырей-проповѣдниковъ въ разныхъ епархіяхъ, каковы: ученикъ Платона, тульскій, потомъ казанскій архіерей Амвросій Протасовъ, о которомъ Платонъ сказалъ: „Если бы я такъ писалъ, какъ онъ, меня сходилась бы слушать вся Россія", и котораго лучшія слова: на избраніе судей въ Тулѣ 1815 г. и на успеніе Богоматери 1814 г., въ качествѣ образцовыхъ, помѣщались въ нашихъ христоматіяхъ; извѣстный ученый архипастырь Евгеній Болховитиновъ, отъ котораго осталось 4 тома проповѣдей

(К. 1834 г.); ученый ректоръ кіевской академіи, потомъ епископъ чигиринскій Ириней Фальковскій, оставившій до 1300 проповѣдей (не изданы); архангельскій епископъ Неофитъ Докучаевъ, слывшій Златоустомъ сѣвера (нѣсколько его проповѣдей изд. въ Спб. 1822. 1823 и 1824 г.); нижегородскій Моисей Близнецовъ-Платоновъ (издалъ въ печати нѣсколько словъ порознь въ разное время въ 1802—1812 гг.); пензенскій Иннокентій Смирновъ, проповѣдническая дѣятельность котораго относится впрочемъ главнымъ образомъ ко времени его петербургской жизни (Собр. сочин. Спб. 1821). Изъ бѣлаго духовенства особенно славился проповѣднымъ даромъ петербургскій священникъ А. Маловъ, извѣстный своею солидарностію съ мистиками (Слова его изд. въ Спб. 1822—1824 г.). Въ Москвѣ проповѣдничество было въ большомъ ходу у бѣлаго духовенства, такъ что нѣкоторые ученые священники представляли иногда свыше 50 проповѣдей въ годъ.

Архіереи разныхъ епархій побуждали ученыхъ священниковъ къ исполненію проповѣдническаго долга, назначая для каждаго изъ нихъ обязательное число проповѣдей въ годъ (наприм. Моисей нижегородскій —12), которыя они обязаны были сказывать въ каѳедральныхъ и уѣздныхъ городскихъ соборахъ по особому росписанію очередей. Кромѣ обычныхъ проповѣдей, при церквахъ духовно-учебныхъ заведеній, при соборахъ и нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ по прежнему обычаю продолжали преподаваться народу катихизическія поученія, представлявшія собою нѣкотораго рода публичные курсы по богословскимъ предметамъ, догматикѣ, нравственному богословію и литургикѣ. Въ 1821 г., сѣтуя о крайне низкомъ уровнѣ религіознаго образованія въ народѣ, св. Синодъ указомъ 25 янв. предписалъ архіереямъ употребить всевозможное пастырское попеченіе объ усиленіи этого рода церковнаго обученія пасомыхъ по всѣмъ епархіямъ.

Многія духовныя лица принимали живое участіе въ составленіи, переводѣ и изданіи для общества разныхъ назидательныхъ сочиненій, особенно во время усиленія издательской дѣятельности Библейскаго общества. Изъ нихъ болѣе извѣстны: петербургскій протоіерей Григорій Мансвѣтовъ, напечатавшій Краткія поученія для воиновъ (Спб. 1821), Обязанности домашняго общества (1823), Краткое изъясненіе на литургію (1822. 1825), Поученіе, какъ стоять въ церкви (1824), и весьма извѣстное въ свое время сочиненіе въ 6 частяхъ Училище благочестія (1824 — 1826), и московскіе протоіереи Іоаннъ Кандорскій, написавшій нѣсколько сочиненій противъ вольнодумства, и Николай Друговъ, издавшій Изъясненіе евангельскихъ блаженствъ (М. 1818), Вѣрный путь ко спасенію въ 3 частяхъ (1816 и 1822), Духъ утѣшитель на каждый день (1820) и др. Важное значеніе имѣли сочиненія и переводы, направленныя противъ вольнодумства, каковы переводы: Ѳеофилакта Русанова О достовѣрности Евангелія Бозобра (1803), О превосходствѣ религіи Люзерна (1804) и Противъ безвѣрія (1806), Смирнова Іудейскія письма къ Вольтеру (М. 1808 и 1818 г.), Т. Крылова Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи Іерузалема (М. 1816 и 1817 —1819) и мн. др. Но замѣчательно, что, кромѣ указанныхъ выше немногихъ сочиненій, не являлось на свѣтъ ни одного труда, который бы касался религіозныхъ ошибокъ и крайностей наиболѣе выдававшагося современнаго настроенія общества, — мистическаго. Еще менѣе занималъ духовную литературу вопросъ о расколѣ и народныхъ сектахъ; кромѣ упомянутаго сочиненія Евгенія Болховитинова о духоборцахъ, притомъ же въ свое время остававшагося подъ спудомъ, можно указать развѣ еще на очень слабое Наставленіе правильно состязаться съ раскольниками ректора рязанской семинаріи Іеронима, выдержавшее 3 изданія (М. 1807, 1815 и 1825 г.), и не изданныя, даже, кажется, совсѣмъ затерянныя цензурой, обширныя тетради противъ раскольниковъ, особенно

Ѳедосѣевцевъ, лучшаго въ то время знатока раскола, московскаго единовѣрческаго протоіерея І. Полубенскаго.

На поприщѣ истолкованія св. Писанія изъ прежнихъ экзегетовъ продолжали подвизаться Ириней (Клементьевскій) псковскій, издавшій при Александрѣ свои толкованія на пророковъ (Спб. 1804, 1809, 1816) и на псалмы (М. 1805 второе изд., 1807, 1814), и другой Ириней (Фальковскій) чигиринскій, издавшій толкованія на посланія къ римлянамъ (Кіевъ 1806) и къ галатамъ (1807). Въ 1805 г. на русскомъ языкѣ издано Толкованіе воскресныхъ Евангелій Никифора Ѳеотоки, бывшаго архіепископа астраханскаго, написанныя имъ на греческомъ языкѣ еще въ 1796 г., а въ 1809 г. переведены и изданы его же толкованія на воскресные Апостолы. Въ 1807 г. Сильвестръ Лебединскій архангельскій напечаталъ Приточникъ евангельскій въ 2 частяхъ. Преемникъ его по каѳедрѣ Парѳеній Петровъ составилъ Симфонію на Пятокнижіе (М. 1823); подъ его же смотрѣніемъ вѣроятно составлены Симфоніи на Іова, творенія Соломона и І. Сирахова и на пророковъ (изд. уже въ 1825—1826 гг.). Въ 1806 г. явилось руководство къ герменевтикѣ, болѣе удобное для школъ, чѣмъ руководство Рамбахія, Compendium Hermenevticae sacrae, составленное тобольскимъ, потомъ ярославскимъ епископомъ Антоніемъ Знаменскимъ. Труды новыхъ ученыхъ, явившіеся послѣ преобразованія дух. школъ и подъ вліяніемъ сильно возбужденнаго библейскаго движенія, подвинули изученіе св. Писанія значительно впередъ. Таковы были извѣстные труды ректора петербургской академіи Филарета Толкованіе на 67 псаломъ (1814 г.) и Записки на кн. Бытія (1816), читанныя имъ первому курсу академіи, и баккалавра той же академіи Григорія Постникова Commentatio de prophetis in genere, доставившее автору въ 1817 г. степень доктора. Въ московской академіи герменевтическими трудами славились ректоры Филаретъ Амфитеатровъ, послѣ ко-

тораго осталась рукопись толкованія на прор. Исаію, и Кириллъ Богословскій Платоновъ, получившій въ 1822 г. степень доктора за толкованіе на посланіе къ евреямъ (рукопись). Въ томъ же году ту же степень за преподаваніе св. Писанія получилъ ректоръ кіевской академіи Моисей Платоновъ. Въ 1825 г. на степень доктора возведенъ ректоръ петербургской семинаріи Іоаннъ Доброзраковъ (изъ студентовъ II курса петербургской академіи) за свои Institutiones Hermenevticae sacrae (изд. въ 1828 г.), сдѣлавшіяся потомъ учебною книгою для семинарій по герменевтикѣ. Извѣстно кромѣ того, какое живое участіе академическіе ученые принимали въ русскомъ переводѣ книгъ св. Писанія, который имѣлъ особенно важное значеніе для распространенія знакомства съ св. Писаніемъ въ публикѣ. Незабвеннымъ по этого рода трудамъ осталось имя профессора петербургской академіи и университета протоіерея Г. П. Павскаго, знатока еврейскаго языка и автора извѣстной во всѣхъ семинаріяхъ еврейской грамматики; за труды свои по переводу св. Писанія и за сочиненія о псалмахъ (1820) онъ тоже былъ возведенъ (въ 1821 г.) въ степень доктора.

Изъ богословскихъ системъ до преобразованія дух. школъ лучшимъ руководствомъ при изученіи богословія была система Иринея Фальковскаго, изданная въ 1802 г. подъ заглавіемъ Orthodoxae theologiae dogmatico-polemicae compendium. Въ 1806 г. вышелъ одинъ изъ первыхъ опытовъ изложенія систематическаго богословія на русскомъ языкѣ,—Система христіанской богословіи въ 3-хъ частяхъ іеромонаха Ювеналія Медвѣдскаго, но не имѣлъ особеннаго распространенія. Послѣ преобразованія дух. школъ изученіе богословія получило въ нихъ большее расширеніе и богословская наука развѣтвилась на нѣсколько самостоятельныхъ отраслей. Въ 1814 г. ректоръ петербургской академіи Филаретъ, по порученію комиссіи дух. училищъ, составилъ подобное и стройное обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ ихъ препо-

даванію въ академіяхъ, въ которомъ представилъ первый опытъ систематизаціи и взаимныхъ отношеній всѣхъ главныхъ отраслей научнаго богословія. Его собственные опыты богословскихъ трудовъ поставили его во главѣ современныхъ ему русскихъ богослововъ; опыты эти, упомянутые нами выше: Изложеніе разностей между восточною и западною церковію въ ученіи вѣры, Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ и особенно краткій и пространный Катихизисы, которые по глубинѣ мыслей, краткости, ясности и образцовой догматической отчетливости оставили далеко позади себя прежніе катихизисы м. Платона. Преемникъ его по ректурѣ Григорій Постниковъ составилъ подробныя лекціи по догматикѣ; часть ихъ была издана отдѣльными статьями въ Христіанскомъ Чтеніи 1822 г., большая же часть осталась въ рукописи, но была извѣстна по всѣмъ академіямъ и семинаріямъ и составляла важное пособіе для преподавателей богословія. Въ московской академіи оставили послѣ себя собственныя записки по догматикѣ ректоры Филаретъ Амфитеатровъ, отличавшійся въ преподаваніи богословія полною отрѣшенностію отъ всякихъ заимствованій изъ системъ западныхъ богослововъ, безукоризненнымъ православіемъ и задушевною благочестивою настроенностію, и Поликарпъ Гайтанниковъ, который первый изъ русскихъ богослововъ сталъ обильно пользоваться въ своей системѣ свидѣтельствами изъ твореній св. отцевъ и прилагать къ богословію историческій методъ, возбуждавшій тогда много толковъ на западѣ, но, руководствуясь преимущественно Либерманомъ, былъ не совсѣмъ самостоятеленъ въ своихъ трудахъ. По новой систематизаціи богословскихъ наукъ въ особую отрасль должно было выдѣлиться богословіе обличительное, но въ описываемое время пока еще не успѣло достигнуть такой самостоятельности и обыкновенно соединялось въ преподаваніи съ догматикою.

По богословію нравственному имѣли особенное значеніе: Дѣятельное богословіе (1821 г. въ Собр. сочиненій) Иннокентія Смирнова, читанное имъ въ петербургской академіи, и Черты дѣятельнаго ученія вѣры І. Кочетова (Спб. 1824), получившаго за это сочиненіе степень доктора. Каноническое право не получило самостоятельнаго положенія въ богословскомъ курсѣ, какъ предполагалось при реформѣ дух. училищъ, и преподавалось лишь въ общихъ чертахъ вмѣстѣ съ богословіемъ. Въ 1814 г. инспектору петербургской академіи Аѳанасію Протопопову (послѣ архіепископъ тобольскій) поручено было составить систему этой науки, но за скорымъ своимъ выѣздомъ изъ Петербурга въ ректоры старой казанской академіи онъ не успѣлъ выполнить этого порученія; нѣкоторая часть этой работы осталась послѣ него въ рукописи. Въ рукописи остались такъ же записки по каноникѣ преподавателя московской академіи (послѣ епископа нижегородскаго) Моисея Близнецова-Платонова и Систематическій сводъ законовъ грекороссійской церкви въ 6 частяхъ епископа оренбургскаго Августина Сахарова. Церковная археологія въ преподаваніи по дух. школамъ соединялась съ церковной исторіей и вошла по частямъ въ упомянутыя классическія руководства по этой исторіи Филарета и Иннокентія. Въ литтературѣ по этой отрасли богословскихъ наукъ болѣе всего являлось трудовъ литургическаго содержанія, болѣе интересныхъ для публики и для самого духовенства. Сюда относятся: Новая Скрижаль Веніанима Румовскаго (М. 1803); Изъясненіе литургіи И. Дмитревскаго (М. 1804. 1805. 1807. 1812), сочиненіе для своего времени весьма ученое; два руководства къ пасхаліи архіепископа Мефодія Смирнова и профессора московской академіи А. Тяжелова (М. 1820); Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ церковныхъ протоіерея І. Кутепова (М. 1814), представляющее краткое изложеніе свѣденій о священныхъ лицахъ, временахъ и мѣстахъ, о священ-

ныхъ дѣйствіяхъ, церковномъ правленіи, свящ. одеждахъ и богослужебныхъ книгахъ; сочиненія законоучителя петербургскаго Екатерининскаго института Іак. Воскресенскаго—Краткое толкованіе на литургію (Спб. 1815) и О церкви, утваряхъ, службахъ и св. облаченіяхъ въ 2 ч. (1821).

Церковно-историческая наука, важность которой для богословскаго образованія была сознана еще во второй половинѣ XVIII столѣтія, составила теперь весьма видную отрасль духовной учености и произвела нѣсколько замѣчательныхъ литтературныхъ трудовъ. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе первый полный курсъ исторіи русской церкви м. Платона (М. 1805), бывшій долгое время руководствомъ для духовно-учебныхъ заведеній, и два упомянутыя руководства Филарета и Иннокентія,—одно по библейской, другое по общей церковной исторіи. Одновременно съ исторіей Платона вышли въ свѣтъ (М. 1805) историческіе труды ученаго Меѳодія Смирнова: Исторія первыхъ вѣковъ христіанства на латинскомъ языкѣ и О флорентинскомъ соборѣ. Въ 1814 г. извѣстный историкъ и обличитель раскола единовѣрческій петербургскій протоіерей Андрей Журавлевъ издалъ свой Историческій ѳеатронъ съ историческими извѣстіями о царяхъ, князьяхъ, патріархахъ и митрополитахъ. Профессоръ петербургской академіи Я. Орловъ написалъ обширный Памятникъ событій гражданской и церковной исторіи въ 12 частяхъ и Духъ государей Рюрикова дома въ 5 частяхъ (Спб. 1816). Однимъ изъ самыхъ капитальныхъ трудовъ по русской церковной исторіи былъ безспорно совмѣстный трудъ Амвросія Орнатскаго и Евгенія Болховитинова—Исторія россійской іерархіи въ 6 частяхъ (М. 1807—1816), драгоцѣнная справочная книга при занятіяхъ русской церковной исторіей даже доселѣ. Кромѣ этихъ историческихъ трудовъ, имѣвшихъ общій характеръ или обнимавшихъ собою обширныя части исторіи, явилось много спеціальныхъ изслѣдованій по разнымъ частнымъ источниче-

скимъ вопросамъ. Извѣстный издатель учебныхъ книгъ и собиратель историческихъ матеріаловъ Н. Бантышъ-Каменскій въ 1805 г. вторично издалъ свою Исторію уніи, составленную по рѣдкимъ рукописямъ; учитель рязанской семинаріи Тих. Воздвиженскій въ 1820 г. напечаталъ Историческое обозрѣніе рязанской епархіи и церковныхъ дѣлъ ея. Особенно замѣчательны многочисленныя историко-археологическія произведенія Евгенія Болховитинова, котораго Сперанскій въ свое время называлъ первымъ русскимъ историкомъ, какъ Филарета — первымъ русскимъ проповѣдникомъ и богословомъ.

Учено-литтературная дѣятельность его началась еще въ Воронежѣ, гдѣ онъ занимался первоначально работами по классическимъ языкамъ и руководствами по церковной исторіи, философіи и богословію для учениковъ семинаріи, печаталъ переводы нѣкоторыхъ полезныхъ въ то время книгъ съ французскаго языка, между которыми особенно извѣстенъ переводъ сочиненія аббата Нонота Вольтеровы заблужденія (1793 года), и издавалъ сочиненія воронежскихъ святителей Тихона и Иннокентія. Господствовавшая его склонность къ историко-археологическимъ трудамъ успѣла обозначиться уже и въ этотъ ранній періодъ его дѣятельности въ изданныхъ тогда сочиненіяхъ его: О древнемъ богослужебномъ пѣніи и особенно пѣніи россійской церкви (1800 г.,—въ 1804 г. сочиненіе это снова напечатано при Синодѣ для разсылки по церквамъ), Объ алтарныхъ украшеніяхъ церкви (1800) и въ Описаніи воронежской губерніи (1800). Во время петербургской службы при академіи ученая дѣятельность его проявилась со всей энергіей и доставила ему уже громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ. Къ этому времени относятся: Каноническое изслѣдованіе о папской власти, написанное имъ въ 1800 г. противъ записки извѣстнаго іезуита Грубера о соединеніи церквей, но въ свое время не изданное въ печати, Историческое изображеніе Грузіи (1802) —первый истори-

ческій трудъ, относившійся къ этой новой и малоизвѣстной тогда окраинѣ Россіи, Полный мѣсяцесловъ 1803 г. и Рѣчь 1803 г. на празднованіе столѣтія Петербурга (не изд.). Въ то же время имъ проведено въ печать нѣсколько студенческихъ сочиненій, составленныхъ подъ его руководствомъ и при такомъ съ его стороны участіи, что онъ прямо называлъ ихъ своими; таковы: Историческое изслѣдованіе о соборахъ россійской церкви (1803), О соборномъ дѣяніи въ Кіевѣ на еретика Мартина, Разсужденіе о началѣ, важности и знаменованіи церковныхъ облаченій, Разсужденіе о Православномъ Исповѣданіи П. Могилы (1804), Историческое разсужденіе о чинахъ грекороссійской церкви (1805). Вѣроятно къ тому же времени относятся его не конченныя и не изданныя записки по исторіи русской церкви. Послѣ переѣзда въ Новгородъ (1804) онъ усердно предался изученію памятниковъ новогородской старины, плодомъ котораго были его Разговоры о древностяхъ Новгорода (М. 1808). По порученію св. Синода онъ занимался здѣсь еще составленіемъ проекта о духовныхъ школахъ; историческая часть этого проекта вошла потомъ въ извлеченіи въ докладъ комитета 1808 г. и въ полномъ видѣ въ I часть Исторіи россійской іерархіи. Изъ Новгорода же онъ напечаталъ въ Любителѣ словесности (1806), написанныя для представленія въ Синодъ еще въ 1803 г., свои Критическія замѣчанія на рецензію моравскаго дворянина Ганки о рукописи славянской якобы VIII в. Мы упоминали уже о третьемъ ученомъ трудѣ его того же времени, написанномъ для представленія въ св. Синодъ,—его не изданной запискѣ о духоборцахъ. Кромѣ этихъ трудовъ, онъ печаталъ отъ времени до времени статьи въ журналѣ Хвостова Другъ просвѣщенія 1805 — 1806 гг., каковы: Извѣстіе о первомъ россійскомъ посольствѣ въ Японію 1792 г. (и отд. книгой М. 1805) и цѣлый рядъ статей о русскихъ писателяхъ, изъ которыхъ послѣ составились его Словари о россійскихъ писателяхъ. Въ Новгородѣ же вмѣстѣ съ Амвросіемъ онъ началъ составлять и издавать Исторію россійской

іерархіи. Участія въ этомъ трудѣ, который онъ цѣнилъ весьма высоко, онъ не оставлялъ и послѣ по удаленіи изъ Новгорода, усердно добывалъ для него матеріалы, писалъ цѣлыя статьи о монастыряхъ и все отсылалъ къ Амвросію въ Новгородъ.

Такой необыкновенной учено-литтературной его производительности не прекратила и многотрудная служба его въ должности самостоятельнаго епархіальнаго архіерея. Въ Вологдѣ (съ 1808 г.) онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи обстоятельную исторію вологодской епархіи, пермскихъ и устюжскихъ архіереевъ, свѣденія о вологодскихъ святыхъ и описаніе монастырей вологодскаго края,—послѣдній трудъ вошелъ въ составъ Исторіи росс. іерархіи. При изученіи пермскихъ древностей онъ встрѣтился съ вопросомъ о зырянской граматѣ, отыскалъ нѣсколько книгъ на зырянскомъ языкѣ и изучилъ зырянскую азбуку; результаты его открытій по этому предмету изложены имъ въ статьѣ его Словаря о Стефанѣ пермскомъ. Кромѣ того въ Вѣстникѣ Европы 1813 г. помѣщена была его статья о древностяхъ пермскихъ и зырянскихъ. Во время своего служенія въ Коломнѣ (съ 1813 г.) онъ усердно работалъ надъ своимъ Словаремъ писателей и велъ по разнымъ предметамъ, входившимъ въ многосложный составъ этого труда, дѣятельную переписку съ русскими учеными и библіографами, Калайдовичемъ, Бантышъ-Каменскимъ, Сопиковымъ и др., не столько впрочемъ пользуясь ихъ помощью, сколько самъ помогая имъ своими обширными свѣденіями и драгоцѣнными указаніями. Наприм. Сопиковъ изъ его Словаря цѣликомъ почти заимствовалъ для своей Библіографіи исторію русскаго книгопечатанія. Дѣло съ напечатаніемъ Словаря шло очень вяло, такъ какъ Общество исторіи и древностей, которому Евгеній отдалъ свой трудъ для напечатанія, отнеслось къ нему очень небрежно. Авторъ порѣшилъ наконецъ раздѣлить свой трудъ на два,—Словарь духовныхъ и Словарь свѣтскихъ писателей; первый Словарь ему удалось выпустить въ свѣтъ въ

1818 г., а второй вышелъ уже послѣ его смерти въ 1846 г. Одновременно съ занятіями по Словарю онъ писалъ ученыя статьи въ Вѣстникъ Европы и въ Труды Общества исторіи и древностей: О личныхъ собственныхъ именахъ славяноруссовъ, О родахъ присяги у славяноруссовъ, О старинной славянской ариѳметикѣ, Объ уставныхъ и губныхъ граматахъ, О граматѣ Мстислава Юрьеву монастырю и др., собиралъ коллекціи монетъ и медалей, открылъ и даже обработалъ нѣсколько новыхъ письменныхъ памятниковъ (напр. Исторію Курбскаго, Хожденіе Даніила, Мстиславову грамату), помогалъ Калайдовичу при изданіи его Русскихъ Достопамятностей, наконецъ занимался обработкой обширнаго и многотруднаго изслѣдованія о славянскихъ библейскихъ переводахъ, которое впрочемъ не было напечатано и почти все пропало въ рукописи. — Въ 1816 г. онъ былъ переведенъ въ Псковъ и немедленно занялся псковскими древностями. Плодомъ этихъ занятій были: Описанія нѣсколькихъ монастырей Псковской епархіи, Исторія княжества Псковскаго въ 4 частяхъ (напеч. уже въ 1831 г., хотя была готова еще въ 1817) и Лѣтопись Изборска (напеч. въ Отеч. Зап. 1825 г.). Особенно усердно онъ занимался здѣсь изученіемъ списковъ Кормчей; изъ записокъ и замѣчаній объ этихъ спискахъ у него составились обширныя тетради, которыми пользовался въ своемъ Обозрѣніи Кормчей извѣстный баронъ Розенкампфъ. Евгеній велъ съ нимъ переписку и въ 1822 г. написалъ для него большую статью, напечатанную потомъ при Описаніи Кіево-Софійскаго собора, объ употребленіи Кормчей въ гражданскихъ и уголовныхъ судахъ россійскихъ. Въ 1818 г. за представленіе замѣчаній о славянской Кормчей Евгеній былъ назначенъ членомъ корреспондентомъ комиссіи о составленіи законовъ. Въ этомъ почетномъ званіи онъ приготовилъ къ 1824 г. Историческое обозрѣніе россійскаго законоположенія отъ древнѣйшихъ временъ до 1824 г. (напеч. въ Новомъ памяти. законовъ 1825 г.).—Наконецъ отъ служенія его въ

Кіевѣ за описываемое время остались труды: Описаніе Кіево-Софійскаго собора (1825) и Описаніе Кіевопечерской лавры (1826). Эта изумительная по производительности ученая дѣятельность его еще далеко не закончилась перечисленными трудами,—продолженіе ея видимъ и въ слѣдующее царствованіе.

Россійская академія, университеты и разныя ученыя и литтературныя общества наперерывъ приглашали его въ число своихъ членовъ. Его переписка съ русскими учеными и библіофилами была такъ обширна и обильна учеными замѣчаніями, библіографическими, историческими и археологическими указаніями и новыми открытіями, что можетъ быть тоже внесена въ число его ученыхъ работъ. Около 1813 г. онъ вошелъ въ близкія сношенія съ знаменитымъ покровителемъ русской науки, графомъ Н. П. Румянцевымъ, который содѣйствовалъ своими средствами изданію и описанію многихъ памятниковъ старины, въ томъ числѣ и церковныхъ. Между ними возникла живая переписка о самыхъ разнообразныхъ предметахъ исторіи, археологіи и литтературы; Румянцевъ называлъ Евгенія своимъ „совѣтникомъ, другомъ, учителемъ, лучшимъ судьей“ въ историко-археологическихъ работахъ, извѣщалъ его о своихъ занятіяхъ и предпріятіяхъ, просилъ его совѣтовъ и съ своей стороны снабжалъ его книгами и матеріалами для работъ.

На средства Румянцева въ петербургской академіи воспитывался (1815—1819) другой нашъ знаменитый археологъ и историкъ, протоіерей Іоаннъ Григоровичъ, еще въ бытность свою въ академіи доставившій графу критическій разборъ списковъ св. Писанія XVI в. Въ 1824 г. имъ были напечатаны Опытъ о посадникахъ новогородскихъ и Бѣлорусскій архивъ съ переводомъ множества польскихъ актовъ на русскій языкъ. Въ 1817 г. Румянцевъ пожертвовалъ въ петербургскую и московскую академіи по 35 червонцевъ въ видѣ премій за сочиненія студентовъ на двѣ заданныя имъ самимъ темы: о ересяхъ и расколахъ

въ русской церкви и о соборахъ россійской церкви. Въ описываемое время сочиненія эти еще не были представлены.

Въ заключеніе этого обзора тогдашней литтературы нельзя не упомянуть о многочисленныхъ письмахъ и мемуарахъ того времени, обрисовывающихъ состояніе церковныхъ дѣлъ при имп. Александрѣ, послужившихъ главными источниками и при составленіи настоящихъ чтеній. Таковы письма м. Платона къ Амвросію и Августину, переписка Филарета московскаго съ родными, кн. Голицынымъ и др. лицами, письма самого Голицына къ Августину, Филарету, Серафиму, Фотію, граф. Орловой, барон. Крюднеръ и др., огромная переписка съ разными лицами Евгенія Болховитинова, письма Иннокентія пензенскаго, письма архим. Фотія къ граф. Орловой, къ м. Серафиму, Шишкову, архим. Герасиму, упомянутая уже переписка Сперанскаго, письма Лопухина къ Сперанскому и мн. другія. Изъ записокъ и воспоминаній, относящихся къ Александровскому времени, въ церковно-историческомъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе записки оберъ-прокурора Яковлева, статсъ-секретаря Шишкова, архимандрита Фотія, написанное Фотіемъ житіе Иннокентія пензенскаго, записки Лопухина, О. Лубяновскаго, мистика Лохвицкаго, члена Татариновскаго общества художника Боровиковскаго, И. И. Мартынова, статья о состояніи русской церкви при Александрѣ I А. Стурдзы. Не мало важныхъ матеріаловъ для изученія описываемаго времени можно находить такъ же въ запискахъ позднѣйшихъ составителей мемуаровъ, напр. м. Іосифа литовскаго, архіеписк. Василія полоцкаго, Ф. Ф. Вигеля, В. И. Панаева, архитектора Витберга, протоіерея А. В. Горскаго, который записалъ въ своемъ дневникѣ драгоцѣнныя для церковной исторіи воспоминанія объ Александровскомъ времени м. Филарета, и мн. другихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

8 —

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стрн.	*Стрк.*	*Напечатано:*	*Нужно:*
97	26	въ 1829 г.	въ 1823 г.
132	13	количество	католичество
155	12	скажете,	скажите,
156	30	ея слоевъ	его слоевъ
164	6	сенкретизмъ	синкретизмъ
170	25	аллегоріею	аллегорію
241	30	Веніанима	Веніамина

